

К 1449 452

Галина Щекина
ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. И.В.Бабушкина

ДАР автора

Галина Щекина
ТЕБЕ ВСЁ МОЖНО

Москва
Авторская книга
2013

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус
Щ38

Щекина Г.
Щ38 Тебе всё можно: роман-ретро / Галина Щекина. – М.:
Авторская книга, 2013. – 264 с.

ISBN 978-5-91945-404-5

Тебе всё можно!

Часто этих слов ждут с нетерпением. Надоели запреты, табу, невозможность получить всё и сразу. Но когда человек слышит эти позывные свободы – готов ли он? Вот и героиня романа Валя Дикарева бросилась в омут этой свободы со всего размаху, как в синее море. А дальше – ещё интереснее.

Потому что девочкой руководят не только материальные соображения. А пресловутая жажда познания не всегда приводит к истине. К чему же?

Действие романа уносит туда, где люди ещё помнят о том, что такое хорошо и плохо, где этические нормы не размыты. Читатель узнает некоторые загадки из жизни курортного городка, услышит лязг завода, столкнется с неожиданной трактовкой наготы, побывает на помидорах и кубанской свадьбе... Люди много работают, но улучшения нет. Что тогда интересно? Романтика застоя. Многие это видели. А для многих будет открытие.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)

© Михаил Анчаров, «Морской пейзаж»,
«Колхозница», репродукции на обложке
© Регина Соболева, дизайн обложки
© Щекина Г., 2013

ISBN 978-5-91945-404-5

Пролог. Начиная издалека

Утренний ласковый гомон, за окном неразборчиво пересвистываются воробьи, отчётливо лают собаки через дорогу. Видно, приехали и разложились палатки с печеньем и газетами. А для уличных собак какое событие. Слишком душно для летнего утра, никакой прохлады, стремительно наливается жара. Небо настолько без облаков, что похоже на морские синие глубины по телевизору. Очень хочется добавить: «Панорама домов уходила в лёгкий августовский туман». Но этого делать не стоит, потому что цитата из Анчарова, а если уж у тебя так накопело, обходиться лучше своими словами. То, что Анчаров хотел, он уже написал. Вопрос не в нём, а в том, у кого накопело. Да и панорамы никакой не видно. За сиюминутной суетой машин видишь за окном только худосочные тополя, поднявшиеся со дна двора к этому ослепительно глубокому синему небу. Они стоят этаким стаканом, как символ тесноты жизненного пространства.

Вот, поднялись же. А некоторые, как ни бились, так никуда и не поднялись. Одни сны в голове. Впрочем, умники и умницы умеют распознавать и сны, даже управлять ими.

Хочу объяснить всё. Почему тебе? Ты поймёшь... Ведь приличные рассказчики начинают не с этого. Они начинают словами: «Почтенный читатель! В этой истории ты узнаешь...» Да, в этой истории ты узнаешь что-то новое. Главная героиня тебе известна, но вот её прошлое и для тебя, и для многих других загадка. Знал ли ты, например, что она была в розыске? Что за ней гонялась милиция? Вот видишь, не знал. Было и ещё кое-что. Но начнём издалека.

Привычен характер нашей знакомой, обычная привычка жевать на ходу и невообразимый шум, который её окружает. Как всегда, одежда угрожающе ползёт и валится со спинки стула, книжки, блокноты и листы бумаги падают со стола сразу, как только подходишь звонить по телефону. А из-под стола выглядывают запылённые папки, которые она открывала на прошлой неделе, когда что-то искала. Она всё время что-то ищет, будто нанялась архивариусом человеческих жизней в бюро бессмертия. У неё вправду есть папка в компьютере под названием «Жизни», надо же, всерьёз надеется кого-то записать в историю, хотя это зависит от времени, а не от неё.

Ты понимаешь? Ты понимаешь даже тогда, когда хронология рассказа полностью нарушена. Даже тогда, когда нарушен порядок слов. А другим всё разложишь, а они всё равно далеки.

Эта девушка мало изменилась с тех пор. Она и раньше отличалась привычкой путать работу и отдых, на столе стояли забытые тарелки и кружки, на которых виднелись полоски от чая. И тут же лежали тетради: одна с красивым почерком, с которой она списывала, а вторая новее и толще, но заполненная её неразборчивыми кружелями. Писала крупно, без наклона, но все слова из одинаковых петель, которые и она сама с трудом разбирала. А поверх всего этого – листы, вырванные из тетрадей, письма. Письма она писала по десять-пятнадцать страниц. И пока она их писала, она забывала есть, спать, день на улице или ночь, но только в эти моменты она была в своей тарелке. Недочитанные книги, раскрытые на середине, угрожающе громоздились на её подушке и могли сползти на пол в любой момент. Вот в таком хаосе всегда и проживала девушка по имени Валентина, мечтательно сдвинув очки и уставясь в это самое глубокое небо, в которое смотрим теперь мы.

Да, она иллюзиями питалась, иллюзии заслоняли от неё истинную картину жизни. А может, это и хорошо, может быть, зная истинную картину, она не стремилась бы так жадно приобрести тот опыт, который приобрела. Может быть, зная эту картину, она не пыталась бы переделать мир и не приставала бы к людям со всякой ерундой. А она приставала, ещё как. Ей всегда казалось: вот она узнала что-то новое, что перевернуло душу – и надо сразу же рассказать другим. Как будто они без этого жить не могут! Поэтому, когда рассказывали что-то новое ей, она жадно за это хваталась и пыталась понять. «Да не парься ты! – говорили ей. – Зачем оно тебе надо, чужое горе?» Но она парилась, да так, что о самой себе забывала, поэтому она хотела и от других такого же внимания. «Относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе»... Вот она и относилась к другим максимально, а её просто посылали.

Это очень важно – казалось ей, но это было не важно. Важно было то, что происходит с нею самой, а с ней происходила обычная трагедия взросления. А взросление – это когда зло становится нормой. То есть учат ребёнка добру, и он готов впивать это добро, глотать его, как воду живительную, до бесконечности, а если нет вокруг, то искать, искать до упаду. Но когда, приучив человека к не-

зыблемости добра, его молча подменяют злом, не надо удивляться, что человек впадает в уныние.

Девочка пришла, например, в институт в единственном чёрном платьице с тремя цветными шарфиками. Дома ей объяснили, что это будет смотреться как три разных платья, и она поверила. Но в институте остальные девочки ходили совсем в другой одежде, и на пресловутые «три платья» крутили пальцем у виска. Ей дома объясняли, что надо беречь честь, но в институте все делали с точностью до наоборот, и наша девочка была дура-дурой среди них. Она никак не могла научиться курить, её не принимала яркая, наглая и остроумная институтская среда. Она поэтому уходила с занятий в фонотеку и до вечера сидела там с наушниками, листая учебники, а в её среде тогда никто так не делал. Ей бы возгордиться, что она такая продвинутая, но, увы, она боялась насмешек и скрывала это от всех.

«Хочешь дружить?» – сказали ей однажды, и она кивнула. Ба! Она кому-то интересна ещё! И эти люди пришли к ней с двумя бутылками водки. Такое толкование вопроса обескуражило, но выгнать друзей не хватило решимости. Она хотела отдать жизнь, но отдать было не за кого, и тогда она ушла от социума в книжки и там осталась, ведь там было всё понятно, и ей легко было.

Перед самым дипломом наша девочка Валя свалилась в очередную пропасть под названием Фолкнер. И в то время как её одноклассники как угорелые носились по заводам и учреждениям города, собирая фактологию для своих дипломов, Валя жадно проникалась чуждым для советского человека американским образом жизни. Она входила в неспешное течение фолкнеровской прозы, которая не имела ничего общего с окружающей её действительностью. «Бедные сукины дети, сколько у них горя и тоски, сколько горя и тоски принесли они людям», – мысленно повторяла фразу из книги, машинально отпивая холодное молоко из алюминиевого ковшика, мелко откусывая от четвертинки черного хлеба. Она больше никакой еды не хотела. Вот какая была сила воздействия – сильней реальности. Возможно, американская литература захлестнула бы её и без помощи Ланы, да и какая разница в ком, в чём был источник, главное – вхождение, быстрое, опьяняющее; сопереживание, глубокое и жгучее. А тем временем до защиты оставалось два месяца, месяц, две недели...

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

И всегда у неё так было. Любовь не совпадала с работой, работа мешала любви. А ты попробуй, возьми себя в руки! Каждый из нас пытался это сделать, и я, и ты, наверное. Именно ты знаешь, что это такое. А у таких, как Валя, всегда всё сикось-накось.

Она мечтала дружить с теми, которые... А они её даже не замечали. И отсюда уход в воображаемый мир. А ещё говорят, Печорин был лишним человеком. Да каждый попадает на эту стезю, каждый лишний, и каждый третий – тоже лишний. Но, когда человек лишний, его страсть и смерть сближаются, а вкус к жизни гаснет. Потому что не туда и не так потратили энергию.

Бывает, что энергия не убывает, ну, сваливается на человека с неба, как подарок. А он так до конца и не понимает своих задач, так и не находит точки приложения этой силы.

Потому что молодость и упоение не дают думать. Какое там! Так долго тянулось ожидание хорошего, и всё было нельзя, нельзя, подожди до завтра... А желания бешено опережали возможности. Казалось, никогда это завтра уже не наступит! И вдруг! Человек же в один прекрасный день получает сразу и молодость, и свободу. Хмелеет. Ну вот, теперь всё можно!

1. Проходная в другую жизнь

Слепящее, горячее, голубое.

На расстоянии вытянутой руки – ватное пушистое облако, никогда не были облака так близко. Миг – и вата поредела, ещё минута – и всё чисто. Пролетели насквозь облако.

Кукурузник пробирался по небу, как по дороге коза бежала. Он громко тарыхтел разболтанными моторами, вилял из стороны в сторону, нырял в невидимые глазу ямы, а то вдруг почти останавливался, кренясь и сотрясаясь всем своим фанерным туловищем. Небесная дорога, раскалённая добела сковородка, прогрела его насквозь. Пассажиры кукурузника – человек десять всего – качались в такт фанерной молотилке. Дед с мешком, в великоватом для него пиджаке и казачьем старом картузе, даже в окошко таращился, две полные казачки, в пестром трикотине и с воздушными косыночками поверх аккуратных пучков, озабоченно обсуждали что-то своё. Бабка в новых полукедах и горошистом крепдешиновом платье, качая головой, держала сморщенной жилистой рукой пакетик у рта худенького внука, а второй рукой – пацана за шейку... Трое командированных, промокших до нитки от ненормальной жары, с кругами на спинах, вовсе не реагировали на тряску. Только молодая девчонка с громадным жёлтым чемоданом и в фирменном платице с погончиками в сине-жёлтую клетку, видно, томилась желанием упасть в обморок: она гримасничала, закатывала глаза, делала судорожные глотательные движения, крепко держалась за хлипкий подлокотник, между ног закрепив чемодан. Командированные, естественно, поглядывали на её круглые коленки и только поднимали брови, дескать, ничего... Или ничего особенного?

Кукурузник здорово трянуло, внучок кашлянул, бабка опять покачала головой.

– Подлетаем, – весело сообщил молодой белобрысый летчик, сдувая пот с красного лба.

– Ой, – протяжно сказала девушка в клетку, впервые подав голос за весь рейс.

– Алё! Не пора ли уж познакомиться? – сразу воспряли командированные.

– Ой, нет, – сказала она. – Если не умру, то познакомимся после посадки.

– Нормальный ход! – согласились командированные и промокнули лбы носовыми платками.

Лесенка из самолета вниз оказалась не с твердыми удобными ступеньками, а из обычных железных прутьев. Все спускались спиной. А девушка вообще была ссажена осторожно, на шести руках. Почуввав под ногами пружинисто-жесткую, рыжеватую аэродромную траву, покачнулась и тоже кашлянула. Её слегка перекосило, а командированный в майке-сетке тут же невпопад и спросил:

– Вас как звать-то?

– Звать – Валентина Петровна! – глухо ответила клетчатая девушка, зажав ладонью рот, и зашагала прочь, волоча чемодан. Её хвостики запрыгали в такт.

Командированные переглянулись сконфуженно. Вокруг стояла плотной стеной сухая жарница. Степной горячий ветер облеплял людей смокшей одеждой. Горошистая бабка проворно тащила на руках кашляющего внука. Она шла последней, а остальные уже посеменили на автобус.

А клетчатая девушка думала – да неужели я не во сне? Конечно, кошмар, как во сне... Спорим – проснусь.

За окошком автобуса, кренясь и подпрыгивая, замелькали сперва огромные поля, густо засеянные подсолнухами и тыквами, а кое-где даже пустые; потом – богатенькие кирпичные и шлакоблочные домики, совсем не похожие на окрестности города юности в средней полосе. Кое-где во дворах были развешаны сети. Ах, сети! Да, ведь должно быть здесь море... Море, поймай меня в свои сети?

Автобус поехал мимо центра. Он тоже скрежетал и раскачивался, как тот кукурузник, активно смаривая людей бензиновым чадом. Большие торговые ряды громоздились по квадрату, тесно лепились магазинчики и кафешки, столики с полосатыми грибками, стопки ящиков с фруктами.

– Скажите, на завод ещё рано выходить? – Валентина вытянула шею.

– Рано, деуля, сиди ещё три остановки.

Валя перетаскивала свой тёмно-жёлтый чемодан перебежками, но он становился всё тяжелей с каждым шагом. Перед ней, наконец, явно нарисовалась проходная чего-то громахающего. Подъезжали машины, сигналили, железные ворота открывались

и закрывались, как в купе. Валентина проморгалась через пыль. Вывески не было.

– Ну, кто-нибудь... ну, скажите, какой это завод, – сказала она тупо, не обращаясь ни к кому.

Сказав, повертела головой, повторилась пару раз. Стало стыдно. Нет, пора идти к людям.

И тут к ней подлетел лихой скакун, а всадник его вздыбил. Парень на велике. Чёрт из табакерки. Рубаха нараспах.

– А! – вскрикнула Валя.

– Алё. Девушка кого-то ищет? – весело осведомился тот.

Валя вздохнула:

– Догадливый... Ищет девушка, ищет... И никак найти не может.

– Так кого? – он опустил скакуна и почти презрительно стал разглядывать её. – Сейчас я ему, кажется, позавидую...

– Позавидуйте заводу, – хмыкнула девушка с чемоданом. – Я завод ищу...

– Да ну? Такая мамзель-бретель – и на завод. А какой вам надо? У нас тут есть три: «баночки» – это консервный, «полиграф-маша» и «ликёрка», то есть ликёро-водочный. Два ресторана и два кино-театра. Живём скромно...

Валя потеряла лоб:

– У вас такая жара, что мне уже всё равно. Хоть какой-нибудь. А какой вот этот? – и показала пальцем на ворота.

– Вот легкомыслие! Ни фиги б себе, сказал я... Тут судьба решается, можно сказать, а девушка, как всегда, капризничает.

– Да какая судьба при такой температуре?!

– Ну, сегодня обещали 35. Как всегда. Это у нас средняя температура. А вы чё, приезжая?

Валя махнула рукой и села на чемодан. А парень все давал кренделя на велике.

– На распределении все кричат про специфику, про жилой фонд, про снабжение... Приедешь – и сразу появляется фактор, про который никто и не знал. Температура! Да какая. Ужас.

Парень странно заусмехался. Всё время говорил слова с двойным смыслом.

– Дело не в температуре, а во влажности. Когда влажность большая, то не страшно... Здесь же море рядом. Понятно?

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

– Да, влажность большая. Мокро, как в бане... Это вообще невыносимо.

– Ну, об этом не вам судить, а тому, к кому попадёте. Какой у вас, к примеру, профиль?

Валя задумалась.

– Широкий.

Парень объехал её на велике.

– Я от неё тащусь. Н-насколько широкий?

– Настолько широкий, что даже... дает право на преподавание.

– А сама подумала: «О чём это он?»

– Эге... Это к Команиди. А жаль... – А сам подумал: «О чём это она?»

– А вы кто здесь вообще? Отдел кадров?

– Я простой рабочий. Гегемон.

– А как отчество?

– Без отчеств! Я ещё молод. Александр Овраги-нн.

– Ну, Валентина... Ну, Дикарева.

– Оврагин – Дикарева. Тут что-то есть... Валентина Оврагина,

– гораздо лучше звучит.

– Не начинайте. Лучше скажите, как на этот ящик попасть?

Саня заоглядывался, крутя головой, даже в землю посмотрел, будто вход был там. Явно тянул время, прикалывался. Но зачем?

– Можно и тут, мимо вахтера. Но, пройдя, обнаружите, что завод не тот. Лучше обойти территорию с обратной стороны. Попадете к парадной проходной. Там и вывеска, и всё на свете... Это ж транспортная проходная.

Валентина о чём-то задумалась.

Подъехала к проходной машина типа фургона. Началась небольшая суета, несколько человек подбежали, стали разгружать. Раздалось негромкое, но отчетливое, легко читаемое звяканье.

– Подавай, я приму. Э, не два ж ящика сразу.

– Боком заноси, – это те, которые уже в проходную прошли.

– Да открой ты ворота, Валерьич.

– Я те открою. Я тогда всё это в журнал занесу. А где накладная?

– Да устный приказ, говорят тебе.

– Вот и заноси устно.

Валя посмотрела и покачала головой.

– Если б это был ликёро-водочный, отсюда б выносили, а не вносили. Наверно, всё-таки, тот завод, который нужен.

– А ты наблюдательная, – Саня крутанул ещё круг и остановился.

Тем временем из проходной выбежала ядрёная казачка в красном топике на широких плечах. Она заголошнно озиралась и в руках держала синий рабочий халат. Послышался шум машины, но смолк за углом. Казачка тоже скрылась из глаз. Машина отъехала. Можно было только догадываться, куда она так спешила. Но раз машина её ждала, значит, надо думать, всё получилось.

– Интересно, куда она так бежала? – это был очередной вопрос в никуда.

Саня усмехнулся:

– А если на пляж? Жара ведь.

– Странно, что в рабочее время.

– А вот так! С транспортного... с чёрного хода в светлое будущее... Во как!

– Но я тоже хочу. Если с чёрного хода быстрее.

– Ох, не торопись, неразумное дитя! Мы ещё не знаем, что тебя привело к нам... Это пока ты расколешься, что у тебя в душе, что в трусах...

Валя опешила просто.

– Наглец! Я с ним как с человеком...

– А я с ней — как с женщиной. Это ценнее.

– Нахал! – Валя резко отвернулась и пошла к дверям проходной. – Сразу на ты перешёл... Пойду спрошу, как и что.

– Нахал – не помахал... – рассмеялся «нахал». – Ишь, ишь она. Ну что?

– Вход в отдел кадров у главной проходной, не мог сказать?

– Как я тебе скажу, если ты как партизанка. Гав-гав — и сразу в блиндаж. Дай-ка чемодан сюда, я научу тебя жить... – недолго думая, он наклонился и вырвал тяжёлый чемодан из рук девушки. И повёз его обратно к проходной.

– Куда, куда? Я теперь не увижу ни чемодана, ничего?

Он спрыгнул с велосипеда, оказался ненормально высокий, метра два с гаком, но ничего так. Орлиное загорелое лицо, высокий лоб, намек на залысину, волосы пепельные, курчавые, растрепаны, как после купания. Улыбка белозубая. Джинсы фирменные, вон как. Он отнёс жёлтый чемодан Валерьичу и подошёл к Вале. Склонившись до самого тына, сказал ей в ухо:

– Ты тут увидишь столько интересного, что думать забудешь про свой несчастный чей-мой-дан. Его, кстати, забереешь после конца смены. Всё, Валюха, мне некогда, – пристегнул велик на цепочку и пошарашился.

Валя едва успела крикнуть вслед:

– Эй! Как вас? Александр! Я как узнаю конец смены?

– По музыке. Начало смены – советские песни. Конец смены – зарубежные. Можно позвонить в канцелярию, но там сейчас нет никого. Потому что планёрка. Можно сходить на пляж, потом ещё раз попытаться, и после планёрки на тебя обратит внимание какой-нибудь... мужчина.

– А если мне нужен директор?

Саня даже остановился.

– Заявочки, однако! Директор сам тебя найдёт, когда будет надо. Только на пляж иди пешком. Не на машине, ясно? А будут обижать – сошлись на Оврагина, отстанут, – и ковбой Оврагин растворился в недрах лязгающего завода.

Валя села на лавочку в сильных слоях краски и густых подтёках. Вахтер Валерьяч ей только что сказал, что это действительно механический завод, но отдел кадров с другой стороны. Позвонил, и там сказали, что надо перезвонить попозже, сейчас все на планёрке. И дал он ей попить воды из холодильника, а потом и початую бутылку с минералкой вручил. Что же делать? Так и загорать тут, у проходной? Куда, если прислушаться, доносился шум прибора.

Небо было почти белое. Хорошо хоть документы с собой, в сумочке. А этот Оврагин такой странный. Говорил с ней так, будто намекал на что-то. Или все здесь такие? Ничего не понятно, какой-то проходимец и сразу берет власть в свои руки. И вещи пропадают...

Валя томительно сидела, вяло бродила, изнывая от жары. Опять послышался шум машины за углом. Казачка в красном топе вернулась. Это Вале ещё в поезде пояснили, что тут живут казаки и казачки. Навстречу этой плотной быстрой казачке двинулась женщина в синем рабочем халате. Жесты: «Ну как?»

– Во!

Опять хлопок дверцы. Но не было шума машины, а из-за угла вышел угловатый небритый человек в шортах и футболке-сетке. Сам он был рыжий, а борода чёрная. Человек из массовой?

Валя сделала шаг в его сторону и почему-то выпрямилась:

– Привет!

– Привет, – не поддержал её человек в шортах. Лицо его было интересное, хищное, какое-то ядовитое.

– Ты следующая?

Она на секунду испугалась. И правильно испугалась. Но почему-то брякнула:

– Ну... я.

А это был, видимо, водитель из той легковушки. И водитель Кириков глянул на неё ещё более подозрительно:

– Что-то я раньше тебя тут не видел. Но, короче, отбой.

Валя, устав от жары и неизвестности, неожиданно обиделась, её понесло.

– Я тебе не понравилась? Престарелых возишь, а девушке отказываешь?

Человек в шортах замер.

– Офонарела? Причём тут я? Мне сказано – отбой. В аэропорт поеду.

Валя лихорадочно соображала, чем бы его сразить.

– Я пожалуюсь! Оврагину.

Человек замер. Видимо, его действительно поразила эта фраза. Потом шорты поддернул, рукой махнул.

– Оврагину?! Так тогда зачем ты тут стоишь? Он пусть и дает тебе квартиру.

И убежал.

Нет, это сумасшедший дом. Только спросила, какой завод, и сразу столько грязных намёков! Придётся пляж самой искать. Или другой завод, хотя бы и ликёро-водочный... Но её-то распределили на механический.

И она медленно пошла прочь, а ей вслед надрывались: «У той горы, где синяя прохлада» и «Песняры» — «Александри-и-ина...»

– Тоже мне, гегемон. На работу и на ту не с утра пошёл. А может, он вообще не на работу... Да и зачем я о нём думаю? Оно мне надо?

2. К нам едет ревизор

Так хорошая девочка Валя Дикарева приехала после института в пыльный южный городок, чтобы работать на заводе. Перед этим у неё были попытки поехать в другие места, но попытки кончились для неё плохо. В одном месте была глухая деревня в степи, где не ступала нога человека, а в другом перед ней замаячил городок в зоне вечной мерзлоты и полярной ночи. Поехать в одну из точек по распределению означало поставить на себе крест. Но этого же никто не хочет! Разведка – вот всё, на что решилась девочка. Но ужас этой разведки всё ещё снился ей по ночам. Стоило закрыть глаза, как песчаная вьюга начинала гудеть, сечь щеки, на зубах скрипел песок, а кто-то старый, небритый, ухмыляясь на одну сторону, бормотал: «Сядешь ты в тюрьму, всё равно сядешь...»

День приезда сильно сбил её с толку, но она из последних сил как-то собралась, ища море, и по дороге даже нашла комнатку у бабки. И уютно, и просто жила там две недели, пока её не признали годной работать на заводе. Отдел кадров на неё посмотрел косо, стал ждать директора, а тот, как нарочно, был в командировке. Как сказала ей сочувствующая инспектор отдела кадров, у директора бывают свои соображения. Лучше не лезть.

А дальше было море, не такое синее, как на картинках, но синезизое, тёплое, ребристое от ветерка. Хрустя белым ракушечником, она шла ближе, ближе, потом ускоряла шаги и, наконец, вбегала в первый плеск, и стояла так, остывая от горячего ожидания. Постепенно оживая, чувствуя лёгкую дрожь нетерпения, будто холод в ступнях и жар в затылке вырабатывали ток. Раздеваясь уже в воде, она долго бродила вдоль берега. Вот это ожидание щекотало. Хочу прыгну, хочу – нет. А вползая в волну – охх! – плюхалась и вертелась в ней, как блин на сковороде.

Каждое утро она ходила купаться. Потом под позывные «У той горы, где синяя прохлада» на центральной проходной звонила, узнавала... Там же встретила на другой день Оврагина, который и привез ей чемодан прямо в бабкин дворик с жерделями. А вскоре приехал таинственный директор. И только повел бровью, подмигнул глазом – как она стала работать в заводоуправлении экономистом и жить начала в старом купеческом особняке на тенистой улочке. Лишь гораздо позже она получила место в заново отстро-

енном общежитии на берегу лимана. Некоторые комнаты и даже секции были долго ещё не отделаны, в основном, на пятом, самом верхнем, этаже. А нижние этажи заселялись весьма быстро.

Рядом вовсе и не море оказалось, а лиман. Вода в нём была далеко не всегда зелёная или синяя, а порой в пасмурные деньки даже молочно-белая, от смолотого ракушечника и известняка. Но такая тёплая, такая спокойная. Чистое молоко.

Смешно сказать, но приезжая Валя сначала панически боялась моря. Она его очень жаждала увидеть, но, видимо, чисто внешне, формально, как в декорации. Сто раз разглядывала на картинах, на фото, как тоскует девушка у моря. Представляла Кончиту Д'Аргуэльо после отплытия Резанова: «Я тебя никогда не увижу, я тебя никогда не забуду...» Море всегда было символом разлуки. Однажды в детстве родители отвезли её на Чёрное море, и там были острые камни, бившие по ногам. Волны бросались на маленькую Валью, как собаки, и она, не успевая окунуться, должна была отбегать, вся в пене и страхе. И дорогие черешни, которые ей покупали, быстрее доставались муравьям, чем ребенку, она же их никогда не ела.

Совсем другое дело – Азовское море, частью которого был лиман. Такой просторный и тёплый. Такой мелкий, что идти надо было метров пятьдесят, пока зайдешь по шею, по плечи. В этом молоке купаться было вовсе не страшно! Более того, можно было лечь на воду и лежать, чего никогда не получалось в пресной реке. Она лежала так, раскинув руки-ноги. Водичка плескалась вокруг лица, и казалось, что вот, правильно, правильно она тут оказалась. Поэтому первое время она ничего не могла и не хотела понять, кроме лимана. «Лиман!» – щёлкало в голове после работы. «Лиман!» – когда она просыпалась утром, в голове сразу загоралась лампочка. Лиман. Это значит, впереди блаженные выходные, полные ветра, воды, растворение в солнце и лени, пахучий пар чебурек, запиваемых лимонадом...

Где-то в этих прибрежных двориках кукарекали петухи, где-то гремели цепки от моторных лодок, в общем, городок неторопливо просыпался. А Валя, наплескавшись, уже шла наверх от лимана и потом, сняв мокрый купальник и съев бабкин оладь, шла на завод. «Ну и ладно, ну и что, что провинция? – успокаивала себя Валя. – Буду работать, научусь всему. А я же приехала на что? Учиться

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

работе и учиться жизни. Вот и буду...» И лицо её так светилось надеждой, так улыбалось миру, что с ней все здоровались... И знакомые, и незнакомые.

А чуть позже, когда уже переехала в общежитие, лиман зашумел совсем рядом.

– Девочки, и почему я стала такая ненасытная к воде, а? Я же всегда боялась воды. А тут я стала радоваться от волн... Что упругие они, живые. И потом, я всегда на нервах, и в море я полностью от всего отключаюсь. Мне становится всё равно, что и где творится. Только я и море. Я и он.

Пышногрудая Валя потягивалась, как кошка, жмуря свои темные сливово-фиолетовые глаза.

– А потому, что ты Рак по созвездию, – заученно отвечали общежитские девицы, поднатасканные в астрологии и разгадывании снов. – Чувственность у тебя в крови.

Особенно благоволила к ней Анжела Проценко, долговязая рыжая девица на каблуках по десять сантиметров, в радужной юбке-плиссе. Анжела работала в администрации главной гостиницы города, и как она попала в заводское общежитие – тайна. Но она всем говорила что-то о гостинице, которая много чем помогает заводу. Дескать, всё это обмен услугами. А когда знакомые из станицы подбрасывали от мамки с папкой корзину с картошкой либо с синенькими – она сразу делилась с Валентиной. А то звала к себе на чай с конфетами в золотых коробках, каких не было в продаже.

– Тинка, Тинка, Валентинка! – пела Анжела, гремя чашками. – Чего такая грустная? Нам ли вянуть, орхидеям? Ну, хочешь, я тебя накрашу? У меня самая лучшая косметика...

– Не, не надо, – отвечала Валя с полным ртом. – Тебе самой нужнее.

Анжелка её обнимала и шептала сердечные тайны. Что у неё есть славный парень, что они давно живут, но скоро она добьется, чтоб всё было официально. «А у тебя есть кто?» Такие вопросы Валю сразу ставили в тупик. Ей было стыдно перед опытной женщиной, что она такая зелёнка, и она начинала бессмысленно врать про загадочного Акса, который остался там, в институтской жизни. Тут самое главное – так наврать, чтобы звучало правдоподобно.

Валя краснела, смущалась... В ней же ничего не было такого, чтоб стать подругой такой красотки.

***

– Здрасьте. Здрасьте... Здравствуйте, Андриан Ильич! Идёте и не видите.

– А... Доброе утро, Валентина. Сеньорита вся в каплях, как в росе. Уже на лимане побывала?

С Долгановым Валя познакомилась в столовой. Он работал в отделе главного конструктора. Белый полотняный костюмчик, дешёвая рубашечка в полоску. Но всё такое выглаженное. В нем было что-то чеховское, старинное: чопорность, скованность. Он был воспитан не так, как все. Просто — воспитан.

– Да! А вы? Вы же тоже любите утром купаться, – Валя слабо улыбнулась ему навстречу.

– Нет, не успел, знаешь. Сидел над переводами.

– Всё сидите, не разгибаясь. Вот денег-то зашабашите.

– Кто же тебе не даёт? Вот словари – сиди, переводи.

– Не у всех ума палата, – отрезала она. – И потом, не выдержи я. Днём хочу бурно жить, ночью без снов спать.

Долганов пожевал губами, пригладил на ходу волосы. Всё время то лохматил волосы, то отряхивал костюмчик... Тик у него, что ли...

– Жадность и правота молодости.

Валя прошла железную гудящую лестницу и остановилась в холле. Мимо них тяжёлой рекой, топоча, двигались конторские люди, службы заводоуправления. И оттого, что топали в такт, резонанс шёл по всему зданию. Старые розы и пальмы в кадках вздрагивали всем телом.

– Скажите, а нельзя ли с этой... ну или со следующей... шабашки у вас в долг попросить?

Долганов остро-смущённо взглянул:

– Любопытно – на что?

– Да ну... Серьги золотые листочками.

– Валентина, если хочешь знать, у обожаемой твоей Цветаевой до самой смерти не было золотых серёг. Только серебряные кольца.

– Не будьте занудой, Андриан Ильич. Она была – талант. А я – нет. У меня никаких достоинств нет. У меня вообще ничего нет. Надо же чем-то утешаться.

Долганов вздохнул и понурился.

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

– Не утешение это, а обман. И потом, я обещал дочери сандалеты. Она так быстро растёт. Ей старые малы, а она молчит, терпит. Куда это годится.

– Это баловство. Когда вы подошли к нам на лимане, я удивилась, она чудно одета. И косы. И вообще красивая.

– Может, и баловство, но больше её побаловать некому. Кстати, я дам тебе воспоминания сестры Цветаевой, хочешь?

– Вместо серёг – книжечку почитать?..

И тут же спохватилась: он обидчивый, причём не за себя, за других. За эту Цветаеву теперь оскорбится. А она сто, двести лет назад жила! Чудак, честное слово.

Но Долганов уже говорил горячо и сбивчиво:

– Это другой мир, Валентина, русская старина, обаяние благородства, которое исчезло без следа. Теперь никто этого не помнит, не понимает. У нас царствует хамство... Не расстраивайся, я дам на серьги, но с премии.

Валя удивилась:

– Откуда премия, если план горит. Если директору корректировки не дадут, не будет никакой премии.

При смене темы Долганов сразу потускнел и съезжился.

– Зяблику зябликов. Не можешь честно работать – клянчи корректировки.

– Вы же сами, как главный конструктор этой модели, говорили, что машины для печати на полимерной таре ещё плохо освоены. Вот директору и приходится крутиться. И мы должны быть ему благодарны.

– Ещё одна благодарная!.. – и сделал страдальческую гримасу. – Русские любят горлохватов. Не защищай его, Валентина. Надо не лгать, не корректировать, а план брать реальный. И в отчетах... Ты, кстати, ежедневную сводку отправляешь. Сильно врешь? Думаю, да.

– Откуда я знаю? Как скажет Команиди, так и даю. Я что, могу проверить, как и что у них в сборке? Я лягушка на побегушках, ничего не понимаю.

Долганов вроде обозлился:

– Ещё одна послушная!.. Ну, беги в отдел, твоя начальница, Ираида Самсоновна, уже на месте. Как бы тебе не попало.

Долганов прихлопнул по ноге свёрнутой газетой и посмотрел, как Валя пронеслась ураганом по коридору. Какое-то неуместное

утомление сковало его. Впереди ужасный, скучный и тяжелый, видимо, день. Пора было стиснуть зубы и работать. Государство выучило, надо государству восполнить. А девочка, что ж, она молодая, у неё всё впереди. Успеет ещё и книгами, и всем высоким напитаться...

«Боже мой, что за человек», – горестно думала о нём Валя. Гнётся над переводами – дочке на сандалеты. Верит в добро и правду. Жену боится. А я боюсь за него. Как бы ему не попало... В нём есть что-то беззащитное.

– Здравствуйте, все! – обратилась она к своим коллегам по работе.

Отдел успел прийти не весь, но начальница, Ираида Чирко, и её зам, Зиновья Замятина, уже были как штык. Толстый и тонкий. Пат и Паташон. Долганов-таки угадал. «Здравствуй, Валя». С зажатými ртами. У-у, как плохо всё. Ещё рабочий день не начался, а они уже все злые.

– А что это у вас, лучшие друзья советского человека, селектор плакает, угораёт, а вы не берёте? Взять? Или у нас в отделе нет никого?

– Валентина, возмись лучше за сводку, – низкий голос Ираиды стал трубным, а вишневый в ягоду крепдешин заколыхался на обширной груди. – По селектору не тебя вызывают. Зинаида Зиновьевна, жми кнопку и марш к директору на совещание.

Зина Зиновьевна проглотила комок:

– Не могу, Ираида Самсоновна, у меня первая форма горит, никак не идет. Сейчас статуправление позвонит.

– Потом доделаешь, – смягчилась труба.

– Так надо сегодня, – Зина чуть не плакала.

– А я говорю, марш. Меня два месяца не было, я не в курсе, а ты в курсе. Давай сюда форму.

– Там собирают начальников служб, а я не начальник. Директор будет ругать за нарушение субординации.

Ну, это, может, только Валя не знала, а остальные все давно знали, что директор сам постоянно нарушает субординацию. И если что горит, посылает нормы и правила куда подальше.

– А ты не вжимайся, не вжимайся в стол. Прекрасно знаешь, что молодых он не ругает.

– Не знаю я ничего. Дайте с формой разобраться.

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

– Вот змея. Ведь на амбразуру посылаешь... – габаритно-крепдешиновая Чирко всколыхнулась идти. – Ну, смотри. Если что – пулей вместо меня полетишь. Вы заткнёте эту пикалку или нет?

Она не любила селектор. Замятина нажала.

– Да, плановый. Да, вышла уже.

– Змея, – невесело хохотнула Чирко. – Смотри мне, – и, погрозив Зиночке, вышла.

– Молодец, Зина Зиновьевна. Давайте я вам посбиваю, чего там не идёт.

Замятина нервно замотала головой.

– Валя, займись сводкой. Первое число.

И Валя с места в карьер понеслась по коридору. Скорей бы выслать эту сводку, скорей бы. И помочь Зине с формой. И пересчитать два цеха, вчера принесли. План, конечно, не идёт, но это уже не ей решать. Пусть начальники цехов мучаются, пусть главный инженер, начальник производственного голову морочат... А загадочная личность этот самый директор. Каких только о нём слухов не ходит! Да ладно.

Валя, полная решимости и гнева, построчила по коридору, заглядывая во все кабинеты подряд.

– Вы случайно Команиди не видели? Где? Сейчас гляну. А Марк Антонович не у вас? Куда? Сейчас... Не здесь Команиди? Ф-фу-у. Нигде нет. Эй, скажите, не Команиди совещание сейчас ведёт? Нет? А кто? Ах, директор. Тогда где же он?

Выбегая из очередного кабинета, чуть не сбила с ног его жену – Зару Команиди. Бухгалтерша ойкнула.

– Кого ищешь?

– Опять Марка Антоновича нигде нет. Не видали?

– Был на телетайпе, у себя. А ваша Ираида у себя, нет?

– Нет, на совещании. А вы зайдите к Зине, у неё форма не идет. Я побежала... Если и тут его нет, я повешусь!

Зара вся такая домашняя, даже по бухгалтерии ходит с косами и в носочках. Говорят, она осетинка, беженка, и Команиди нашёл её чуть ли не на вокзале и женился не сразу... Больше всего Вале нравилась её осетинская шапочка: темно-синяя, матово-атласная, расшитая серебряной тесьмой, и по темному полю – морозно-вышитые завитки... У шапочки маковка была твердой, точно туда вставили пластмассу, но все равно она была легкая, а если на свет посмо-

треть – все вышивки сквозные. Вале хотелось такую шапочку. В ней, наверно, не пекло голову, а соломенные шляпы она не любила, в них было жарко, как в парилке... Зара давала Вале разглядывать это богатство на совещаниях или просто во время чая...

А сам Команиди – такой светский хлыщ. Что у них общего? Загадочно всё это...

Она заскочила в знакомый кабинет, запыхавшись, глянула на себя в зеркало. На неё воззрилось курносое существо с тёмными хвостиками, в трикотажной футболке с рисунком газеты.

– Ах, Марк Антонович... Зачем вы так?

Марк Антонович бесшумно появился из-за шкафа. Сонный грек с древним профилем и большой чёрной шевелюрой. Строгий стиль: чёрный низ, белый верх. И галстук.

– Я у себя, в чём дело?

– Ой, напугали, Марк Антонович. Я уж тут сто раз... Где же вы были?

– Значит, не по делу искала... Для тех, кто по делу, я всегда на месте.

– Марк Антонович! Мне бы машины! Сколько у нас машин готово на упаковке?

– Смотря сколько надо. И какая упаковка. Упаковка, случайно, не штатовская? И совсем по-домашнему коснулся её воротника на-распах.

Валя отпрыгнула. Он повел бровью. Валя почему-то затряслась, как неизвестно что. У неё не было выучки быстро растёгивать ворот.

– Что вы, Марк Антонович! Откуда у меня деньги на штатовское? Здесь только кнопки штатовские, на остальное пока не работала.

Команиди лениво и медленно отвернулся:

– Задача упаковки – красивая подача. Ну, кто же так наглухо застёгивается? Это смешно.

Валя почему-то козлиным резким голосом объяснила:

– Так ведь и так – две сверху, одна снизу. Куда ещё-то?

– Ты уже неплохо загорела. Дальше под упаковкой загар столь же ровный?

– Да как сказать... Мне бы машины, Марк Антоныч...

– За каждую кнопку прибавлю по машине. Идёт?

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

– Вы сначала скажите стартовое число.

– Она ещё торгуется. Такая молодая и уже испорченная. Как скучно.

Это она-то испорченная? Среди всех, кто без грязи слова не скажет? И не выдержала молодая специалистка:

– Может, хватит?! Может, просто скажете машины, и я уйду?

– Просто? Тогда пойди на упаковку и сосчитай сама, сколько там. Коль уж не умеешь себя вести.

Она пошла сгорбившись, бормоча что-то себе под нос. Да на здоровье, её уже никто не слушал. Обернулась ещё раз.

– Ну, точно попадёт... Ну, Марк Антоныч, я не понимаю, чем я вас могла...

– Будь ты моя секретарша, всё понимала бы с полуслова. А так – свободна. Я занят. Ухожу на совещание.

Валя как вошла к себе, как села, нагнувшись, так и стала писать что-то. Долго-долго. Зиночка, тоже не поднимая головы, поинтересовалась:

– Валя, где сводка?

В ответ раздалось молчание.

– Я к тебе обращаюсь, красавица. Что ты там пишешь? Отчёт по форме один?

– Я пишу заявление об уходе.

– Что ты несёшь? Ты месяц только работаешь! Не успела прийти, как давай ломаться, как пряник медовый.

– Ну, Зиночка Зиновьевна, вы понимаете. Команиди не в духе. Он... это самое... В общем, он не дал мне машины. И не даст.

– Это ещё что за фокусы? А что сказал?

Зина оторвалась от своего отчета и воспалёнными глазами посмотрела поверх головы Вали. Туда, видимо, где сходились на угол все её цифры.

Девушка в газетке помолчала, что-то сглотнула.

– Сказал, чтоб я пошла и сама на упаковке сосчитала, сколько чего. А потом, говорит, прибавлю по машине за каждую кнопку. Он, наверно, такой же, как Зяблик. Только в другом роде. Вы ведь тоже знаете... Эти приёмы по личным вопросам – на директорской машине, после которых и квартиры дают...

– Не смей. Слышишь? Он сильный производственник, умный организатор... А сплетники...

– Все говорят, а вы вроде как и не слышите. Хотя признайтесь – вам он нравится, и вы даже понимаете старого кобеля... А мне надо уходить. Не ко двору я тут. Всех раздражаю, и вас тоже бешу. Какая уж тут работа.

– Валя!!!

После этого вопля Зина закрыла лицо руками.

Валя помедлила:

– А что, думаете, не подпишут заявление?

В этот нехороший момент к ним в отдел и вошёл Зяблик Пётр Иваныч, директор данного завода. Собственной персоной. Такой старый поджарый подросток в голубой джинсовой паре, волосы ёжиком, глаза хитрые. А загорелое лицо стянуто вокруг глаз в ленинские лучики.

Зяблик нагло сел новыми джинсами к Замятиной прямо на стол, на формы с таблицами, на перекидной календарь. И спросил, склоняя набок голову:

– Кто мне тут расстроил Замятину? Тот получит вышку. Замятина выйдет из строя – с кем я тогда буду работать?

При этом он смотрел на неё и гримасничал: вытягивал губы, морщил лоб и нос...

Замятина вскочила, как школьница.

– С начальником отдела, Пётр Иваныч.

– Намек не понял. Если ты мне ещё раз подсунешь эту гору – я взрывчатки не пожалею. Так что у тебя там в отчёте по чистой продукции? Какой кильдим случился?

Зина Замятина залилась краской и, кусая губы, выдохнула:

– А некрасиво, Пётр Иваныч. Больше половины – кооперация, смежники... Нашего чуть. План не сделан ни с какой стороны!

– Это нас очень раздевает? Зина, ты не ври мне, смотри.

– Ещё бы я вам врала. Да вы и сами знаете, что плохо это.

– Тогда зачем она, чистая? Лучше отчитываться по грязной, по валу. Пусть отменяют отчёт по чистой.

– Но вы же знаете, что не отменяют. Эксперимент по всей стране...

Зяблик засмеялся.

– Я из-за всей вашей страны в штопор не пойду.. Валюха! Божья коровка! Ты как, вошла в курс? Сводки на телетайп вовремя носишь?

Валя помертвела. Она не хотела никого подводить, но...

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

– Я вошла в курс. Да только вот Команиди опять не дал машины... Директор хлопнул по колену оглушительно.

– Валентина! Он тебе не дал или ты ему – один чёрт, все равно кильдим. Чтобы сейчас была сводка, ну! Я твоему отцу обещал, что буду тебя гонять.

Валя, ничего не сказав, сразу вышла. Она не подумала, что на её столе остались перечёрканные листы, где она писала варианты заявления об уходе. Зяблик это мигом углядел. Подошёл, пошелестел ими. «Ещё чего, дурочка!» И, скомкав, засунул в карман.

– Ты, Зина Зиновьевна, этого не видела. Ясно?

Замятина удивилась:

– А там что? Я не видела, а вы увидели?

– Чего она с ума-то сходит, позорит меня перед отцом. Скажет, не углядел, дурак старый, дочку.

Зина даже про отчёт свой забыла:

– Во-первых, вы не старый! А во-вторых... Это... Так вы, что же, знаете, выходит, Валиного отца? Лично?

Зяблик развел руками.

– Как не знать, он же в нашем главке вкалывает, это тезка мой, Петька Дикарев-то. Вместе по Москве мотаемся... Торчим на совещаниях. Вместе на коллегиях мыкаемся. Да квасим иногда в гостинице.

– А интересно, какой он?

– Честный. Дурковатый. Прямой. Сломает шею на этой честности. Я уж ему сколько говорил...

– Она такая же... Есть в кого.

Директор походил по отделу, постукал мокасином по урнам. Потом подошёл вплотную, встал, сложил руки на груди...

– Зинаида Зиновьевна. Надоело комедию ломать. Мадам твоя двух слов не свяжет без тебя на планерке, сидит гора горой, а ты за неё отчеты делаешь.

Замятина спохватилась, опять впиалась в отчёт.

– Ну и что? Зато она тут двадцать лет отсидела. А я тут без году неделя... Мне у неё учиться и учиться.

Директор не стал вилять. И, честно говоря, ему уже просто некогда было вилять.

– Сидеть, знаешь, можно и на горшке. Лишь бы зарплата шла. Она сидела, а я раком должен стоять? У них тут всё мхом поросло.

Пора ломать старое. На фиг. В общем, уйду её на пенсию, давай тебя в начальники. Мы им ещё покажем кузькину мать в белом сарафанчике...

Он смотрел на неё в упор: глаза холодные, а лицо клоунски плясало.

Замятина расширила свои огромные, серые, полные слез, глаза.

– Нет!

– Нет да.

Он взял её за подбородок, повел мизинцем по виску. Она зажмурилась. Он пророкотал на базах:

– Послушай, не надо с меня фашиста делать... Я сейчас еду в аэропорт встречать комиссию. Ты кончай муздыкать свою чистую и садись за кварталный. «Итальянку» для печати по полимерной таре не показывать, ясно? Бухгалтерию я предупредил. Пора уже всем дать рахунки, а то от завода один катух останется.

Замятина сразу «прозрела».

– Но тогда ничего не свести! Петр Иваныч! То хоть красным, как убыточная пройдет, а то вообще сплошь будет липа. Как мне быть-то?

– А так. Молчать и улыбаться. Я знаю чужие страдания, но у меня свои есть. Давай без соплей.

– Нет, Петр Иваныч, простите, но нет...

– Нет да... Ишь она. Жалочка.

Тут он взял и поцеловал её. Вот так, среди белого дня, посреди отдела, в который в любую минуту могли ввалиться, вбежать, просто заглянуть. Но этот человек ничего не боялся, он давно отвык от состояния страха. Он был лётчик по профессии, недоучившийся лётчик, великий авантюрист, Остап Бендер соцреализма. Он постоянно ходил между орденом и тюрьмой, между ненавистью и любовью. То ли мелкий мошенник, то ли крупный лидер машиностроения. Он же ей объявил, мол, иду на вы. А после таких слов он пёр на танках, как на буфет с тремя копейками. Потом остановился, закурил. Помедлив минуту, другую, он исподлобья глянул, бросил сигарету и ушёл. Она наклонилась, хотела выбросить сигарету в урну, но внезапно затянута ею сама.

Марк Команиди сидел у себя, читал газету. Кожаные кресла, диваны, телевизор – всё было в тон, молочно-бежевого цвета. Ему нравилась цивилизация, эстетика во всём. Если вообще бывают

островки цивилизации в глубокой южной провинции, где оплот исторического казачества. Марк презирал атаманское правление Зяблика, но ему было удобно у него за спиной. Расстановка кадров ему тоже была не по душе. Ему казалось, что все поставлены не там и не так. Он, как главный инженер, отвечает за техперевооружение, отвечает за железо, люди его не должны волновать. Но что можно наработать с такими начальниками цехов? Это же безграмотные царьки, у них все мозги настроены только на личные подсобные хозяйства. Личное хозяйство Марка ограничивалось бабушкиным домом и крохотным декоративным садом. Яблоня, два абрикосовых дерева, куст гортензии у скамьи, никаких гарбузов или же помидоров...

Есть, правда, отдельные умники на заводе, этот, например, из конструкторов, очень башковитый, а ходит в столовку с мелкими... В нём есть что-то беззащитно-инородное, не рагульское, но как к нему подойдешь? Вид как у тронутого. И на ящик пива такие не клюют. Вот и новую линию на сборке он предложил реальную. Она бы серьёзно помогла в запарку, если б Зяблик не завелся с этой машиной итальянской, да с соцбытом. Далась ему эта итальянка, полный же убыток. Как его так прижали ребята в главке, что он не сумел отбояриться? Хитёр, бестия, а не отбоярился. Теперь бельмом на глазу эта итальянка. Теперь и комиссия сразу. Не производство, а курятник.

Позвонили из экспериментального цеха, где мудрили над изделиями, не поставленными на поток. Ладно, зайду.

Валя, увидав издали конструктора Долганова, махнула ему рукой.

– Не видели Марк Антоныча?

– В экспериментальном сидел. А, может, уже вернулся. За сводкой всё ходишь? Уже обед, а у тебя сводки нет. Дисциплинка у вас...

– Да, у меня сводки нет. Приходится выбирать: или дисциплинка, или честь. Если она есть.

– Что ты несёшь? – Долганов явно её не слушал, кого-то высмотрев, повернулся, пошёл.

А Валя ещё пыталась острить с дрожащими губами:

– Туда ничего не несу, а оттуда – вынесу суточную выработку... Так, в кабинете нет. Может, в эксперименталке? Ребята, не тут Команди? Ага. Марк Антоныч, на минутку.

Команиди кому-то чертил на бумажке.

– А если вот это, это и это заменить на наши комплектующие? Не сахар, но квартал отработают. Заменяем потом. Можно ещё две штуки выжать на месячный план. Идём, Валентина. Так что ты хотела?

Валя вытаращила глаза и выпалила кратко, но внятно:

– Вас.

– Это уже разговор.

Они поднялись, пошли к его кабинету. Команиди, заходя, посмотрел на эту мелкую с усталой скукой. Нет, кадровые вопросы здесь явно на нуле.

– Так-так. Интересно. Ты садись! Да не туда, не в кресло, а сюда, – и он указал на свое колено. – Продолжай.

Валя трусливо теребила свой блокнот. Потом, поколебавшись, чуть присела на начальственное колено, вздохнула:

– Знаете, Марк Антоныч, ещё ни за кем в жизни я так не бежала, как за вами...

– Сама виновата. Условия тут диктуешь не ты. Но жалеть нечего. Вот, лучше угостись пивом. Дёргай за колечко... Ну?

– Н-не знаю. Пены полный рот. Что же начальство скажет?

– Ничего. Потому что оно не помнит, какое на вкус пиво «Будвайзер».

– Почему?

– Начальство предпочитает другие градусы...

– Какой напиток, чудо. Холодный, в жару. Мне бы на телетайп...

Команиди слегка присвистнул.

– Можно и на телетайпе, не пробовал. Наверно, неудобно... На чём мы остановились? Где ты так хорошо загорела? Итак...

Хищно оглядев девочку на посылках, он расстегнул одну кнопку на вырезе.

– Тихо сиди.

Валя сделала вид, что она ничего не заметила. Теребила страницу блокнота, щёлкала по ней ручкой. Вертела головой. И лицо у неё было такое удивленное, любопытное, даже рот открыла.

– На лимане, где ещё. Просто ко мне загар хорошо пристаёт...

– И загар пристаёт, и кавалеры...

– Возможно...

– Тогда в чём дело? Ты понимаешь, что значит производственная необходимость?

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

– Понимаю!

– Так в чём дело? Хочешь навредить производству?

– Нет, не то чтобы навредить... – Валя глубоко вздохнула, глотнула. – Но перспективы неясные.

– Что ещё тебе неясно? – Марк Команиди уже начал злиться, поэтому расстегнул вторую кнопку. – Сядь ко мне референтом и делу конец.

– Вы хотели сказать «ложись референтом»? Такая новая поза?

– Кое-какую технологию машиностроения ты уже усвоила, – произнес со значением Команиди. – Теперь к делу: зачем искала?

– Сводка!!! – Валя это слово почти простонала. Прозвучало вполне эротично.

– Однако, экспрессия! Пиши: три плоскопечатки, две такие же на экспорт. Каждая плоская за одну твою кнопку. Ты повысила сводку на две плоскопечатные машины. А то была бы одна! Офсетная вот изначально одна.

Он разговаривал.

Она просто не могла поверить.

– Как, и это всё?

– Тебе мало? Так работать надо на план-то. На третью кнопку что, духу не хватает? Вот и будет с тебя двух.

Валя решила, что если так ей повезло со сводкой, то теперь можно и схохмить:

– А если я расстегну столько кнопок, сколько нет машин на сборке? Вдруг?

– Изыщу резервы. Скорректирую. В общем, в долгу не останусь. И дразнить меня не стоит. Силы изначально неравны.

После чего девушка, как говорили в автобусе, привела себя в порядок и построчила в приёмную директора, чтоб сводку отдать и, конечно, допустила промах. Она не показала сводку своей начальнице, а должна была. За это она получила отдельно, Зина тоже.

А в приёмной, где обычно стрекотала пулемётная печатная машинка Сулико Ашотовны, ничего не стрекотало. Только была быстрая пулемётная речь – это сама Сулико Ашотловна говорила по телефону. При этом она ещё умудрялась постоянно менять интонацию, как итальянка.

– Начальника производства. Алло, Роза. Где ты ходишь, брось свои кастрюли, слушай сюда. Готовность номер два, стол с холодной

закуской на десять персон, балыки, икра, салаты. Какое второе по калькуляции? Печёночники? Не надо. Подай печень натуральную в сметане, горбушу лучше на углях. Сифоны, лимоны, как обычно, пепси побольше. Кончилась – пошли Кирикова на ликёрку, пусть забросит ящика три. Конечно, по накладной. Официантки экспортные, в бикини. Ничего, вызовешь с выходного... Ну да, оплата за сверхурочные, как обычно. Сам поехал встречать комиссию из главка, покормит, поведет их тут по заводу для вида, потом спихнет на взморье. А отделы тем временем отчёт допекут. Всё оформим в лучшем виде... А никак мои дела. Брось ты, Роза, ты же знаешь, у меня доступа нет. У него поточный метод, вот два дня пропал в деревообделочном, всё, говорит, брак на упаковке. А в профкоме уже кучу документов на квартиры подготовили. Как будто ты не знаешь. Это не для меня, подбирать с земли... Ну ладно, ладно, не по телефону.

Газетная девочка подошла впопыхах и не по форме, прямо как своя.

– Сулико Ашотовна, сводку-то... Вот, пожалуйста.

Сулико Ашотонка обернулась и помедлила, как будто позировала придворному художнику. Женщина-вамп, лицо без возраста, без морщин, пластика, ледяной душ после тренажеров, ажурный трикотаж на худых смуглых плечах, чешская деревянная бижутерия.

– Что-то ты поздно сегодня. И визы Чирко нет. Давай уж отправлю, а ты пока посиди на телефоне, уже сам сейчас прибудет.... А что глазки такие заплаканные? Ну-ну. Попей пока пепси-колы, вот платочек тебе...

Валя высморкалась честно и громко. Припала к стакану с пепси. Пепси тогда не было в свободной продаже, возили с Новороссийска... Она очень растерялась. Она вроде бы всё сделала так, как учили. При этом как будто и не пострадала. Как будто! А с чего тогда её так разобрало? Она не привыкла быть настолько зависимой от чужой воли. Ей всегда казалось, что этим нельзя пользоваться. Но люди пользуются и особо не заморачиваются.

В общем, ей нечего бояться. За ней никто с ремнем не ходит, она большая уже, и ей всё можно. И, в конце концов, она выполнила на сегодня свой долг и может идти на обед.

Но в это время в приёмную, как назло, вошла бригада, человек двенадцать. На переднем крае – Саня Оврагин. Они вполголо-

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

са переговаривались, а в приёмной как будто самосвал с брёвнами разгрузили. Произошёл не один выстрел, а целый залп.

– Новая секретарша? Когда только он успевает...

– За это и оклад большой получает. Где же ты, моя Сулико?..

– Наше дело маленькое.

Валя выпрямилась на рубежах родины. Хотя да, испугалась немного. Они никогда не видела народных восстаний, тем более в курортных городках.

– Здравствуйте, ребята. Вы чего строим? Как тридцать витязей прекрасных, чредой из вод выходят ясных...

– А мы всегда... А мы везде так, и на лимане, и в бою.

– В эти выходные опять поедем. Поедешь, жалочка?

– Хотелось бы. А моторку Курочкин починил?

– Он у Саньки возьмет, у него две.

– Говорю, пиво надо брать с завода.

– А девушку с института. И свой человек в конторе есть.

– Цыц, говорю. Без кильдима!

Оврагин поднял, только поднял руку – и все сразу прекратили базар и хай. Видимо, у Оврагина был не только рост габаритный. Но и авторитет кое-какой тоже.

– Валюш, тут чёрный журнал «Прием по личным вопросам». Нам бы записаться.

– Одного тебя записывать или всех? – девушка взяла в столе чёрный журнал и ручку. – Сборочный номер семь. Неужели жалобы есть? Вы и так больше всех получаете. Знаете, какая у вас средняя?

– Тот, кто пашет на среднюю, на сплошняк не выходит. Так вот, мы с пацанами больше на сплошняк не выйдем. Об этом заява.

– Высказывать будете? Бастовать? Да ну, ребята... У вас, как у гегемонов, сознание должно быть!

– Вот и пашем до бессознания, пока сознание есть... – сказал Оврагин. – Порато пашем. Но трое суток подряд можно только на чифире стоять. Мы не быдло в полоне. Вот заява письменная. Всё передашь?

– Прямо забастовочный комитет... – отозвалась Валя. – Попадёт же... Скоро конец месяца, а вы вдруг начали... Да и приёмный день будет только через неделю.

Сулико вернулась, отправив сводку, и застала полную приёмную лишнего народа.

И весь свой сарказм она вложила в простую фразу, произнесенную очень вкрадчивым голосом.

– Гордость завода – люди. Александр Оврагин, бригадир, передовик, депутат. Мастер спорта. Бессребреник.

Оврагин в долгу не остался.

– Сулико. Женщина из легенды. Сошла с небес в преисподнюю, чтобы...

Он держал паузу. В паузе все переглянулись, посмотрели друг на друга.

Сулико уточнила:

– Чтобы – что?! Ну же, Александр.

Тогда Оврагин закончил фразу тихо и отдельно:

– Чтобы все пали ниц. Я недостоин даже лицезреть.

Он повернулся и вышел, и все за ним вышли. Надо же, простой гегемон, а такие слова знает! Это он подготовился.

– Сулико Ашотовна, что вы с ним сделали, загипнотизировали?

Сулико пожала худыми плечами. Голос её был столь же вкрадчив, сколь и богат оттенками.

– Оврагин – плебей.

– Зато он весёлый! И у него новая моторка!

– Нонсенс... Я на твоём месте не стала бы кататься с ним на моторке. Не тот круг. Твой отец – директор, один из лучших директоров главка.

Девчонка не сразу сообразила, что отвечать.

– Так что ж, встречаться только с директорами?

– Глупенькая, тебе нужен сильный покровитель. Такой, например, как... Или другой... Кто у нас самый красивый мужчина на заводе? Ну?

– Не знаю. Я ещё мало кого знаю... Если брать конструкторский отдел...

– Нет, бери повыше.

Валя совсем потерялась, даже заикаться начала.

– Вы... Неужели вы имеете в виду этого... грека? Вам нравится этот... этот развратник?

– Смешная. Это же только фасон! Ампула. На самом деле человек совсем же другой. Потом убедишься, меня вспомнишь. Иди уже на перерыв, наверно, все ушли.

В это время в приёмную влетел очередной командированный. Очень вовремя! Обычно они приходят все с утра, а этот почему-то нет. Проспал, может.

Командированный кашлянул, щелкнул портфелем и отчеканил:

– Приёмная директора? Мне нужен Пётр Иванович Зяблик. Причём лично. Причём срочно.

Сулико из вкрадчивой и едкой стала вкрадчивой и нежной.

– Директора нет. Но я вас внимательно слушаю!

Гость её не понял.

– Что от вас толку! Мне надо самого! Насчёт недопоставки.

– Дорогой товарищ, отдышитесь. Вы, наверно, издалека.

– Синецерковск! Не шутка! Вы нам товары народного потребления недодали! И печать на полимерной таре. В смысле оборудование. Надо выяснить, почему.

Он был просто странный: все время повторял одно и то же. Его надо было смутить, вывести из этой программы. Сам в костюме, в галстук, с полной выправкой приехал в южное пекло.

Сулико не отставала:

– Вашу командировочку? Так. Вот направление в гостиницу, подписанное директором. Номер люкс. Вот талоны на бесплатное питание. И не забывайте: вы прибыли в курортный город. Удовольствия юга ждут вас! Директор принимает правительственную комиссию. Как только прибудет – доложу о вас. (Делает пассы). Устраивайтесь пока...

Командированный нехотя сбавил тон и как-то стал засыпать.

– Я лучше подожду его здесь... У ваших ног...

Сулико делала пассы:

– Но я сама найду вас, дорогой друг. Я же знаю, как звонить в гостиницу. Вы поняли меня?

Командированный вдруг снял пиджак, сложил его и переброшил через плечо по-ковбойски. Видно было, что от безумного вращения глазами и от собственного крика он сам устал, так что пора вытереть лоб платком и передохнуть. Его заострённое лицо стало более осмысленным:

– Понял. И всё же вы нам много чего недопоставили... И мы теперь не успеем... Я вынужден...

– Конечно, конечно. Мы понимаем, что такое производственная необходимость... Вас вынудили, а сами вы человек добрый, де-

ликатный... Я вам верю... (Делает пассы). Но у нас тоже тяжкие времена. Мы договоримся... Обязательно всё решим. Идите.

Человек с перекинутым через плечо пиджаком и с новеньким портфелем вышел, спрятав подальше командировочное удостоверение. Это единственное, что он сделал правильно.

Валя стояла с открытым ртом. Она даже о своих огорчениях забыла.

– В-вы-вы... Что вы с ним сделали, загипнотизировали? Он теперь забудет, зачем приехал.

– Забудет – и хорошо. Зато позагорает. Я ему командировку отмечу, и пускай едет обратно. Не до него теперь.

Валя пыталась сообразить.

– Вы потрясающая женщина. Но кого вы имели в виду в роли покровителя? Уж не этого же?..

Сулико пробормотала сухо, сортируя бумаги:

– Придется и тебя гипнотизировать. Команиди закончил МГИМО, работал в министерстве. Чтобы до тебя дошло. Светлая голова плюс связи. Здесь он со скуки мрёт. Если бы не семья...

– Что хотите говорите, но есть в нём что-то низкое, – Валя затруднялась, искала слова. – И что он здесь делает со своим иностранным языком? Ехал бы в ЮАР или где там ещё есть наши печатные машины.

– Что бы ты понимала! Низкое! – неожиданная реакция Сулико была сродни гневу. Но она всегда хорошо держала себя в руках, и голос её, наоборот, стал глуше, затаённое. – Ты хоть знаешь, откуда взялась его Зара? Он её отбил у портовых бичей. Говорят, сбегала от ревнивого осетина, скиталась с ребёнком, без вещей. Он вышел из ресторана и спас её от верной гибели. Хотел было сдать в милицию, да девочка плакала... Отвёл к себе домой... Мог сделать из неё прислугу, а сделал царицу. А ты говоришь...

Валя уже стояла в дверях:

– История – с ума сойти. Записать бы. Хотя в кино ставь, хоть в роман.

– Вот и пиши. А то всё на моторках катаешься... – тише говорила она, будто и не обращаясь уже ни к кому конкретно.

Но тут, едва Валя захлопнула дверь, вошёл Команиди. Он тоже был сух и рассеян.

– Сулико, соедини меня с Москвой. И на телетайп две штуки возьми. И сделай что-нибудь с моей головой, иначе рубить придётся.

Он повернулся и пошёл, возможно, на телетайп. Валю даже не заметил.

А Сулико, как хорошая секретарша, заученно ответила:

– Сию минуту сниму боли, и будете в форме, Марк Антоныч.

Ну, она, как обещала, всё уладила и непонятно как выросла опять посреди приёмной, как огневушка-поскакушка какая-нибудь. Сулико была вышколенной секретаршей и, конечно, справилась бы и в министерстве, только вот почему-то оказалась в этом пыльном южном городке без горизонтов. Ведь у каждого человека своя ахиллесова пята! Есть привязка к чему-то или к кому-то. В свое время был у неё шанс уехать в краевой центр с прежним директором, но... Здесь она, ничем не поступаясь, часто правит от имени директора, а там бы она была комнатной болонкой? Не-ет...

А Команиди с виду такой неуязвимый, со своими безупречными белыми рубашками и вечным апломбом... Он, наверное, нуждался в ней, но не просто как в массажистке, а именно по признаку глубочайшего внутреннего сходства. В обоих была чуть заметная брезгливость. Люди, которые не могут реализоваться в каких-то узких социальных рамках, сразу чувствуют похожих. Наверное, она могла бы быть уже начальником отдела, а может, и целой фирмы... А он давно бы действительно сделал карьеру главы компании в ЮАР или на Кубе, но пока он ошивался в Москве в ожидании вакансии, в Лиманске тихо угасла его бабушка, которая, не спросясь, оставила ему в наследство некоторую недвижимость. Марк Команиди подумал: «Сдался мне этот купеческий дом, продать бы его поскорее». Поехал продавать, обнаружил некоторые прорехи, требующие ремонта, решил сделать небольшую косметику, чтобы всё-таки получше продать. Нанял двоих рабочих перепланировать сад, кое-что подкрасить, подштукатурить в доме.

В один из тихих вечеров, когда он пришёл с морского купания и потягивал пиво в шезлонге, к нему зашёл в калитку неприятный тип в расстёгнутой на весь живот джинсовке.

– Шухер! – сказал он. – Во всём околотеке сейчас нет ни одного пацана, имеющего в запасе ящик хорошего пива. Для этого надо жить в Ростове или Краснодаре, – и прищурился, добродушно, ласково, набиваясь на знакомство. При этом руки на поясе лежали так, будто там колыты наизготовку.

Марк не терпел фамильярности, но открыл бутылку и протянул её типу в джинсовке:

– Угощайтесь.

Джинсовый отхлебнул из бутылки и уставился на этикетку:

– Мать моя женщина! Откуда тут чешское пиво-то?

– Случайно взял в порту прямо с борта. Как оно вам?

– Ниче, богато. А ты, господин рантье, никак приехал отдохнуть?

– С чего вы взяли, что я рантье? Просто приехал к бабушке, а её уж нет.

– С чего это вдруг – нет?

– Мара, Морена. Богиня смерти.

– Это меняет дело. А что думаешь делать? Квартирантов пускать? А может, пойдёшь ко мне на фирму?

– Да мне вообще-то надо в Москву отбывать.

– Прямо сразу? А если временно?

Марк думал недолго. Небольшой бабушкин счёт был ему пока не доступен, свои деньги почти на нуле. Пора подумать о куске хлеба. Но он никогда не был открытым человеком. Наоборот, он был закрыт, как египетский сфинкс. Рельефная мускулатура груди, курчавая шевелюра, равнодушное надменное лицо, опущенные вниз тяжелые веки. На древних памятниках такие лица. Но джинсовый человек на древности не ориентировался.

– Работка-то сложная в фирме? Какого рода?

– Да ну, для правильного пацана там и делать нечего, сидеть на планёрках с умным видом, пудрить мозги газетчикам, красиво писать колдоговора... Ну, иногда замещать меня.

– Остаётся понять ваше место в фирме, — Марк всегда так разговаривал, чтобы побольше узнать о собеседнике и поменьше сказать о себе. Марк был донельзя уклончивый.

– Директор Лиммаша. А ты будешь главный инженер. Мне нужны молодые кадры, не люблю иметь дело с перестарками, — заявил человек в джинсовке, явно не относя себя к упомянутой категории.

Марка охватил глубинный страх. Он сразу понял, что есть опасность: даст слабину, увязнет, не сможет быть свободным, как птица, чтобы в случае чего махнуть на дружественную Кубу.

– Вы всегда подбираете кадры по марке пива?

Джинсовый немо захохотал, показав неожиданно белые зубы, поскрёб себя по груди.

– Шутник, – сказал он. – Я ж вижу, что ты мало похож на местного шкварня. Сдаётся мне, такие и в больших-то городах под лавочками в парке не валяются. Пойдёшь?

– Пойду, временно, – проронил Марк.

А про себя подумал: «Он откуда знает, какие там в парке валяются? Там могут и министры валяться, и мастера спорта... Колхозник».

Вот так, особо не знакомясь с производством, Команиди попал на работу к Петру Ивановичу Зяблику, бывшему лётчику, человеку почти без образования, директору завода. Команиди ещё не раз потом удивлялся хищной животной пронизательности этого человека. Точно волк, загнанный в облаву, он умел за секунду распознать суть того, с кем столкнулся. Только потянет ноздрями и как будто паспорт твой прочитал. Надо ещё учесть при этом, что Пётр Иванович постоянно находился в стадии лёгкого или среднего алкогольного опьянения. То есть для обычного человека этого хватило бы, чтобы окончательно отупеть. А Пётр Иванович, несмотря на свои стадии, всегда довольно быстро соображал, принимал трудные и парадоксальные решения... И его вывозила нелёгкая. Когда он обходил завод, то появлялся, как чёрт из табакерки, в самых разных местах. И наводил ужас на того, кто в этот момент ему попадался.

Зяблик, быстрый и возбуждённый, с мокрым пятном на спине, был явно в себе и у себя. Глаза его сверкали сквозь ленинский прищур, сомкнутый рот еле сдерживал смех.

– Проходите, товарищи. Отдохнём чуть, и пойдём по территории. Сулико Ашотовна, фрукты и минералку!

Она умела быть не только вкрадчивой, но по-солдатски чёткой:

– Фрукты на столе, минеральная и пепси в холодильнике. Сейчас достану. Бумаги на подпись у вас на столе. (Вполголоса). Звонили из УВД. И Синецерковск приехал трясти недопоставки. Всем дала отбой до завтра.

Зяблик показал ей одной усмешкой, что она чудо. И она поняла.

– Ещё на день отбой, я отвезу людей на базу. Да закажи обед.

– Обед заказала на 10 персон, готовность два. Ещё что-нибудь?

– Позвони на базу, чтоб всё приготовили. Найди Команиди.

– Сию минуту.

У них технология была отработана до мелочей.

– Умница. Тебе бы в главке работать... А там такие несушки сидят! Вовремя я тебя выудил на этом стадионе. Сейчас бы сидела там главным вахтером многоборья...

А сам вскользь думал: «Да, Сулико. Сводка-то сделана? Наверняка. А вот с тобой что делать? И деть тебя некуда, и с тобой никуда не денешься... И без тебя никак»

– Товарищи, все сели? Наслаждайтесь жизнью. Потом сюда идите. Тут у нас экран по экспортным машинам. Да-да, мы по итальянской лицензии... экспериментально. Даже цех для этого есть экспериментальный.

И тут же все ушли в разбег аллюром в три креста. Валя – на обед, Сулико – за Команиди, Зяблик – за комиссией. У каждого свои конкретные задачи: либо явно мелкие, либо, скорее, великие.

Валя Дикарева шла, придерживая на голове шапку из газеты. Палило немилосердно, думать было просто нельзя. Листва вертикальных колонн – пирамидальных тополей – прямо поседела и, отблескивая, шуршала как целлофан. Тротуары из плитки поливали водой, и они отсверкивали лужицами, а там, где был просто асфальт, вода впитывалась на глазах, а тёмные пятна тут же, дымясь, сохли. Глаз цеплялся за мелочи, общая панорама городка меркла в белёсом солнечном мареве, слепившем зрение. Продавцы дремали под полосатыми навесами своих лотков. Даже звуки стали приглушёнными, стёртыми. Изредка раскалённые машины проползали по мостовой, полыхая стеклами, и опять всё замирало. Глядя на это сонное оцепенение при тридцятипятиградусной жаре, невозможно было представить, что рядом кипит какая-то деятельность, грохочет завод. И что же это за новая жизнь настала, если невозможно даже ни о чем подумать или хотя бы записать отрывочные фразы в толстую синюю тетрадь с бабочками. Она бралась за тетрадь, открывала её, листала, держа наготове ручку. Но то, что раньше так и сыпалось с пера, теперь сразу уплывало на глубину. Не достать. Нырять в прошлое, она ещё меньше понимала настоящее, но зато чувствовала себя прежнюю. Как говорится: если забыл, куда идешь – вернись обратно.

3. Мрачное прошлое в бабочках (Дикаревский дневник)

«Ты их давно знаешь»

Однажды я сидела и рисовала в аэропорту. Это было на проводах Татарки. Солнце заливало огромный зал ожидания, и дух распирало от чего-то неведомого. В какой-то миг, она, с её азиатскими скулами, показалась красивой, и я стала лихорадочно ловить этот момент. Я поняла: когда человек красивый, то он больше всего похож на себя. Мое маленькое открытие очень помогает мне. Человек передо мной вздыхает, вертится, возится, а я жду, когда он станет красивым. Значит, будет похож. Вот такие вот дела.

Ну, прочитала двадцать пять вопросов из пятидесяти и в этот день ничего больше не могла, долго стояла на балкончике, мёрзла, не плакала, а так просто, думала, и были холодные глаза. А всё-таки хорошо, что где-то есть Татарка, а где-то сестрёнка, Акс, мама с папой и бабушка. К каждому я привязана ниткой, но к бабушке больше всего. Я и внешне на неё похожа. У меня есть фото её, двадцатилетней. Один к одному Валя в институте. Волосы, улыбка. Бывает, что одна нить натянута, остальные – провисли. Сейчас молдавская нитка ту же всех. Всё думаю, хорошо ли, что она уехала? Это многое упрощает, ведь когда я столкнулась с ней, грубой, неграмотной, полупьяной, щелкающей пальцами, я ничего не почувствовала. А потом, как увидела, что она почти читать не умеет и в мужской одежде ходит... Напала на меня то ли жалость, то ли педагогика чёртова – да научу, да расскажу. И как начала долдонить... Ну, что она могла чувствовать? Наверно, она казалась себе последним человеком, а это же не так, думаю, все скандалы пошли от этого. Мне бы хотелось, чтобы она не мегерой меня запомнила, я ведь точно такая же по сравнению с другими людьми, недостижимыми для меня. Её тяжёлые слёзы были прекрасны, она захотела стать другой. А я? Я-то делалась хуже и хуже, так как настаивала, а она становилась всё лучше и лучше, так как прощала.

И чем это всё кончилось? Полным и окончательным отъездом в никуда? Ну почему. В свою отдельную жизнь. Я отпала за ненадобностью.

Совершенно непонятно, как я в таком машинальном состоянии сдала экзамен.

В тот вечер была собирушка у девчонок нашей группы, я всё это не люблю, но отвертеться не смогла. Ведь у нас в первую очередь проставляются те, у кого «четыре» и «пять», таким образом мы как бы утешаем остальных. Некоторые спрашивали: «А что ты перестала к нам ходить?» Но я не знала, что ответить. Ушла в себя, наверно. А на самом деле причина в Татарке.

Был там один странный человек, из тех, что с первой минуты кажутся друзьями, жена его тоже там была, они меня с двух сторон обсели, подкладывали еду, подливали вино («мне в бокал подливали вино»). Переглядывались, и оказалось даже, что Анчарова любят. Я была как во сне. Почему это не мои друзья? Почему они помнят меня так давно, чуть не с первого курса, а я их – нет. А потому, что нет у меня мозгов, я самое лучшее мимо пропускаю.

Они говорят: «Выпьем! Мы одной крови! Это из-за Анчарова». Я говорю: «Да». Они стали расспрашивать о смысле жизни, а я сказала: «Смысла никто не знает, и тем более я... Но Анчаров знал». Они что, с ума сошли? Смысл всего – никогда не может быть понят, он ускользает.... За кого они меня приняли! Я не носитель его философии, я всего лишь свидетель, что такой человек на земле был. А вот то, что они помнят меня издавна, это важно. Когда я танцевала, они мне подмигивали, когда танцевали они, а я сидела, я подмигивала им. И вот там было человек сорок, в крохотной комнатёнке, а их глаза меня не теряли, а когда я уронила тарелку, они прямо через весь стол закричали: «Не трогайте её, она хороший человек!» О, они были совершенно одинаковые, можно даже подумать, брат и сестра. Я у девчонок спрашивала: «Да кто это такие?» А меня подняли на смех: «Да ведь они тебя знают сто лет, это друзья твои!» – «Так фамилия их какая? У них есть фамилия? – Ну, теперь она говорит, что она фамилию их не знает, ну, совсем!» Мне все говорили фамилию, и я не могла её, дура, запомнить. То ли Анговы, то ли Ангеловы, в общем, наваждение какое-то.

Наш рыжебородый из группы по-прежнему иронизировал, подкалывал меня, после каждого моего вопроса принимался хохотать: «Смотрите-ка, набралась! Ведь ничего не помнит!» Он смеялся, а глаза были такие пустые. Какие-то темнокожие водили вокруг меня хоровод, потом мы танцевали втроем, и я поняла, что мне уже хватит. Я стала быстро одеваться, чтобы смыться в одиночку. Не могла найти сапоги в общей куче. Плядь, передо мной рыжеборо-

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

дый, подал сапоги, именно мои, застегнул пальто на все пуговицы, поправил воротник и вдруг надтреснуто сказал: «Девочка моя, ты меня задолбала своей простотой». Мне было с кем идти домой, но рыжебородый сам меня отвел, отдирая от меня чьи-то руки. Я всё спрашивала: «Да зачем я тебе сдалась? Да что ты всё возишься со мной?» А он отдирали мои руки от грязных ручек, от перил, от заборов, упрямо шёл вперед. Я всё думала: «Может, поцелует?» Но нет, он не стал меня целовать, ничего такого. В подъезде моей общаги он подтолкнул меня к двери и пробормотал: «Ну, кажется, теперь тебе ничего не грозит». И ушёл. Я так была поражена всем этим, ничего не понимала. Рыжебородый меня презирает, и он презирает меня давно, и все это видят, потому что на людях он особенно ядовит. Услышал, что я говорю про Анчарова, и бросил: «Популярное издание для домохозяек». Знал, как обидеть. А скажи кому, что он меня с вечеринки притаранил – ни за что не поверят. Рыжебородый женат, у него двое детей, и он практически никогда не бывает на общежитских вечеринках. Значит, просто ангел мой меня хранит, и в тот вечер был со мной рядом в образе рыжебородого. Это удивительно!

«Туннели не туда»

По каким хрустальным туннелям я теперь брожу? У одного писателя прочитала, что судьбы людей напоминают туннели, прорубленные в чём-то твёрдом и прозрачном, но невидимом. Бывает, что некоторые туннели проходят так близко, что прогибаются. А бывает, что и пересекаются, но это замечательно и так редко. Я думала, с Татаркой у нас туннели были рядом. Но у неё повернуло на Молдавию, а я пока в городе. Потом тоже уеду. Разве это пересечение? Наоборот – расхождение в бесконечность.

Я сама себе устроила бяку и зашла слишком далеко. Заболела какой-то зверской и неузнаваемой ангиной. Это ж надо было вытянуть сессию, когда кругом была такая эпидемия, переждать волну австралийского гриппа, а потом, когда все перестали болеть, взять и рухнуть. Даже сама от себя не ожидала, но что теперь. Вся программа слетела, шею не повернуть, в солевых растворах плещусь, соль на ушах выступает. В старые времена я от болячек и от ссор с окружающими стала бы руки ломать, а теперь нет, теперь я руки не ломаю, я их складываю на груди и стою в наполеоновской позе у

окна с замотанной полотенцем шеей – подняв брови, выпятив губу и волосы дыбом. Такою миной запомнилась Татарка, как бы говоря – а что поделать? Понимаю, застревать на злости нет сил. Сестра моя более-менее тоже выздоровела, и у неё даже появилось время читать художественную литературу, а то я уж, бедная, испугалась, что зря тащила с собой целую библиотеку. Представлю себе бешеный праздник, она читает сейчас «Теорию невероятности» и «Золотой дождь», вот так поговорим мы с ней. До чего же приятно, когда кто-то разделяет твои интересы. Я, правда, всем уже забила голову этим Анчаровым и достаточно получила оплеух на эту тему, но всё ещё не успокоилась.

Кажется, я попадаю... Да, кажется, попадаю в какой-то новый круг с филологами, там девочка Римма связующее звено. Сегодня Римка мне почитала мораль, чтобы я на всякий случай не приставала ни к кому с разговорами. «Не заводись с пол-оборота, сиди и помалкивай, а то ты всех пугаешь, ты вечно как бешеная». Я задумалась. Мне-то кажется, что я не так уж и много пристаю, просто, когда в компании повисает молчание, мне как-то стыдно. Я начинаю плести какие-то рассказы, незаметно увлекаюсь, и вдруг хлоп! Вижу, что никто не смеется, наоборот, все переглядываются и на меня пальцем тычут. Но почему же я сама-то этого никогда не замечаю? Та же Риммка была свидетелем одного такого случая, правда, не в её компании, а в нашей общей. Все звали, звали, приходи – посидим, поржём, а потом на кухне кости перемыли, что никому не дала слова сказать. Ну, так не зовите, но я-то сама не замечаю... А то зовут-зовут, а потом – «выключи радио».

«После звонка»

Была у родителей дома в очередные каникулы. Как дожидаясь до них, долго рассказывать. Звонила Татарка. Прошло два-три часа, а я всё ещё не могла успокоиться, сердце рвалось её утешить и пожалеть. Но рядом сидела вся семья, мама-папа-бабушка, и даже сделали телевизор потише, чтобы мне не мешать, но у меня сразу слова примерзли к зубам. Когда друзья в драме, то я как портрет в раме, я свидетель немой, а когда говорила она, я будто бы видела её, как она слёзы там размазывала кулаком. Я не знаю, что происходит, зачем люди звонят, если так далеко. Я просто долететь не в силах... Мы не в лесу, не в поле, а только горит синее пламя газовой горелки.

ки. Такие крохотные язычки игрушечного костра. Как же я по ней соскучилась, вспомнила наши длинные разговоры на общей кухне в общаге, при газовой горелке. Ничем теперь не могу ей помочь.

Со светским видом возвращаюсь к телевизору и подаю идиотские реплики. Как будто мне так уж интересно, что там происходит, всё равно же ничего не понимаю. Вот так легко выпасть из любого пространства... Первая мысль была: потом разделаться с ней за свою растерянность, за оцепенение, неумение выбрать слова, даже мысль была накричать. Сама же уехала, никто её не гнал, а потом звонит и жалуется, но нет, никого больше у неё нет, некому ей больше звонить. Раздражаться нечего, если мне люди звонят и жизнь рассказывают. Это же доверие. Одно плохо – мне свою жизнь некому рассказать.

Завтра провожать сестру, скоро и самой собираться и опять эта предотъездная суета, бабушка печет бесконечные пирожки, и опять чувство, что не сказано главное, да лучше его и не говорить. Даже когда я не могла им сказать дату отъезда, а потом сказала, у них были лица виноватые, у них, а не у меня. Почему мы приезжаем домой, куда нужно приезжать, но так стремимся быстрее уехать? Нас ведь никто нигде не ждет, а здесь мы нужны. И здесь так хорошо и спокойно... Здесь нам сумки пакуют на обратную дорогу с первого дня приезда, на цыпочках ходят, когда мы утром спим, и всё равно у них лица виноватые. Когда произошло это отделение, это отпадение ветки от дерева? Даже по телефону мы по часу говорим с чужими людьми, а со своими – только урывками, за обедом, или вечером – про кино, которое смотрели по телевизору.

Татарка уехала в далёкую Молдавию, это её выбор. Нашла работу, крышу над головой. А то, что она иногда звонила и срывающимся голосом говорила – да всё хорошо! – это мало меня утешало. То ли не договаривала, то ли правда плохо обживалась. Легко сходилась с людьми, характер такой, а срывы-то были. Сумасшедшие срывы.

Однажды Татарка познакомилась с удивительно мрачным человеком. Он не делал ей намеков, просто молчал. Стоял и молчал. Она что-то трещала, разбавляла атмосферу, а он точно немой. Она, заинтригованная, пообещала себе: узнаю, в чём дело. Назначил он ей свидание – она с работы поздно поехала и опоздала. Второй раз заклинило ворота на проходной. Третий раз на улице пожилая

женщина упала – она вызвала скорую и ждала. Вот так, три облома подряд. И никак ему было не объяснить, он перестал приходить. У неё все ныло внутри, что она его так обманула.

Потом, значит, отправили её куда-то по работе, нужно было отвезти бумаги. Водитель грузовика, на котором было велено ехать, подхватил левый груз по дороге и помчал куда-то цемент, а ей велел держать язык за зубами. Она пометалась, голоснула несколько раз, поймала частника. Сидит, радостная, папку к себе прижимает, торопит шофера – ей надо было к такому-то часу. Он молча едет, всё быстрее, но везёт и везёт. Она глянула – это тот мрачный парень, обманутый ею. Вывез почти в пригород – вылезай. Она залепетала, что вышло, мол, нехорошо, что она его подвела. Он её за руку молча дёрнул – ложись. А холодно уже было, осень, земля сырая.... Она стала его уговаривать – не надо, успокойся, мы же разберемся, зачем доводить до криминала... Но он стал на неё одежду рвать, ничего не понимал. Испугалась до смерти. Схватились драться, и она чувствовала – всё, он сильнее, сейчас отделает, а может, и убьёт, может, больной какой-то. Стала ему рот зажимать, потом в отчаянии руку в рот ему сунула, он её зубами грыз и продолжал ломать жертву. Потом она руку-то дальше продвинула, он задохнулся. Тогда исхитрилась его коленом ударить, прямо туда, и, пока стонал, на четвереньках – отползла и давай бежать на подгибающихся ногах. Перед ней оказалась топкая пашня, и она побежала по ней, хотя утопала в земле. По пашне полз трактор, и она двинулась наперерез трактору, маша руками и крича – спасите, спасите. Дядька старый остановил, она влезла на ступеньку на высоте головы и кинулась к нему – спасите, отец. Тракторист её подобрал и поехал дальше, руля трактором и неловко держа её за спину, а она измятая вся, всклокоченная, даже мокрая между ног... и молния на джинсах разошлась, и штаны в грязи. Пока ехали, она перестала трястись и рыдать. Он ехал вдоль шоссе, потому что за ним волочились эти железные плуги, но там уж рядом была остановка. Удивительный дядька, вынул из кармана деньги комком и подал ей. Потом руками развёл, что всё, мол, не могу дальше. Но она добралась до общежития кое-как, пила из горлышка бутылки, стоя в душе и всхлипывая. И соседки по комнате ничего у неё не спросили, как будто такое случается каждый день, и они все через это прошли.

Мать ей говорила, что «все они скоты»— она не верила матери. Но после этого ей пришлось поверить. Поэтому долго, долго она дичилась не только мужиков, но и вообще людей.

«Чего он ходит?»

Всегда такая бодрая, я снова захандрила, это обстоятельства, не в смысле против меня, а так, извечное, всё то, что мне не нравится, а изменить я этого не могу. Вот ещё и от Татарки нет писем второй месяц, и я стала думать, почему она бросила писать. А тут как-то ещё стала читать свои дневники, и оказалось там много печальных вещей. Всё-таки вплотную много чего не видишь, а как раскинется перед тобой панорама, так совсем иная картина. Какое оно, настоящее? Я привыкла думать, что всё лучшее в будущем, в прошлом одна печаль, а вот в настоящем? У всех это бывало, у Татарки особенно. Сожмёшь сердце-то в кулак и замрёшь. И вокруг всё останавливается, не движется. Делается холодно-вато, страшно-вато. Я когда так сижу, я думаю: «Вот это моя данность, насовсем». Это хорошо, что Татарка далеко, я буду теперь фильтровать все невзгоды и лишнего ей писать не стану. У Ричарда Баха написано: «По-настоящему мы никогда не расстанемся. Если люди внутренне вместе, они и на расстоянии вместе». На каникулах мама настоятельно смотрела на все эти письма и даже ворчала: «Что это за баловство такое, письма каждый день. Настоящее письмо неделю пишется, две недели идет, а как придёт – так событие ведь». Но потом она перестала ворчать и только махала рукой. А бабушка сказала сразу: «О це та, шо у садику робыла?» Бабушка всех моих подружек и всех мужиков быстро запомнила. Про моего учёного приятеля она говорила: «О це тот довгый?» (это тот длинный?). Я только кивала, Акс – не только длинные отношения, но и рост два метра. Бабушка спросила «А шо вин ходэ?» Я ответила честно: «Сидит, читает мне вслух книжку, пока я стираю, глажу или шью». Бабка смотрела на меня удивленно. «И нэ замае?» (не трогает?) – «Нет». – «Може, женылка не робэ?» – «Да откуда я знаю!» – засмеялась я, но смех был невесёлый.

Дневник я совсем забросила, потому что все силы уходят на написание писем. Пытаясь утешить других людей, я таким образом забываю о себе самой и не остается у меня больше сил ни на что. И удивительно, если раньше мои домашние мне твердили: «У тебя

нет прав, только обязанности», – то теперь как-то отступились. Как это получилось, что я стала для людей жилеткой? Ну, ладно бы только подружка, а то ведь и другие тоже. Они чего-то ждут от меня. Мне сначала было лестно это, а потом ошарашило: могу не оправдать ожиданий. Наверно, Татарка думает, что я всё знаю, понимаю, что у меня воли немерено, и я в любой ситуации что-нибудь придумаю. Но кого и чему я могу научить? Нет, я зря, зря. У меня в юности были годы одиночества, и когда так расширился круг общения, мне казалось, мало мне людей, мало, а теперь думаю: «И куда захватывала?». И теперь как их всех успокоить... Так-то жить для других...

Оказывается, иногда так тяжело вспоминать прошлое, у меня же дел по горло, а я сижу кисель киселём. Общение – главная ценность жизни. Так чтобы эту ценность не потерять, надо стараться работать на раздаче. Кажется, что-то меняется во мне.

«Игрушка»

Получила послание от Татарки. Она всё-таки прочитала почти всё, что я просила... и пыталась робко отчитаться. Что, приятно оставлять след в душах людей? Старая швабра с педагогикой! Влиять на людей так сладко. Татарка ещё писала про него, о том, что трудно найти общий язык. А вдруг это самое главное в её жизни? Как бы не пропустить! Получается, что они, в общем, по темпераменту одинаковые, взрывчатые, но отходчивые. Она спрашивала меня, как не ошибиться. Я всегда знала: надо, чтоб нравился, остальное не так важно. Ан нет! Тут сомнений уж очень много. Вообще, такие вещи надо бы спрашивать у матери, но она как раз не может. Её мать воспитала в ненависти к мужчинам. «Все они скоты, – шепотом повторяла мать. – Бойся их, козлов! Им надо только одно» А Татарка очень эмоциональный человек, влюбчивый до ужаса. Я давай бабке рассказывать, дескать, девчонка волнуется, что он не первый у неё, а у парня вообще ребенок малолетний на руках, очень уж большие хвосты от прошлой жизни остались, а бабка пошевелила губами: «Це ничего, шо булы други. Як вин сына забрав, тоже гарно. Не пустый. Хай сходитя тай живе» (ничего, что были другие, раз он сына взял, то не пустой, пусть сходитя и живёт).

Непонятно почему, но у меня от бабушкиных советов стало легко на душе, ведь «хай живе» можно перевести ещё и как «да

здравствует». Бабка очень положительная у меня, а метания никуда не денешь, всё написано на лбу. Могла бы я сейчас сама на это решиться, разложить всё на минусы и плюсы, там ведь минусов много, а плюс всего один. К страху за свое будущее прибавляется страх за чужого ребёнка. Акс однажды сказал: «Понимай через песню». Не то, чтобы отмахнуться от практических мыслей, но понять всё идеально. Я ему тогда дерзко ответила: «А сам-то пробовал так, ботаник несчастный?» «Пробовал, – ответил он. – Иногда больше никак нельзя». Я эту фразу вспомнила, может, через год, может, через два и ответила Татарке именно так. Ты пойми через песню. В данном случае – через любовь.

Акс принес мне новую игрушку. Он всё время приносит мне разные загадки, видимо, ему нравится смотреть, как я с тупым видом таращу глаза. Когда он полез в свой необъятный дерматиновый портфель, я поёжилась. Оказывается, надо было нарисовать несуществующее животное и дать ему имя. Я не могла предвидеть, к чему это приведет, ну, наверно, к очередному посмешищу. Когда я ему подала, наконец, рисунок, он сложился вчетверо и замолк, обдумывая приговор. Потом выпалил: «Очень большая голова, значит, ты большое значение придаешь мыслям. Даже слишком большое, говорят, это «привязка к уму». Вообще, привязка к уму и к умным людям («умники – моя слабость», – вставила я) опасна, близка к гордыне. Иногда не надо думать, что ум всесилен. Потому что он не всесилен. Уши огромные, – продолжил он, – ты очень зависишь от людского мнения, и это влияет на твоё поведение. Но вот сам торс зверя тоже мощный, больше головы, это означает, что эмоции управляют головой, а не наоборот. Зубы вон какие острые, распечатаны, да ещё рога – это, милая, твоя агрессия. Явно перебор агрессии. А длинный и пышный хвост – это невероятная сексуальность, этого добра тоже можно бы поубавить. Фигура покрыта волнистой шерстью, в ней много круглого и плавного, то есть общение довольно развито с людьми, есть шансы найти общий язык. Но много и такого, что внушает опасение. Подробнее надо?»

Как же я покраснела от этого хвоста! Ну, и что теперь мне делать? Я даже обидеться на него не смогла. Это не друг, а какой-то гинеколог! И зачем ему нужен был этот несуществующий зверь, если я, живая и веселая, сидела с ним рядом. А он посмотрел на часы, сказал, что ему пора и ушёл. Сказал про сексуальность, а

пользоваться не хочет. И что теперь? Жаль, что он не видел моего отчётливо тупого выражения лица. Имел бы возможность подразниться.

Какая-то зловещая закономерность есть в моей жизни. Многие доверяют сердечные тайны, но не интересуются мной самой, и Акс, и рыжебородый – это всё какие-то злобные намёки судьбы. Ходит человек по орбите, да всё мимо. Что во мне такого? Но я держусь независимо, хотя плачет душа. Не считают женщиной, но считают мужиком, своим парнем? Что важнее? Я смотрю на наших, у них всё нормально, а у меня всё не как у людей.

Одна девочка из параллельной группы, Мироша, приходила ко мне за английской газетой. У меня был горячий чайник, я предложила ей чаю и погадать – нарисовать несуществующее животное и дать ему имя. Ну, она нарисовала. И чем дольше я смотрела на листок, тем страшнее мне становилось. У этого зверя как раз были очень маленькие уши и очень даже хилый хвостик, зато были огромные глаза, как у марсианского чуда-юда, и никаких зубов-рогов. Зверь уверенно стоял на всех четырёх лапах и хвостом помогал, но у него явно была спина перебита. И это означало много чего: либо человек болен, либо у него какой-то провал с мировоззрением, так меня Акс научил распознавать. Я даже боялась говорить, но потом высказала в осторожных обтекаемых выражениях. Девочка с английской газетой вдруг так нехорошо усмехнулась: «Что это ты растерялась так, Валентика? Ты же такая бойкая у нас! Ты уж говори всё, ничего не утаивай! Откуда ты взяла про болезни?» Я ткнула карандашом в сломанный хребет, ничего не сказав. «А, это, да, наверно, ты угадала. У меня был суицид, если это подходит к твоей разгадке. Только ты особо не болтай про моих зверей, ладно? Вот так. Спасибо за газету». Тут я припомнила, как сидела с ней однажды на паре и мы перекидывались записками. И у меня вместо «видеть» оказалось «видить». Эта девочка, ботаничка, подчеркнула мне жирно – исправь – и целый забор восклицательных знаков, и красными пятнами покрылась. Я, конечно, исправила, но больше с ней переписываться не стала. А так она красивая девочка, напояженная, в каких-то воздушных блузках, строгая такая, но не пошло. Пусть она лучше газеты у другого кого-нибудь берёт.

Много раз потом я начинала игры со зверями Акса. Я понимаю, что это же не дословно, не точно, это просто игра в догадки.

Она очень помогала в некоторые моменты, особенно хорошо попадались девчонки.

А когда я спросила, у него самого есть ли этот зверь, он постукал пальцем по виску: «Вы, девушка, совсем ничего не соображаете? Если я знаю разгадку, так ведь я специально нарисую, чтобы создать ложное впечатление. Надо не знать правил, понимаешь? Ты учти, все, кто эти правила знает, нарисовали полное вранье». «Значит, ты не будешь рисовать?» Он просто руками развел: «Сказал же тебе!»

Правда, я дура. Дошло, как до жирафа, на пятые сутки.

«На смотрины»

Опять странствия. Был сильный ужас в дороге, ну ничего, не в первый раз. Самолёт отменили, а он раз в сутки. А остальные, подходящие более-менее рейсы задерживались на десять часов, а те, которые не задерживались, были не льготные. Было не очень приятно сидеть в холодном зале, без права ехать в город и хотя бы поесть, потому что все деньги истрачены на ненужный билет. А напротив сидел некий тип, то есть Акс, оскорблённую добродетель из себя строил. Лицо бледное, волосы назад, чёрное пальто топорщилось картоном на согнутой фигуре. Тоже мне, демократ-разночинец. Я, свернувшись в комок, легла было спать, и мне приснилось, что хорошо известный тип в чёрном пальто спит на огромной профессорской кафедре, положив кулак под щёку и поджав колени. Стало противно, и я проснулась. Отправила сегодня Татарке денежки, то-се, сварила супчик, стала ждать, пока подружка по комнате Сонька постирает, чтобы вместе поужинать. Крутился Рафаэль, лёгкий такой, дразнящий и весёлый. Ах, как мы под него танцевали! Давно это было.

Так вот, после нудного сидения в аэропорту, я начала выступать, сперва негромко, потом на повышенных тонах. Чувствовала, что с трудом найденные на поездку дни уже начали пропадать. Очень уж мне было не по себе, и мы в конце концов поехали на поезде....

А теперь мне всё-таки надо рассказать, как прошли смотрины. Я ведь ехала посмотреть на Татарку и Гошу, узнать, как они нашли друг друга, и заодно увидела ещё кое-кого. Конечно, стыдно мне было за этот разлад, я вообще не поняла, как я посмела в этот узкий круг ввести этого чужого... Но ей-богу, теперь всё уже ясно.

Я сначала-то хотела письма всем написать, но поняла – не слажу с собой, горело лицо, и злые слёзы были в глазах. О, конечно, я с ним не разговаривала, а когда заговорили по поводу поезда, тут уж началось. Он сказал, что всю эту антимонию с деньгами он затеял нарочно, чтобы «отомстить мне за Бальзака». То есть он однажды не купил мне Андерсена, я тогда сказала: «Это ты нарочно, чтобы отомстить мне за Бальзака», а Бальзака я перед этим увела у него из-под носа. И теперь-то я понимаю – он так шутил, повторяя мои слова, а я взвилась. Может, он так мирился? Кажется теперь, что всё уже ясно, что это ерунда, мелочь, не стоит и говорить, а если серьёзно... Были и другие причины его обид. Первого января, после длинного банкета, когда Татарка ушла на работу, она тогда дежурила как раз в праздничный день, мы с Гюшей стали собирать ей сумку с едой, это была Гошина идея. Гюша – маленький смуглый молдаванин, сутулый, большеглазый, когда торопится, бегаёт на полусогнутых. Он всё о своей девушке волновался, я уж просто так пристала, потому что всегда лезу не в своё дело. Гюша тогда ещё сказал, что чересчур много мы насобирали, как это можно всё поесть. А я ему ответила, что это специально и доесть заставим, если с рюмочкой. Ну, и мы друг другу подмигнули, ну, просто смех разобрал, да и всё. А приятель, то есть приятель-то мой, попутчик единственный, Акс – он, оказывается, не спал, из-под одеяла наблюдал за нашей беготнёй, и как уж он понял это подмигивание, трудно сказать. И он потом сказал мне: «Ты, милая, всегда, прежде чем добро сделать, долго и громко об этом орёшь».

Лично я бы на его месте просто выползла бы из-под одеяла и пришлёпала бы на кухню посмотреть, что там такое интересное, а вот он лежал, не понимал и терпел. Что за человек такой! Был бы проще, к нему бы потянулись люди, а может, даже и я. Ну, вот пока он лежал там и мучился, мы собрались да и ушли, зачем будить человека. А он ушёл в свое молчание, как в туннель какой. Вроде и рядом, а контакта нет, а потом ещё эта шапка.

Мы ведь когда ехали в такси, он забыл там шапку, а она дорогая, и он гордо шёл по морозному ветру, хотя было ясно, что это ужас. Вот тогда все закричали: «Что ты делаешь, простынешь!» Он тогда пошёл и купил себе шапку и не дал мне обещанные деньги на обратную дорогу. Вроде, всё правильно, всё объяснимо, а результат невыносим. Но вот если бы это был Гюшка, то он бы ни за что не

купил шапку, он бы шарф на голову намотал наподобие тюрбана, или купил бы колпак трикотажный, но не подвёл бы женщину. А мой приятель – не Гошка, и оказалось, что двух дней достаточно, чтобы всё это понять. Горя и пылая, как топка паровоза, я ему сказала, что больше я не буду над ним издеваться, и я его отпускаю. И, в конце концов, я найду денег на дорогу, но надоело вытирать ему сопли. И как-то легко стало на душе, и я даже перестала злиться, взяла его за руку и призналась, что да, мечтала о понимании и хотела быть вместе, но теперь это, кажется, в прошлом. А он сказал – мне это уже говорили! Тем хуже. Он ещё в самолете сказал, что я много треплюсь о добрых делах и доброте, но сама не знаю, что это такое. А он предпочитает молчать, но делать хотя бы что-то, например, перевоспитывать братьев-тюремщиков, помогать людям или идти на поводу у моих капризов. «Я понял, ты просто глупая, конченная мешанка и гусыня, и, кроме как о деньгах, говорить ни о чём не способна. Неужели нет других тем? Всё время спрашивала про деньги, как я смел их растратить, если они были обещаны, вот оно, твоё хвалёное понимание. А это были мои деньги, которые я сам заработал, так что куда их тратить, решать мне». Приятель вынес мне приговор. Я мягкий человек, дальше выносить не могла и тоже сказала тронную речь.

Обиды позорят человека, особенно, если обижается мужчина. А, возможно, это просто ребёнок, у которого отобрали игрушку. Нельзя же всё-таки не видеть за мелочами главного, а главное было в том, что я считала его своим человеком, и поэтому взяла с собой в компанию дорогих мне людей. («Какая честь попасть в твою компанию, особенно если учесть стоимость...») И эти люди его приняли, да только вынуждены были без конца наблюдать наши ссоры. Вот и получилось, что вместо душевной встречи все получили большой марсианский кукиш.

Может, он так просто мстил за Бальзака?

Когда я остыла, мне стало его жалко. Все это была низкая возня, обратная сторона, а что же было на лицевой стороне. Татарка – единственный человек, который знает меня от и до. Гошка доверился ей как своей девушке и ни во что не встречал. Он просто свой в доску. Акс почти пять лет двигался по орбите, почему же я не смогла сдержаться и простить ему этой шапки? Когда он в аэропорту предложил дотащить мне сумку до общежития, я ему отве-

тила коротко: «Езжай-ка, ты, милый голой ж... по наструганной доске». Он укоряющее смотрел на меня усталыми прекрасными глазами, и вдруг я всё поняла. Он не был мне дорог, бедняга, мне стыдно было ехать к Татарке одной, вот я и взяла его с собой, а если бы я не могла без него жить, то я бы и шапку ему простила и всё остальное. Ведь на той веселой вечерухе у Татарки я вертелась перед ним как юла, хотела его раскрыть, узнать о его отношении, но он даже танцевать со мной не стал, не то чтобы там целоваться. Я и с одним, и с другим, все меня обнимали, все меня хвалили, а он только сидел и смотрел, как же он смотрел-то ранено, ужас. А может быть, он даже и понял свою незавидную роль и заранее смирился с ней. Всем стало ясно, что никакой не мой парень, просто случайный пацан, причем ботаник. Когда я пошла на кухню принести ещё салату, за мной увязалась куча народу, приятель чуть открыл дверь, а там я с Моной в обнимку блатные матерные песни под гитару пою, а Гоша подпевает в обнимку с банкой огурцов. Он тихо закрыл дверь и ушёл. Ах, его это шокировало. Вот я бы – так ни за что не ушла, а он ушёл.

«На него не действует»

Опс! Оказывается, сессия будет намного раньше, чем намечалось. Мне уже удалось свалить один зачёт, предстоит второй. Мироша, у которой был рисунок с перебитой спиной, и с нею её подружка Надя, почему-то пытались на днях залучить меня к себе. Почему – не знаю. Может, из-за того, что у меня есть лекции, или они что-то хитрили. Мироша безнадежно светская, у неё определённые круги общения, это для неё важнее всего: учебы, любви, будущей работы. Она никогда не пойдёт на сближение со мной, слишком долгое время мы были врагами. Из какого, интересно, я слоя или круга? Я куда ни попаду – везде отдельно. Уж на что великодушная была Ганна, к ней всегда была дверь открыта, и то она теперь очень холодна... А Мироша вдруг попросила мой дневник. Ну, это уж слишком!

Акс тут бесконечно пропадал в нашем общежитии. Я думала, он всё понял и исчез – нет, недавно опять целый день просидел. Я варила змеиный супчик из пачки, потом вместе ели с поджаренным хлебом, как говорится, полная нищета: жареный хлеб – "закуска последняя". Вроде бы и не такой кошмарный он, не такой нудный,

как раньше. Всё равно странный. Когда рассказывала ему про Сонькины амурсы, прошептала на ухо кое-что. Он не среагировал. Я знаю, что многие реагируют. Сколько раз на вечерушках в общаге ерунду пошепчешь мужику на ухо, и он тянется обниматься. А этот ничего. На него ничего не действует. Я скосила глаза, шепча, он был неподвижный и сонный.

Сначала долго ели и разговаривали, мирно так, потом он лампу чинил, предложил даже в кино сходить. После кино, когда шли с Аксом на постановку, он вдруг сказал, что хочет съездить в Ленинград, может, даже со мной. Но мне пока не до этого. Я в напряжении от девятого вала зачетов. Что это он? Кажется, всё было понятно, я гусыня... Зачем с гусыней в Питер ехать?

Мирошина подруга Надька познакомила меня с одним хмырем, два друга, старые рожи, красные. Я на Надьку сильно удивлялась, она чудесная, видная, яркая, просто кинозвезда, а её спутник какой-то очкастый, размытый. Они без конца ласкаются. Сидели у Надиного кадра, ели польскую колбасу и отличный студень с хреном и пряностями, у них много музыки, много записей Адамо. Нас почему-то тянуло на высокие материи – думаю, от сытости, а на голодняк разговоры совсем другие.

Что-то было в этом унижительное, но не новые знакомые в этом виноваты, просто я – мырма негибкая. Не могу быстро перестраиваться на новых людей.

Прикупила на днях вожделенные холстики и масло – это для учебы. Трогала ткань ладонями, такая шершавенькая, натянула две штуки и загрунтовала, никак не сохнут почему-то, видимо, не умею. У меня в последнее время все ощущения переходят на осязание... Хорошо помню прикосновение руки Акса, когда давала ему отвертку, а он взял, не глядя, с рукой. Рука его была не рабочая, а очень мягкая, прохладная. А говорит, что работал на почте до института, сам грузил ящики и мешки. Посмотри же на меня, Акс. Ты такое большое место занимаешь в моей жизни, а я в твоей никакого. Ну, хочешь, я останусь с тобой безо всякой любви, просто, чтобы быть под рукой, отвертки подавать? Но нет, я не тот уровень...

Надо написать Татарке, чтоб сходила в тот магазин с репродукциями Ван-Гюга, надо всех купить по одной. Как я пожалела, что сразу на это не решилась. Надо искать Соньке сумку как у меня, только на длинном ремне. Если мне пришлют деньги – надо сразу

послать. Всё какие-то дела у меня никчемные, но их так много, что бесит, и никак не подойти к главному. Касательно Татарки, у меня тоже есть долги. Я должна её всё время подтягивать и то, что знаю, рассказывать ей. Маюсь, что она не пишет. Пусть бы самое холодное письмо, пусть бы три корявых строчки, но хотя бы крохи.

Опять Мироша была, бог её знает, что и думать. Доверила мне свой дневник. Это жест, это поступок. И никаких там жутких мыслей или чего-то философского, просто любовь без ответа, знакомая тревога, отчаянные слёзы, мы всё это проходили. Наконец, увидела что-то общее – это пережитая печаль поднимает человека и отделяет от остальных, то же было и у меня, причём, выражено теми же словами – наука не лезет, всё постыло, где же светленькое. Пока я читала, она сидела, что-то чиркала карандашом, опустив глаза, вся красная и зажата. И чувствовалось, ей не по себе, но кто её заставлял тетрадь-то давать? Человек со своей болью живет, понятной, и сколько лет я видела вместо этого лица злую враждебную маску, ну, её понять-то можно, для откровения храбрость нужна. А награда вполне реальная – тебя понимают, возникает чувство общности, и ты уже не идешь по своему отдельному туннелю, а туннели иногда пересекаются.

«Убегать в тетрадь»

Давно не писала. На других я скриплю ожесточённо, если не пишут, а что же сама? Как до меня дело доходит, не буду же я сама на себя скрипеть. У меня сплошные провалы в дневнике, у меня провалы в письмах к Татарке. Если уж от других требуешь, сама должна быть на высоте. Ой, нет, не на высоте. Как Алешка Аносов Катарине говорил: "Прости меня, я дурак". Хорошо, что дневник есть, хоть можно убежать куда-нибудь. Долго ищешь обгрызенную ручку, поджимаешь ноги на кровати, за окном стылый злющий вечер, виден силуэт старой церкви, запорошенной снегом. (Странно, но то же самое есть у Анчарова).

Я опять развороченная, снова ходила с сестрой на «Нежданного гостя» – хотелось, чтоб она тоже посмотрела. Там песня такая замечательная, мне хотелось подпевать, и я вспоминала по дороге мотив, и даже не заметила, как добежали до дома, а, добравшись до комнаты, прямо от дверей шла на цыпочках в расстегнутом пальто. Вот бы дойти до пианино, подобрать, а если подберу, то запомню.

В конце концов, и подобрала, и запомнила. Чем только голова у меня забита. Всё чаще и чаще хочется не письма писать, а с тетрадью разговаривать, конечно, не хватает живого человека, но как раз дневник-то терпелив. Сперва выложишь, не думая, руду, а потом через пару дней глянешь и что-то поймёшь вдруг. Быстрее выходит написать и осмыслить, если рядом крутится пластинка. Конечно, раздражает то, что её нужно переставлять, мой обычный набор – «Не слышно шуму городского..», вальсы Штрауса, Адамо, Джанни Моранди, "Проходит все", французская, Оскар Строк.

Недавно рылась в старых "Кругозорах" и много чего откопала. Хорошо, что я их тогда не выбросила. Ангина то и дело набрасывалась на меня из-за угла, но теперь отступила. Остаточные явления. Ох, эти остаточные явления в жизни и в искусстве! Интересно, что там у Татарки с работой. Две уже бросила, нашла ли новую? Мне стыдно, что я наобещала помогать, а сама скрылась за горизонтом. Человек болтается между небом и землёй, а я неизвестно где. Я вспомнила: у неё были шикарные тетради для конспектов, я нигде не могу достать. Надо бы попросить штук пять, а то я «Историю экономических учений» писала на тонких и половину растеряла. Да-да, такие пустяки могут испортить большое дело.

Идёшь по коридору общаги. Наискось по коридору семенит Зюха. Я на неё смотрю в её мятом цветастом платъице до полу, низко повязанной косыночке, и пугаюсь – вот никому не нужен человек. Да почему? Потому что чертей с плеч стряхивает. И если кто противный подходит – то же самое. Люди её шугают, всем неприятно, а ведь она тихая, безвредная. «Да иди отсюда!» – а она в плечи голову вожмёт и кинется прочь. Даже если с добром к ней подходишь, она не верит, глаза у неё бесцветные, губы бесцветные, лет непонятно сколько, работает штукатуром, это всё, что я о ней знаю.

«Войти, втянуть ноздрями запах»

Сижу в техбюро седьмого цеха. Хожу в архив бухгалтерии писать цеховые расходы, а сейчас вот пришла – ключ не дали. Ожидаю, когда подальше пошлют. Ползаю туда-сюда, иногда безуспешно торчу на улице, а на улице кошмар – снег, летящий в лицо. Охохо, жизнь практиканта. Были с сестрой в Пролётке, смотрели «Новых центурионов». Какие-то фильмы смотрю дурацкие, типа всё плохо, а один самый хороший, но в тяжёлом положении, и он,

конечно, не сдаётся и, конечно, женщины мелкие, недостойные, требуют своё. А вот я бы, честное слово, не сумела крутить, сразу бы была вся тут...

Смешно, ну допустим, хороший мужик попал в сильный загон: жена бросила, дочку забрала себе, лучший друг умер, а сам пьяный-побитый приволокся к печальной женщине, когда сам в скотском виде. Ну, а что она должна? У неё теперь есть муж, нет, надо всё бросить, простить его и понять. Пока человек ищет себя, причём, по дну, жизнь идет дальше. И я знала, что у меня теперь самый хороший человек где-то там, в Молдавии, и неясно, что с ним, но ведь это же есть. Хочешь услышать голос – сиди, вспоминай, успокаивай себя, что это реально, не желая видеть и слышать правды, она в том, что одиночество, как всегда. Ну да, он входил расстегнутый, втягивал пар от кастрюлек, и что он предвкушал? Кастрюльку или её? Глупости, глупости...

Собралась Соньке платьё шить, очень длинное, в пол, выкройку делаю. Ползаю по полу, хрустя калькой и газетами. В зубах карандаш, брови нахмурены... И тут Акс приезжает из своей очередной командировки, как хек замороженный. Ужас – начал отпускать бороду под пустынного Моисея! Я сказала: «Опять пришёл без колоколов?» А он: «Некогда было звонить. Денег куры не клюют, жрать-то хочешь?» Это я всегда... Пришлось бросить выкройку, варить рожки. Тазик рожков, сверху гюеч из банки и сыр чеддер. Мм, сыр любимый, с пряностями, с перцем. Акс: «Что ты там бормочешь?» Ничего, Акс.

Всегда трудно писать Татарке после её звонков, когда последний звонок был, не могла даже заснуть. Ждала Соньку с работы, чтобы рассказать новости, распирало меня, но сейчас как-то не до этого, всё чаще болит голова, болит сердце, болит желудок, всё время как спохмела. А так – всё хорошо. Моя жизнь такая наполненная, что я иной раз пореву-пореву и думаю: «Надо книгу писать, а то всё забудется. Надо вернуться к выкройкам, я же ведь шить умею. Чуть не забыла».

«Отчётливая дурь»

Надо же, получила и часы, и книжки, и намного раньше, чем ожидала. А ещё тексты, которые надо почитать, но записки никакой не было, и я подумала, что почитать. А пока начала после «Де-

ревушки» другую вещь из трилогии Фолкнера, это очень затянуло, так что оторваться нельзя. Надо ей сказать, пусть там тоже поищет в своих молдавских библиотеках. Дело в том, что Лана никак не даёт свою книгу, очень уж дрожит над ней. Я бы могла выслать Татарке только вторую книгу – «Город». Но какой же смысл высылать, если она не прочтёт?

Вообще, с Ланой как-то всё непонятно. С одной стороны, она очень простая, с другой, недоступная. Я всего лишь раз с ней говорила, но совершенно точно вижу, мы говорим на разных языках. И то, что я люблю, об этом лучше не говорить, это всё мелко, а то, чем живет она – это всё заоблачно. Фолкнер – единственная ниточка. Кое-что из книг я взяла у Соньки в библиотеке, отдавать пока не хочу. Хорошо, что она смотрит на это сквозь пальцы. Какое неожиданное раскаяние в письме Татарки, оно так больно резануло. Мне совсем не хотелось лишать её возможности звонить и бросаться ко мне в любой момент, когда приспичит, но так же нельзя! Иногда я не готова, силы кончаются. Человек под постоянным напряжением, в сиюминутном ожидании срыва долго не протянет. Тем более не могу же я всё время находиться дома, я то и дело мотаюсь по делам. Можно, конечно, переписываться телеграммами, но это уж какое-то бешенство. В сорок слов можно много вместить. Телеграмма, конечно, сутки идет, сутки обратно, а письмо – это две недели. Нет, это всё дурь, дурь отчётливая. В сиюминутности нет правды. Или наоборот. Но она сказала, что так будет всё непонятно, а я считаю, понятно. Мне знаком весь этот скрежет, он неотделим от неё, и каждый раз это продолжение пройденного.

Меня удивляет: она вроде бы видит в себе что-то лишнее, плохое, а сломать скорлупу не может. Естественно, по телефону ментальный обмен, но ведь это же баловство, надо же бороться с хандрой и между звонками. Ну ладно, я её успокоила один раз, другой, ну а как она сама-то? Ведь надо же и самой себя в руки брать когда-то. Ну, я вот не могу звонить в Молдавию по делу – не по делу. И что? Кто со мной нянчиться станет?

Мне главное знать, что случилось. Вижу, беззащитная Татарка, но неужели вся её сила только в моих словах? Пора бы уж обрести и свою силу, а то я оказываюсь в постоянном страхе. Я, кажется, поняла насчет скорлупы. Равнодушие, наверно. Оно для защиты нужно, и тогда человек ожесточается. Мне трудно говорить в общем,

я не знаю многих деталей, и телефон – это не выход. Это слабый пластырь на ранку, которая осталась. Не поняла ещё вот чего: она сказала «в пропасть лечу и долечу до дна». Нельзя так говорить. Либо говори всё, как есть, без намёков, или долой это затемнение экрана. Я тут думаю, как ей помочь, а она будет от чужих абортотв страдать. Я не смогу обогревать её и её подружек сразу. Да, она – драгоценный человек, но всему есть предел.

Состояние хорошее, кризисы успешно ликвидированы, придумываю новые песни, но всё перевешивает Вознесенский. Вот Тарковский ещё, он такой тонкий. Нигде не мелькнёт грубое. Даже у Блока есть: «А вот у поэта всемирный запой, И мало ему конституций», – а вот у Тарковского нигде. Никакого обличения и вот этого слова свысока. Ах, Вознесенский, это старая любовь! Ганна мне привезла из Москвы программу по университету искусств, жуть сплошная, все расписано до предела: десять рисунков по тридцать минут, двадцать рисунков по пять минут, несколько штук по одному часу – да как это можно освоить вообще!

С Сонькой вообще какие-то ссоры, пить научилась, прямо какой-то медведь в лесу сдох. Если замуж предлагают, так это не повод пить водку, несерьёзная она какая-то. Уж как будто я серьёзная!

«Распределение душ»

До чего же хлопотный день! Убиралась до потери сознания, надо это видеть, что такое моя тумбочка, полка, висящая на одном гвозде, а второй гвоздь я вбила прямо под ней, надо видеть, как всё спрессовано под кроватью. Вроде бы с виду всё компактно, но очень быстро всё лохматится, вылезает из своих щелей и принимает угрожающие размеры. Я сказала: «Пришло время борьбы с хаосом». Сестра засмеялась: «И какой медведь в лесу сдох».

Худо-бедно, но защитила отчёт по проклятой практике, какой же камень с плеч упал! Теперь на очереди «Рука», то есть руководитель диплома, сегодня суббота, а в понедельник сдавать очередную главу этому негодяю, боюсь. Все пожимают плечами: «Да он безвредный, что ты репетуешь, пугает просто!» Дальше ещё страшнее будет. Распределение, их бывает два: одно предварительное, другое окончательное, на котором уже ставят роспись за точку. Жуть одна, как это всё происходит. Подвигают ручку и бумагу, а в это время человек собой не владеет, перед глазами лица плывут, и названия

точек тоже, и он как бы ничего не видит, и все красные, потные, нервные. И все понукают друг друга – быстрее, быстрее – ну расписалась я за Ростовскую область, вроде бы общежитие, в перспективе квартира, поселок, ставка экономиста. И вот до самого решительного момента я надеялась на какую-то всевышнюю помощь и так нервничала. Но помощь не поступила. Я сдалась на Ростовскую область, понимая, что это конец. Меня могут одернуть: «Учиться надо было лучше, дорогая!» Наши отличники и хорошисты расписывались за областные центры и крупные предприятия или НИИ. На другой день ни свет ни заря позвонил папа, сразу понял, что я в глубоком обмороке, сказал, чтоб не волновалась, но было понятно – он сам волновался больше меня. Он говорил что-то про Лиманск, и что знакомый директор, а я с моим-то вечным гонором не имела даже сил сопротивляться. Лиманск так Лиманск, всё лучше, чем заштатный заводик в Сальских степях. Вот такие дела. Чтобы как-то оклематься, снова схватилась за Фолкнера. Вроде бы читалось легко, но всё-таки эта трилогия, тяжелая, как кандалы. Вот «Свет в августе» – совсем другое дело. Сонька, между прочим, даже «Город» мне принесла, вот какая добрая. На тумбочке лежит ещё «Сердце – одинокий охотник», Карсона Маккалерса, об этой вещи говорила Лана, а для меня каждое её слово – закон.

«Лекция об альтруизме»

Я снова была там. К счастью, особого борделя не случилось (они так и говорят – «наш маленький бордельеро»). Никто даже не пил, уютно поблескивала бутылка коньяка, но скорее для формы. Спорили, разговаривали, играли в ассоциации. Ассоциации – это когда называют любое слово, а следующий по кругу называет первое, что ему пришло в голову, в связи с предыдущим словом, и так далее, по цепочке. Один раз так сильно хохотали, пытаюсь вспомнить суть разговора. Первая половина о том, что такое «профессионально». Вот художник Олег подарил Лане свою картину – «Крыши и сирень». И неясно, где земля, и всё утопает в тумане. Кто-то отозвался, что сделано профессионально, а я лягнула, что мне это слово ни о чём не говорит. И вообще, так нельзя говорить о произведении искусства, потому что все могут работать профессионально, а только в каждом есть то, что его от других отличает, и что по сути или описательно, всё равно, но надо стараться ловить

отличия. Потому что самое ценное в картине – не то, что «хорошо, как у других, профессионально», а что там есть отличное от других... Герои «День за днем» сразу бы сказали – вот и выставляйся, как про антагониста Кости Якушева – художника Бориса. А для «отличных от других»? Есть для этого слово «талантливо», и оно включает в себя особенности явления, а не похожесть. Всего это я набралась у Анчарова, но они наверно, и так все это поняли... Но всё-таки отстаивали свое: профессиональное – это уже и есть похвала, это высокое качество, но, в конце концов, спор завис. Я тоже замолчала, поняла, что Олегову картину они не считают особенной, хоть она и сделана профессионально, прилично, что ли. А что тут выступать? Чего я, собственно, добивалась? Меня же лично картина тоже не тронула. Но я хочу сказать, что чистые акварельные тона, что это далеко и приятно, и всё-таки мимо сердца. А может быть, я ничего не понимаю в пейзажах? В самом деле, когда манера такая размытая, то в отзывах больше выдумки, и чтобы совсем не опровергнуть. Потом как-то все отвлеклись, пили чай, гремели духовкой, делали подсолненные гренки. Я заметила, что у них даже молчание какое-то другое. Во многих компаниях молчание терпеть влом. Как-то стыдно, когда повисает мертвая тишина, становится неловко. А в этой филологической компании даже молчание значительно. И нет вражды у несогласных, и все лукаво поглядывают друг на друга, словно говоря: «Ты со мной не согласен? Ну и прекрасно! Я твоё мнение уважаю!»

Во второй половине беседы как-то ни с чего заговорили об альтруизме. Когда начали говорить, я не знала, что это такое. Выяснила это только в ходе запутанного разговора. Мне слово просто нравилось. Я считала, что альтруизм – это когда нечто делается для людей, а не для себя, это значит – вечный режим отдачи, но это же совсем, совсем близко к Анчарову, у него практически все герои – альтруисты за редким исключением («он любил выдумывать, бросать идеи пачками и дарить их, пусть пользуются»), это про Сапожникова). А вот они сказали, что альтруистов среди людей практически нет, что каждый старается только для себя, даже если говорит обратное, потому что такова натура человека, а ещё потому, что работает самосохранение. И вот я опять обиделась за человечество и стала доказывать, что альтруизм существует, и привела в пример Михаила Анчарова: «Человек ценится по тому, что может

отдать добровольно». А они ни в какую: если ты о творчестве, то как раз творчество – это, говорят, не для людей, а для себя в первую очередь. Протуберанец, выплеск, самовыражение. Внутренняя потребность. Человек, когда творит, вовсе не думает о каком-то там человечестве, и он сам себе звезда.

Вот уж неправда. Если б человек знал, что для себя, стал бы он так загораться. Конечно, чтобы писать, надо сильно хотеть, и писать именно о том, что тебе дорого. И это изначально для других. Это как раз Сапожников из «Самшитового леса». Но я им ничего не доказала. Несогласие висело в воздухе, а ещё в воздухе, прокуренном и пропитанном дешёвыми папиросами, стоял такой хохот, что ну. Как же они смеялись над моим детским лепетом! А я, как цыплёнок, только вертела головой и не могла найти ни одного сильного примера, так, чтобы убедить. «А, так значит, у тебя нет примера? – задыхаясь от смеха, говорили они. – У тебя его нет, потому что его вообще нет! Кто знает твоего Анчарова, это ж не властитель умов...» А вот и зря.

Кажется, Елена, отсмеявшись, воскликнула: «Вот у меня есть пример». Все к ней повернулись: «Ну?» А она так веско: «Христос». «Так не пойдёт, – воскликнула Лана. – Это не литературный герой». – Ошибаешься, милая, это реальный человек и литературный герой одновременно. А вот и литературный пример – это князь Мышкин. Это как раз альтруизм чистейший». И опять все замолчали. Лана взглянула на меня тогда, как бы проверяя. И какое же счастье, что я хотя бы «Идиота» читала, и князь Мышкин мне очень нравился, и я закивала.

А ещё я поняла, что альтруизм – это вовсе не так уж хорошо. Если он будет расти и шириться – это приведет к абсолютному отказу от себя ради других и к тому, что ударят по одной щеке, по другой... Ну, хочет человек тебя бить – и пусть бьет, если ему от этого хорошо. Надо понять и простить человека этого, даже если он сам ничего не понимает. Это мне уже не нравится совсем. И мне стыдно теперь, что меня сочтут альтруисткой, а значит, идиоткой. Слепое потакание бьющему человеку? Лучше от этого никому не станет. Идеальный выход – это чтобы бьющий сам понял и перестал, но в реальности этого не бывает. Ну, вроде бы они говорили серьезно и вроде бы подначивали меня, как будто я была не человек, а белка в колесе.

Обожаемая Лана выглядела дурно. Усталая, больная, нахми-ченнные волосы растрёпанной шапкой, запавшие щеки, запавшие глаза. Я прошептала: «А в чём же дело?» Она ответила: «Пьянки». Нет, лучше не соваться к ним. Римка, которая привела меня туда, сама молчит и не открывает рта. Она рада, когда нужно на кухню или за чайником – вылетает пулей, в остальное время держит Лану за руку, а Еленка за ногу. Я у Римки шёпотом спросила: «А что это вы вокруг неё все ползаете?» Римка мне: «Ну, жрица своего рода». Нет, они точно чокнулись. Я подумала, что мне это не понять. И как бы я выглядела с чьей-то ногой в руках?

Там была ещё их старинная подруга, дикобразная, худая как вешалка, наряженная пугалом, глаза исподлобья и толстенные очки с чёрной оправой. Надя, так её зовут, когда она входит, кто-нибудь говорит анекдот в двух словах: «Надя женщина», – ну не понимаю я такого. Спрашиваю Елену, тоже шепотом: «Это что вообще?» А Елена мне с хихиканьем отвечает: «Это высокие, высокие отношения!» А я плечами пожимаю. Этой бы женщине волосы красиво подстричь и одеть во что-нибудь глухое, классическое, но я уже поняла, что лучше всегда держать язык за зубами, как это делает Римка.

Странные они какие-то. У них всегда есть нечего. Лана говорит, что живёт на копейки, не работает, а почему не работает? Этак умереть можно. Однажды я принесла им две банки шпрот червячка заморить, но они совершенно не оценили... Надо поискать нитки цветные мулине, чтобы шёлковые, с блеском. Точно пока не знаю, что с ними делать, но ясно, что к этой компании мулине отношения не имеет.

***

Я не могу считать себя альтруистом, я слишком многих бросила, у меня не хватает сил, чтобы без конца подставлять то одну щёку, то другую. А если меня посылают – тем более. Тем хуже, ребята, я уйду, мне есть куда отступить, потому что если раньше возилась я, то больше никто не станет. Так что давайте, задним местом по наструганной доске.

«Несчастлива не женщина, которая полюбила первую любовью подлеца, несчастен подлец, который не воспользовался возможностью стать человеком» (восточная мудрость).

Подобные речи опасны для меня, во время расправы меня охватывает веселье, я вижу, что человек уже не возражает, а только кивает, я не могу остановиться, какой уж тут альтруизм! Не то чтобы я жалости ищущу, просто теперь, когда у меня не на кого надеяться, надо не даваться, надо не нарываться на унижение. Да, я поняла, что в той поездке на смотрины Акс, возможно, ревновал к Гошке. Добро бы любил, а то ведь ни черта подобного! А Гошка, наоборот, неплохо отнёсся к Аксу, но это потому, что он разбороч наших не слышал. Так могут ругаться люди, которые очень связаны друг с другом, много лет вместе прожили... А ведь мы даже не целовались.

«Вокруг Фолкнера»

Не выходит из головы Лана. Вчера вдруг мы пошли на фильм «Искатели приключений», это Римка, Елена, Лана и я. Я не знаю, почему они пошли, а я пошла, потому что любимый фильм рыжебородого. Оно не вяжется, ведь внешне он такой рациональный, резкий, высокомерный, а фильм очень озорной и поэтичный, и чуть печальный. Да неужели так может быть, чтоб человек с виду такой сволочной – и был таким изнутри. Я думала, когда же, наконец, меня Римка сведет с ними, а когда свела и мы стали разговаривать на «ты», всё равно робость не проходила. Чувствовалось, что мы из разных туннелей и это непреодолимо. Говорят, за бутылкой все равны, и они непрерывно пьют, но мне это не помогает. Мы ели мороженое у Пролётки, они толклись одною стайкой, а я опять как бы отдельно. Смотрящая сквозь меня потусторонняя Лана молчала, но я знала: из-за неё я здесь. Почему все, кто с ней общаются, считают себя осчастливленными, хотя она обычная, задёрганная, в старом пальто. Их обожание делает из неё жрицу? Никакая она не жрица, и держать её за руку или за ногу не хочу. Я всё жду: наступит момент какого-то нечаянного разговора, и я что-то пойму в жизни, но этот момент не приходит.

Заходили к некрасивой девушке (анекдот: Надя-женщина). Она так поспешно открыла нам, будто чем-то обязана, мне даже неловко было за неё. В общем, понятно: у Нади никого больше нет, и это её единственные друзья. Надя была не одна – на столе батарея бутылок. Возникла жуткая неловкость. В такой ситуации разворачиваются и уходят, причём, быстро, а эта компания, наоборот, ведет

себя как дома, рассаживается в одежде, разливает вино. Лана смешная такая, пыталась втихую подставлять нам с Римкой сухое, а сама брала наше жутчайшее красное. Вот что это такое? Это зачем?

Потом пришла ещё одна знакомая Нади, которую нежно называли Соплявчиком. Она очень-очень рафинированная. Под шумок объяснила мне много чего про Фолкнера, чем он ценен для человечества. Да хотя бы тем, что пытается проникнуть глубоко во внутренний мир человека и не боится ничего грязного (человек любит корову, физически), и видит за ним то, что сразу не видно. И он рассказывает обо всём об этом, не щадя себя. Фолкнер верит, что при любых кошмарах человек будет чистым, пройдет через грязь, не опустится. Соплявчик вдохновенно говорила, покачивая стаканом на своем колене. И вроде бы ничего особенного она не сказала – это можно сказать о многих писателях, но после её слов мнение о Фолкнере у меня изменилось. Ну да, там накручено сложностей, но их интересно распутать. И тут я подумала: «Ведь Анчаров тоже говорит о том, что хватит превозносить технический прогресс, что главное – человек, в нём всё самое интересное, и в нём обещание будущего». То есть говорящий о человеке и о человеческом – не один только Фолкнер. Но говорить про Анчарова теперь боюсь – заклюют. Они считают его примитивом. С человеческой стороны мне Фолкнер стал понятнее. Конечно, многое сейчас кажется чужим для меня, но ведь нужны усилия, чтобы понять новое. Всё-таки люди, читающие зарубежную литературу, это люди совсем другой породы. До встречи с ними я читала только русских писателей, и такое ощущение, что много лет ходила мимо шкафа с сокровищами. Значит, меня жизнь нарочно бросила к ним, к этой компании и их идолам, чтобы я не прошла мимо и пали на меня крупницы их знания. Понятно, что я мелкая для них. Их благожелательные взгляды – это подарок мне, но я люблю на равных, на равных...

Между самолётами

Носит меня неизвестно где, а дела всё растут, всё затопляют, скоро будет нечем дышать. Вечно меня заносит на поворотах, мало того, что в Одессе замёрзла как волчонок, кости гремели. Вышла ещё и нервотрёпка из-за билета. Самолет же вместо тринадцати прибыл в семнадцать – вот где была бессильная злоба. И голодала, и зубами стучала, и спала, и вообще была в каком-то другом измерении.

Попав в заключение стылого зала ожидания, я вид приобрела устрашающий. Бессонная ночь, потом безразмерное ожидание, лицо зелёное, мырвовидное, опухшее, да ещё злая до ужаса. А тут откуда ни возьмись скрипящий джинсовый костюмчик робко спросил, не хочу ли я ему помочь – в чём? – помочь цирк поискать. Я ответила, что нездешняя и могу поискать только небо с овчинку, а через час было уже свидание у ювелирного, и мы сидели в баре.

Чёрный кофе с коньяком, солёные орешки, креветки всякие. Пыталась казаться светской, легкомысленной, но хотелось просто борща. Вот интересно, если бы я вслух это сказала, меня бы сразу выгнали или подождали бы? Я уже возненавидела эти орешки. К нам присоединилась пара, скабрзный мужичок, лет за сорок, весь в замше, тонкая блондинка. Я поняла, что сейчас начнётся другой бар. Про деньги никто не вспоминал. Блондинка оказалась танцовщицей из Русского театра. Потом все вместе пошли к этому джинсовому Борису, провожать бабушку. Было понятно, что провожать бабушку и слушать музыку – это одно и то же. Было понятно, что это спортсмен и ловелас, убивающий время, да и все они – убивающие время. Бабушки не оказалось, как и следовало ожидать, оказался коньяк с чёрным кофе. Они рассказывали дико смешные вещи про Одессу. Я робко намекала, что мне бы надо поехать в аэропорт, но они меня успокаивали, что все вместе меня проводят. Судя по всему, я не должна была оказаться в аэропорту, но я там оказалась.

Примчавшись на такси в глубочайшей ночи в аэропорт, я уже не надеялась найти там какой-нибудь подходящий рейс, сунула деньги в кассу, мне сказали: «Нет ни одного рейса. – А тот, который откладывали? – Он задерживается до двадцати трёх часов. – Ну, дайте его». Окошко захлопнули.

Тогда джинсовый меня оттеснил от окошка, протянул мой старый билет и что-то сказал кассирше одними губами. Кассирша на него смотрела, расширив глаза. Я видела, что он под мой старый билет подсунул деньги. Билет я получила моментально. Все, кто попал на рейс, уже проскочили пропускной пункт, а меня всё целовали, тискали и говорили, что приедут ко мне в гости. Я чудом вскочила на автобус, везущий к самолету, и через какие-то минуты уже самолет приземлялся, видимо, я спала всю дорогу. Это весёлое приключение могло кончиться плачевно, как бы сказала обожаемая бабка, «снять штаны та выпороть».

Защита, но от чего

Защитила диплом на пять. Никто на это не рассчитывал, ни я, ни Рука. Рыжебородый, который иначе не мог, только на пять, сказал – «смотри-ка, дитя показывает знание первоисточника», как будто я полное УО. Улька тоже на пять. Вообще все как-то собрались и подтянулись. Хорошо, что в чемодане оказался лёгкий красный пиджак от финского костюма, красный в дрипочку. Вечно выступаю, что родители купили не то, а в чем бы я пошла на защиту? Их правота подтверждается тихо и незаметно. Сидишь, открыв рот...

День был жаркий. Выползли на площадку перед альма матер, бледные, как тараканы-альбиносы. Измотанный народ вяло разбивался на группки, чтобы праздновать. Но я пошла спать. Я хотела спрятаться от всего. Всегда психую и не ем до экзамена, а как выйду – слона могу съесть. Но сестра сварила картошку в мундире, и это было счастье. Какие могут быть кабаки? У меня есть сестра.

Не могу думать, что будет дальше. Защита диплома – это ещё не защита от будущих испытаний. Всё только начинается. Если я поеду в глухую Ростовскую область, меня там «куры загребут», как говорит бабка. Если не поеду – посадят... Получается, старалась, чтобы отбыть наказание. Звонил отец, я успокоила, сказала про защиту, ему теперь не стыдно за меня... что дату приезда сообщу после того, как билет возьму.

***

Письма на юг.

Дорогая Валентина, прости за оплошность, в записной книжке неверно записала твой адрес, письму пришлось погулять. Ещё раз огромное спасибо за Фолкнера и за хлопоты по этому поводу, ты знаешь, мне это дорого. У нас новостей немного, Римка собралась было рожать, но, слава Богу, передумала. Марк вроде здоров, весел, тьфу, чтоб не сглазить. У него силёнок прибывает, отчего моей радости прибывает. Я адрес исправила, так что теперь буду писать чаще. Сыночек занимает всё время, остальное время беззастенчиво крадут друзья и знакомые, но я буду сопротивляться. Всё же, как жаль, что письмо вернулось, я уже так ждала ответа. Целую, мой маленький друг.

Валентинка, отдельное спасибо за Фолкнера и за поздравле-

ния (это уже от нас с Марком). Как ни медленно, но мне удаётся заниматься, и я рада, что материал сейчас всегда под рукой. Будь добра, сделай всё возможное, чтобы вообще не возвращать его. Иначе я приду в отчаянье. В городской библиотеке это было бы проще, но, если у тебя возникнут проблемы, то ты мне сообщи.

Как ты живёшь, дорогая? Нам, к сожалению, так и не удалось с тобой поговорить подробно. Был один разговор в дождь, когда мы бродили по улице без ключа, и это длинный беспорядочный разговор, в котором был обоюдный интерес. А мне так хотелось спросить тебя про твои отношения с окружающими. Помнится, ты мне позволяла быть откровенной, так разреши и сейчас это сделать. Ты человек трудный, и не всегда лишь вина окружающих в несложившейся дружбе и любви. Охотно верю, что часто отношения подлинные просты и ясны в самом главном, даже если они и запутанные. А тебе самой не хватает простоты и ясности и во взглядах и в поступках. И ещё иногда не хватает великодушия. Постарайся понять одну штуку: жить тяжело всем, особенно тем, кто сознательно или бессознательно отказался от жизни растительной, горизонтальной, отказался от удовольствий, «задумался». Неужели ты считаешь, что пришла в этот мир ещё больше всё запутать и затруднить? Если нет, то в чём основной смысл взаимоотношений с людьми? Что лежит в основе твоего стремления к сближению? Эгоизм или желание по мере возможности облегчить их жизнь? Но то, что тяжело всем — это так, это не зависит, заметно ли это постороннему взгляду. Скажи, чем ты измеряешь ценность человека? Что бы хотела видеть в человеке близком? Видишь, сколько вопросов всплывает. И чтобы их поставить и чтобы на них ответить, нужно немало времени.

Мы живем по-разному и смотрим на всё по-разному. А это тоже отдельный серьёзный разговор, но мы должны найти время и для него. Надеюсь на это. Очень признательна тебе, моя дорогая девочка, за поздравление. Вообще за всё. Всё помню. Душа моя, я так и не поняла, зачем ты опять положила денежку. Напиши. Ещё раз целую. Лана.

Дикарева прочитала письма в великом волнении, буквы качались и расплывались перед глазами. Эти письма пришли от человека, ради которого она на всё была готова.

Боже мой, Валя ей ещё какую-то денежку подсовывала! У самой-то тогда ничего ещё не было, сама только начинала храбро жить на копеечную зарплату молодого специалиста. Но у Ланы вообще не было зарплаты, зато был крохотный сын, бедность, далеко идущие планы. Конечно, сердце разрывалось помочь, пожалеть. Так её и жалеть было трудно, она была очень гордая, Лана, и показывала свой гордый нрав на каждом шагу. Умирая с голоду, возвращала поданные ей смятые десятки.

И, спрашивается, откуда малявка Валя могла взять Фолкнера, чтобы Лана могла спокойно написать свою статью? Да пошла и украла его в библиотеке, то есть взяла, а потом покорно заплатила за утрату в пятикратном размере.

Когда Лана впервые говорила про Фолкнера, у Вали глаза со стуком падали на пол. Первую половину речи пропустила, потому что разглядывала публику, потом докладчицу. Азиатские узкие глаза на худощавом подвижном лице, впалые щеки, небрежно скотые на шее пышно завитые волосы, полосатое трикотажное платье чулком, такое хлёткое на аскетичной фигуре женщины. Чеканная речь, быстро бьющая, как расстрел. Валя потом так стала пиваться в этого Фолкнера, что едва не завалила диплом.

Как её ругал руководитель диплома, декан факультета, в просторечии Рука! А глупая дипломница, едва проснувшись от крика разносчицы молока, которая гремела железными флягами по двору, вставала не сразу. Поднявшись и набросив плащ, Валя покупала у неё литр молока в кастрюльку и полбуханки черного. И читала. И очкастенькая однокурсница Уля, с которой они были вместе на практике, смущенно бормотала: «Чет ты вообще». Нет, не хотелось никому усложнять жизнь, но получалось именно так. Она ссорилась со всем белым светом: всё везде было не так, как нужно ей.

Что она тогда ценила в человеке? Да то же, что ценил Анчаров. Ведь каждый человек ценится по тому, что он может отдать другим добровольно. Вот она и стремилась отдавать... Сознательно или нет, но ей хотелось походить на героев Анчарова. Они нравились ей так сильно. Но Анчарова в среде Ланы нельзя было упоминать, смеялись. Они увлекались зарубежной литературой. Фолкнер и всё такое.

Что хотела видеть в близком? Всё, что угодно. Кроме правды. Никто не мог понять, почему же Лана, такая классная, не захотела жить с любимым человеком, от которого родила сына...

Сказано было найти Фолкнера, так она записалась в городскую библиотеку. Преступление усугублялось тем, что под рукой оказался трехтомник, и пропажу обнаружили быстро. В следующий же визит, когда вороватая читательница пробралась к знакомой полке, она увидела перед Фолкнером красную картонку, а пожилая женщина на абонементе, выдававшая ей в прошлый раз книги, постучала ручкой по формуляру. «У вас срок давно прошёл, а вы за новыми книгами пришли. Что будем делать? У нас пятикратная стоимость, вы в курсе?» Валя была в курсе и пробормотала: «Да, конечно». Это было лёгкое наказание, потому что в намерениях было стащить ещё один том. Эта некрасивая история могла бы и не случиться с ней, если бы книгу Фолкнера можно было купить в магазине. Но его книги нельзя было купить нигде.

Лана писала статью о творчестве Фолкнера для какого-то журнала, из дому она выйти не могла по многим причинам. Чтобы Лане не мотаться по городу в поисках нужной книги, Валя, не задумываясь, изъяла Фолкнера из библиотечного фонда.

Разбиться в лепешку для кого-то – это было для неё привычное дело. К ней и в общежитии институтском обращались с самыми дикими просьбами: например, найти бабу, умеющую делать заговор, сходить с подружкой на аборт, отдать или переписать ценные лекции, съездить на другой конец города, чтобы продать новое пальто или сумку. Валя отдавала последние деньги, отхаживала подруг после вечеринок, подсакивала на толкучку, чтобы что-то продать, чаще всего не своё. После часа ночи шла на кухню пить чай, чтобы кто-то мог порыдать у неё на груди, и не всегда это были девочки. Свою роль жилетки для плача она исполняла всегда честно, только вот у неё самой такой жилетки не было. Лана при первом столкновении повела себя иначе, и она первая не стала подходить к их дружбе утилитарно. Ведь что покоряло? Взрослая женщина смотрела на неё как на равную. Сумбурный разговор под дождем – это был взрыв доверия к ней, малявке. Теперь Дикарева готова была всю жизнь отрабатывать это доверие.

Она прижала письма к груди и стала ждать момента засесть за ответ. Чтобы в комнате никого не было, чтобы она не спешила и могла всем умом и сердцем унести за тысячи километров в родной город, где осталась Лана.

Жизнь в южном городке могла показаться благополучной,

даже веселой, но не с точки зрения Ланы. Здесь много было шансов налететь на новую дружбу и даже любовь, всегда быть сытой, пьяной и чтобы нос в табаке, но это как раз было жизнью материальной, а не духовной. Походы на пляж с пивом и чебуреками, вылазки на природу с песнями под гитару заканчивались к полуночи, а утром на работу на четырех ногах. Выспаться времени не хватало, не то что подумать о высоком. И тут Валя не знала, что ответить. Был, конечно, шанс «вырасти» через общение с Долгановым, но пока это не получалось...

А что ещё Вале Дикаревой хотелось бы видеть в близком человеке? Да то же самое, что всегда было в ней самой: готовность ринуться по первому зову, и чтобы искренность спасала всё. Как она прочитала у Василия Фёдорова:

«...Оставь меня на крайний случай, На самый крайний, неминуемый, На край, на гибельный конец, И голос твой, как твой гонец, Проникнет в бедные пределы Мои, и воздух поределый Позволит мне дойти, домчать, и вызволять, и выручать...»

4. Беседы за стаканчиком сока

Как всякое производство тикало по своим законам, так и столовая, отдельно взятый мирок, жила по своим законам. Заводская столовая, так. Внизу толпились очереди, люди ели за столиками стоя. Вверху, на втором этаже, работал отдельный банкетный зал для особых гостей, накрытый Розой как при готовности номер два, с официантками в бикини. Это называлось «экспортное исполнение». На первом этаже был шум и грохот подносов, резкие крики: «Второе несите уже к первой раздаче» и «Щас какао сбежит». На втором этаже, наоборот, как в парикмахерском салоне, было почти тихо, не считая стука шпилек, легкой музыки из репродуктора и мелодичного звона приборов. Да, это было несправедливо. Но – производственная необходимость.

Сначала вошедший попадал на первый этаж! Там, у окошка, почти неслышно, как засланные агенты, обедали и беседовали две женщины: казачка в красном топе на пышных телесах и другая в чёрном рабочем халатике, впрочем, не из сатина, а из дедерона.

Женщина в красном топе выглядела вполне довольной, а её подруга заметно расстроенной. Расспрашивала больше первая, вторая только отнекивалась.

– Ну, как там у тебя дела? Получилось с квартирой или нет? До Кириковой «Волги» добралась?

– Ну да, – отвечала та, что в чёрном. – Поточная линия ещё работает, только результатов пока что нет. А у тебя?

– Вроде получилось, документы на двухкомнатную готовят. Но с третьего раза!

– Раньше туда добирались единицы, а теперь очередь стоит. Конкуренция началась... Твой-то молчит?

– Молчит! – отвечала в красном. – А что ему остаётся? Ничего не может пробить.

– Хорошо, хоть не бунтует. Теперь скажи, как тебе?.. Ну, вообще?..

– Нет, не понравилось. Еле стерпела. А тебе?

– А мне... – задумалась худая в чёрном. – Мне жалко, что прожить больше нечего.

– Нашла о чём! Снова иди на проходную! Он и не помнит нас, дурочек. Попробуй.

– Как ты рассуждаешь: «Иди, иди...» Сам-то не глянет. Мы для него ничто. Завидую этой белобрысой из планового.

– Нашла кому! Замятиной! Да эта мышь белая два года мается без квартиры и всё не знает, как в очередь попасть, да на Кирикову «Волгу» сесть! А мы-то догадливые.

– Ты следи за мной, что говорю, – настаивала та, что в чёрном.
– Она не ложится, а он смотрит на неё, смотрит!

– Так чего ты ревешь-то? Ты что, жена?

– Того! Что она не мы. Ты хоть понимаешь?

Женщина в красном вздохнула и простодушно ложку облизала.

– Понимаю. Не реви, дурёха. Всё понимаю...

Женщина в чёрном не унималась:

– Толстуха сколько отсидела в ПДО? Двадцать лет. А он чик – приказик. Ту долой, а белобрысую ставит. Потому что порода другая. Я ложусь, он не смотрит. Она не ложится, а он смотрит... Вот мука на мою голову.

– Ну, ты нашла тоже! – та, в красном, погладила по плечу подружку. – У него два года летного училища и десять лет кабаков. Разуй глаза!.. Знала бы – не стала б тебе говорить и про «Волгу».

Женщина в чёрном положила ложку, салфеткой промокнула глаза:

– А я и так бы узнала. Весь завод знает, кому, когда и за что дали квартиры. Последний дом – «лежачий корпус». Дожили.

– Ну, не надо! – возмутилась казачка в красном. – А ветераны?

– Значит, за них ложился кто-то другой... Ты всё уже? Пошли быстрее отсюда. Сюда белобрысая идёт.

Действительно, две подружки ретировалась, это же был конвейер. Народ сновал туда-сюда с полными подносами еды. Кассирша, грохотнув кассой, смолкала на минуту, потом снова бормотала бесконечное меню: беф-строганов, два салата, свёкла с орехами и крабовый, два сока, два хлеба.... Две окрошки, бифштекс с яйцом – два, капуста с ягодой – два... Можно надеть шапку-невидимку и подслушать не только то, что для всех, но и то, что не для всех, о чём могли знать только близкие.

Обедать тем временем пришли Зина Замятина и бухгалтерша Зара, та, которая жена главного инженера Команиди, в носочках и тюбетейке ходившая по конторе. Конечно, это была не просто мужская тюбетейка, а особая женская шапочка с филигранной на-

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

кладкой, серебряным шитьем и галуном. У неё платье было синее, тонкое шёлковое, с таким же шитьем, очень красивое, но среди топиков и джинсов смотревшееся чересчур экзотично, как маскарадный костюм.

Замятина надолго устала в тарелки:

– Зара Самвеловна, есть вообще не могу. Не лезет кусок в горло. Мне кажется, здесь все смотрят на меня, все думают про меня... Вот, мол, Зяблик не зря её повесил... Эти люди из меня последние силы качают, не могу. Уйдём.

– Успокойся ты, Зина. Ты слишком впечатлительная, никто про тебя ничего не думает, все спокойно печёночники со сметаной едят. И ты покушай, вот я тебе сок взяла, салат.

– Но как я отдел приму после Ираиды Самсоновны? Она столько лет... У меня ни опыта, ни авторитета...

Зара освободила подносы и поставила их вниз, на подсобную полочку.

– Мы с ней подруги, ты знаешь. Но в последнее время у неё с директором тяжёлые отношения. Это мешает работать. Я говорила ей: уйди сама, не жди, пока попросят. Но у неё же гордость. Шла бы тихо на пенсию... Ты же знаешь, ей весною срок был.

– Зарочка Самвеловна, дело не в том, что ей на пенсию. Дело в том, что я очередной липовый отчёт напишу. А Ираида Самсоновна ещё неизвестно, согласилась бы или нет. Хотя я и так знаю: нет.

– Ничего и тут страшного нет. Не разрешил Зяблик показывать в отчёте итальянские машины – не покажем, пусть все в незавершённом производстве сидят, в запасах.

– Какая себестоимость жуткая получится! Догадаться они.

Зара с аппетитом ела печёночники, тут их делали очень хорошо, в сметане... Сметана густая, ложка стоит...

– Так у нас опытная машина, чего бояться? С опытными машинами всё, что угодно может быть, хоть полный убыток... Ешь, пожалуйста.

– Не могу себя в руки взять. Прямо трясёт меня в такую жару.

– Обратись к Сулико. Она хорошо снимает невроты, боли, массаж знает лечебный. Хочешь, я скажу ей?

Зина передёрнула плечами, но всё же начала есть.

– Боюсь Сулико. Она мистическая. Она меня загипнотизирует, и я скажу что-нибудь не то!

– Что ты всего боишься? – удивилась Зара. – Вот уж правда, невроз. Пусть боятся те, у кого совесть нечиста. А ты ничем не поступилась. Ешь, хорошая девочка.

Зина посмотрела в тарелку внимательнее.

– Да, печёночники хороши... Ну как же: он меня в начальники, а я спрячу «итальянки». А они потом с Марка Антоныча спросят – почему такая незавершёнка? Он ведь не просто инженер, но ещё и зам по производству.

– Не волнуйся ты за Марка, он-то выкрутится. Угорь такой. Наоборот, им докажет, что не правы. Кроме того, под «итальянки», хоть они и убыточны, нам валят кооперацию, комплектацию... Резины ни у кого в главке нет, а у нас её целый склад... А Ираида привыкла напролом. Тылы есть. У неё муж – начальник литейки, старый казак, это ж свой завод в заводе. Даже Зяблик не суётся туда.

Зина уж подкрепилась, немножко отошла от хандры и даже стала спорить.

– Зяблик сунется куда угодно. Зара Самвеловна, а как вы с ним работаете? Ну.. Он любит сильно кричать, под газом ходить и вообще...

– Ой, под газом. Большое дело. Я с ним не разговариваю. Бумаги – под нос и молчу. А Ираидка с ним всегда спорит.

– Если она захочет... – Зина помолчала, а потом решительно все тарелки сложила на поднос. – То она может эту комиссию, где хочешь, найти. В той же гостинице. На той же базе.

– Да нет, не думаю.

– А я думаю! Господи! О чём я думаю. Даже стыдно. Но рано или поздно всё выплывет. Анонимку настрочат в обком, и тогда...

– Ещё одна комиссия! Подумаешь, незадача. Знаю я, как он обращается с комиссиями. Особенно если они женского рода. Да у него везде свои люди. В общем, ты молодец, славно поклевала. Отчёт мы с тобой напишем в лучшем виде. Идёшь к Сулико? Я отведу...

И они пошли, такие невозможные рядом, но взяв друг друга под руку – высокая стильная Зиночка и полная экзотичная Зара.

– Интересно, Марк Антоныч всё-таки будет покрывать директора или... – Зиночка оглянулась вокруг, будто бы главный инженер мог её слышать.

– Не волнуйся ты, этого даже я не знаю, это совершенно за-

крытая для меня книга. Что он думает и что он делает – это тьма. А тебе зачем?

– Ну, чтобы знать, кто друг, кто враг.

– Э-э-э, милая, тут одно можно сказать: Марк не враг самому себе. Ему ничего не стоило сдать Зяблика любой комиссии, тузам в обкоме и кому угодно. Он его не переваривает. Но, как воспитанный человек, никогда этого не показывает. И раз он до сих пор этого не сделал – значит, не сделает.

– Зарочка, а вот ходили слухи, что он хочет отсюда уехать... Ты же в курсе, наверное? Сейчас удобный момент: бросить всё и начать новую жизнь. Здесь всё рушится.

Зара удивлённо воззрилась на Зину:

– Э-э, милая, если он надумает такое, я узнаю об этом за час, не раньше. А сама бы я отсюда ехать не хотела. Усадьба хорошая, большой сад, цветник. Он ещё бассейн сделал. Для нынешней жары это рай просто...

– Ну, хорошо... Сменим тему. Вам не кажется странным, что наша новая девочка так сдружилась с главным конструктором? Всё-таки женатый человек. Смотрите, каждый день в столовую вместе ходят... Он такой нелюдим – и вдруг...

Тут Зара вздохнула.

– У нас мнение общественное ужасное, а девочка Валя не знает этого мнения и ведёт себя непредвзято. Кстати, этот нелюдим принёс моей дочке отличный учебник английского с пластинкой. До этого по нему занималась дочка Андриана Ильича, Лора.

– Да? А что он такое Вале показывал? Большую книгу? Порнографию?

– Они смотрели что-то старинное. А что? Плохому не научит. Он увлекается живописью. Кстати, Зина. Я давно тебе хотела сказать: Андриан Ильич хотя и странный человек, но в нём что-то есть. И его нормы несравнимы с нашими.

Зина слушала рассеянно, думала о своём.

– В каком смысле?

– Для меня, как для матери, это важно. Он на всех больничных сам сидел с дочерью. Не жена! А когда эту дочь из роддома привезли – он её в ванной купал под Генделя. Общеизвестный факт. Я понятия о нём не имею, но думаю, от такого купания ребёнку хуже не стало. Можешь себе представить, что это за ребёнок. Косы, ан-

глейский, фортепиано... Идём же... Ты меня совсем не слушаешь...

Долганов и Валя Дикарева стояли за столиком почти на проходе. Она сбегала до кассы не один раз, и почему-то они стояли в очереди не вместе. Долганов листал толстую книгу, всё лицо собрав в кучку, вперившись глазами и войдя туда весь целиком.

Валя его пыталась тормошить, окликала, переспрашивала:

– Андриан Ильич, я взяла вам то же, что и себе. Да? Или неправильно?

– Да.

– Я себе гарнир не беру, а вам беру. Вместо чая сок.

– Да.

– Деньги в кассу плачу.

– Да. Отдам сейчас.

Валя хмыкала, фыркала, потом засмеялась.

– Может, мне и обед за вас съесть?

– Да-да...

Валя составила подносы на стол, потом убрала их. Потом потянула шею, загляну в книгу.

– Ничего себе. А почему Возрождение? Далось оно вам, последние деньги на него изводить. Только получили за переводы – и вот.

– Это моя любимая эпоха. Рывок к человеку и расцвет культуры. Это, конечно, связано с христианством. Посмотри: половина сюжетов оттуда.

– Ну-у-у, – протянула девица в газетке. – Это что, искусство делали только верующие и только для верующих? И потом, чтоб это просечь, надо и христианство знать.

Долганов сразу сел на своего конька и тут же стал задумчиво есть.

– Но большинство тем в музыке и живописи евангельские. А ты понятия об этом не имеешь. Это всё связано. Как ты можешь просечь, как ты выражаешься?

– Да я бы почитала, только боюсь, не пойму церковнославянски.

– А я принесу тебе простое евангелие, легкочитаемое.

Валя подняла бровь и вилку вверх, заостря вопрос.

– И письма Гюгена вы обещали, и воспоминания сестры Цветаевой...

– Хорошо, хорошо. Понимаешь, мне кажется, должно и у нас какое-то возрождение наступить. Сейчас я не про живопись гово-

рю. Скорее это этическая сфера. Например, силен у нас культ лжи – но он падет. Правда станет сильнее. То есть экономические причины заставляют человека всё искажать... Однако рано или поздно захочется знать истинное положение вещей и всё, конец обману. Когда невыгодно будет лгать, обман же исчезнет. Он пройдет, как вековая одурь.

Валя даже есть перестала.

– Кому это надо! Чтобы он прошёл! Лишь бы прожить как-нибудь... Я когда-то проходила социалистов-утопистов... Им тоже всё хотелось улучшить картину.

– Валюша, душа моя, это потому что твоя – личная – душа не требует... Доходит ведь скорее до тех, у кого потребность. Но, чтобы душа начала расцветать, надо начинать с раннего детства. Искусство лечит не всех, только тех, кому делали прививки искусства. Иные же заранее оглохли. Может, с тобой я уже опоздал.

– Потому что не купали меня под Генделя? Я бы не против. А с Лорой как, получилось?

Долганов неизвестно когда всё быстро съел, отсчитал деньги за обед и положил перед собеседницей в стопочку.

– Не думаю. У жены на воспитание кардинально другая точка зрения... То есть без любви – ни в чём смысла нет. Даже в Генделе. Но с Лорой возможна передозировка. Боюсь, у Лоры буржуазный комплекс.

– Что ещё такое?

Долганов улыбнулся.

– Сразу видно, что ты не подвержена. Ну, это привычка жить в хороших условиях. Неумение жить в плохих. Мы, например, бедно живём, но дочек старались обеспечить, окружить облаком, что ли... Что её, такую, ждёт? После института приедет в какую-нибудь дыру, как ты, например, а там любой прохвост... Там ей на пальцах объяснят, что выгодно, что не выгодно. И как надо уметь вовремя юбочку приподнять...

Валюша вздрогнула – он знает?

– ...И поскольку она зависит от привычки жить хорошо, для неё этика будет не так важна. Я этого и боюсь... Кстати, на лимане, где мы с Лорой гуляли, я видел тебя в довольно пьяной компании...

Валя совсем смутилась.

– Да ну, мы пили только пиво... И если такая ужасная компания, зачем подходили?

– Знакомое уловил: «Не удержали вас, спутники чудной поры...» Слова, пленившие меня ещё в юности.

– Это же Санька Оврагин, от него не уйдёшь. Но в принципе, ему всё равно, что петь. Цветаеву я сама люблю... А когда вы подошли, я поняла, что он вас знает и вы ого-го.

– Что это значит ого-го?! Что за выражения? Не обо мне речь. А ты по коридору расстёгнутая бегаешь!

– Оврагин говорит о вас с уважением. Мне было жутко приятно и даже почетно, что такой человек, как вы, не отказывается ходить в столовку со мной, Андриан Ильич. По коридору – тут Оврагин ни при чём. Жарко было. И потом, Марк Антоныч, он не любит просто диктовать сводку. Он требует, чтобы поболтала, пивка попила, посидела...

– Тише ты. У него на коленях?

– Сами тише. Что вы меня гоняете! Я взрослый человек! Мне можно всё.

– Разумеется.

Он сказал это холодным голосом, практически без выражения. Но было понятно, что он оскорблён и сейчас встанет и уйдет. И в гневе даже не станет платить за обед. Ах нет, положил.

Валя водила вилкой по тарелке и вдруг подняла глаза на собеседника. Ещё одно было видно: он не в себе!

– Да что с вами? Что вы сразу побледнели? Не сердитесь. Я не переживу, если вы сейчас уйдете. Не молчите! Как думаете: пронесёт с комиссией?

Долганов долго молчал, как будто не желая смириться со смелой темой:

– Как обычно. Но лучше бы я тебя на лимане не видел. Я пошёл, мне ещё в молочный нужно.

– Ну, не уходите так! Сразу ему в молочный... Ну, что такое: сандалеты для Лоры вы ищите, за продуктами вы бегаете! Жена у вас на что?

– Не твоего ума дело. Ах, да. Вот деньги, которые обещал – отдали за переводы. Ты можешь поболтать с приятелями-сборщиками и продолжить... «нищие неги и нищие ваши пиры». А мне некогда. Будь здорова!

Долганов, худощавый, гордый, в белом полотняном костюме, чопорный и непонятно почему взбеленившийся Дон-Кихот, резко повернулся и ушёл.

Валя, девушка, завёрнутая в газетку, тупо смотрела на небрунные тарелки и две стопочки денег, которые он выстроил перед ней. И почему-то в данный момент ей уже расхотелось покупать серьги листочками. То ли ей хотелось, чтобы он подарил ей эти деньги, то ли просто хотелось вместе вернуться в контору, а не сидеть под издевательскими взглядами. Бегала-бегала, хвост подносила, а он – швырь копейки – и ушёл. А вообще-то он взбеленился по простой причине: он ревнует, наверно. Но, поскольку говорить об этом вслух нельзя, а врать трудно, то вот он сам себя и поймал. Бывший небритый ковбой в полотняном костюмчике. Это же так классно, классно, ребята...

Её затаенные девичьи думы прервал Саня Оврагин. Он нёс в руках сетку с арбузом.

– Приветик с того светика. Черным людям к белым людям – можно?

Она шмыгнула носом.

– Саня, привет.

– На улице жара, а у тебя на мордашке дождь.

– Ты вечно всё видишь, чего не надо.

– Я не только много чего вижу, но ещё и жалею сильно. На, ешь арбуз. Поможет от любовных уз.

Она даже возмутилась:

– С чего ты взял?

Он хохотнул коротко.

– С чего взял, там уже нет. Поедешь новую моторку обкатывать? Я канистру вина заготовил.

– Конечно, – несмотря на то, что только что поела, жадно впилась в арбузный ломоть. – А как там обход комиссии прошёл? Или ещё идет? Ты непонятно как оказался в столовой, у тебя обед раньше.

– Стрёмно, конечно. Представь! Зяблик велел с печек чифир убрать, контролершам ОТК – подмыться. С цеха культуры приехали – весь пролёт вымыли порошком. Пьяных спрятали.

Валя захихикала:

– А директор? Его как спрячешь?

– Тише ты орать. Ему всё можно. Он подошёл к мастеру нашему, поговорил, сколько не хватает узлов для плана, а у того перевыполнение. Баба из комиссии всё спрашивала про зарплату, а парни мои знают, что говорить.

Валя испугалась.

– И про сплошняк сказали?

– Вот дурочка. Это мы Зяблику скажем один на один.

Валя слушала увлечённо, арбуз ела тоже увлечённо.

– А как вообще?

– Ржач один. Краны – оба работали. Первый раз за всю историю завода. Кары мотались, как вшивые по бане... Дезодорантами несло, как из парикмахерской. Или из дома терпимости. Это на сборке-то!

– Санька!..

– Теперь без шуток. Слона никто и не заметил. Твоя начальница к комиссии тоже подходила. Наша пышка мопассановская.

– Чего?!

– Да. Сначала подвела к ним экономистку нашу, Хичкалову, которой квартиру дали в «лежачем корпусе». Та рассказывала, как экономические службы работают. Потом двух баб и мужика повела экран соцсоревнования смотреть... Долго их не было...

– Ой, Сань! Опасно, опасно... Плакала наша премия.

Саня пощёлкал по арбузной корке, потом убрал початый арбуз обратно в пакет, в сетку и сказал:

– Бери покруче... Ой-ёй-ёй, ой-ёй-ёй, умирает Зяблик мой... А ты бери с собой остальную арбуз, отдашь девчонкам в отделе. Никогда мне тут с тобой базикать.

В заводском репродукторе дерзко играла музыка «Роллинг стоунз», хотя до конца смены ещё было далеко. Сатисфакшен? Это что же, каждому своё? Удовлетворение, но где оно? Всё как-то наперекосяк.

Это был первый этаж столовой. Второй жил по иным законам. Если на первом этаже рабочий народ сам себе приносил подносы, то на втором никаких касс не было, а подносы приносили официантки в бикини. И, несмотря на свою модельную внешность, десятисантиметровые шпильки и кружевные передники, которые дико смотрелись на фоне купальников, девушки официально числились в штате столовой как повара и подсобные рабочие кухни. Уж Роза их вышколила, как полагается: они не шаркали подошвами, держали спинку, перемещались очень быстро и плавно, как танцовщицы из ансамбля «Берёзка», и никогда, ни при каких условиях не подавали голос. Безмолвные куколки ставили подносы и тут же таяли в воз-

духе. Соответственно, комиссия, которую кормили обедом, только успевала расширить глаза. «Кто это? Откуда такие? Вот это да...»

Если какой-то член комиссии только открывал рот и тянулся рукой к хрустальному кувшину, где кончился сок, в ту же минуту пустой кувшин исчезал и на его месте появлялся наполненный. Блюд было много, еда была обильной, та же красная рыба подавалась в трех видах, жаркое и печень приправлялись пятью соусами и на отдельных блюдах высились виноград, яблоки, абрикосы. Вскоре взгляды у членов комиссии затуманивались, рты разъезжались в глупых улыбках, ложечки стучали по розеткам с мороженым уже нехотя. После обеда комиссия отдыхала, затем её везли на взморье. Перед тем, как проверять бухгалтерские документы, все должны были отдохнуть. О, эти проверки в тихом курортном городе в разгар сезона. На другой день вялую комиссию кормили обильным завтраком и показывали сборочный цех. Лениво полистав папки в плановом отделе, комиссия загружалась в автобус и ехала в лагерь на взморье. Спецы из главка «сосредотачивались на проверке» в отдельном коттедже, а в это время плановики и бухгалтера шустро строчили для них отчёт.

***

Но каким только путем не приходит к человеку музыка! Тогда, в памятных долгановских гостях, где слушали они только классическую музыку. Она не осмелилась спросить про другую, легкую музыку. Ей показалось: он её тут же засмеёт, презирает... Но однажды в столовой она осмелилась и спросила:

– И вот у вас всегда дома играет Бах и Гендель, а простое вы не слушаете?

– Это что же такое простое? Эстрада? – поднял брови Долганов.

– Ну... легкая музыка, – пролепетала потерянная Валя.

– Эстрада для меня не существует. Это суррогат.

– А что такое суррогат?

– Заменитель. Заменитель настоящего. Похож с виду, а на самом деле фальшивка. Дешёвый кофе, например. И банка жестяная, и цвет вроде, и запах, а как заварить, помой. Молоко порошковое.

– Ну, ясно.

– У меня на работе есть пара песен. Когда в отделе никого не будет, можно послушать.

– И кто это?

– Жан Татлян.

– Не знаю. Даже не слышала никогда. Имя незнакомое.

– Да уж. По радио его транслировать не станут.

Транслировать! Да сказал бы просто – не крутят. Но почему?

Все это так непонятно.

И что они сделали с Лерой, девочкой из общаги. Пришли к Долганову после работы, а он отвёл их в маленькую комнату без окон – в чайхану. Где весь отдел так или иначе пил чай. А когда надо – пили другое...

И он тоже поставил чайник, огромный алюминиевый шарбан, весь-то чёрный внутри. А почему чёрный? А потому, что заварку сыплют не в заварной чайник, а прямо сюда. И пьют чай пионерский. А если его ещё и покипятить, то всё, уже не пионерский. Шкафчик был с чаями-сахарами, с разнокалиберными чашками и гранёными столовскими стаканами. А в другом шкафчике лежали и зачитанные до дырок журналы «Смена», «Огонек», «Наука и жизнь»... И какие-то растрёпанные, как капустные кочаны, старые книжки. И неровными стопами бобины от старого магнитофона. Вот там и зазвучала-засветилась впервые услышанная песня Татльяна «Старая башня». Та загадочная башня стала для Валюшки живым человеком, пока сутулилась в ночи. А что это такое – ей хорошо известно. Это одиночество. А самое главное голос. Голос был тёплый, он дрожал и вибрировал, порой проглатывал слова, в нём был захлёт и нерв, и какие-то неразличимые вибрации, от которых щекотало горло.

«Здравствуй, чужая милая, радость мечты моей... Как бы тебя любил бы я – до самых последних дней». У неё упало сердце. Почему же сразу и чужая? Ах да. Чужая, конечно, заранее чужая. Ну, вот опять! Она всегда всё воспринимала через себя, и всегда – буквально. И она сразу поверила – в песне не наврано, истинно и светло. Так вот что он любит, этот человек!

– Где же вы это чудо взяли?

– Неважно. Как тебе?

– Чудо. Уж как я раньше Магомаева любила, пальцем крутила его пластинку на приёмнике... но это, это несравнимо... Получается, вроде ты там и это всё про тебя. Да, Лерочка? Да не плачь, чего ты...

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

– Не трогай её, пусть поплачет. У неё тоже... самоидентификация.

Да, при них прозвучало: «Здравствуй, чужая милая, Та, что была моей..» Они такие вещи не могли слушать спокойно. У каждой ведь было.

«Прошлое не воротится, и не поможет слеза...Поцеловать мне хочется дочки твоей глаза!» Песня, утешительная, как закатное море, и такая же ласковая. Помимо звуков, которые дышали усталостью, ветром и волей, там было неопровержимое «навсегда»... То, что так нужно девушкам.

Потом, когда Валентина «достанет» магнитофон, она найдет все песни Татляна, которые только можно было найти в Лиманске – и «Капель», и «Фонари», и «Море зовёт». Гораздо позже она узнает, почему его, такого волшебного, не транслировали по радио. Потому что он уехал из страны, оскорблённый несвободой и недоверием, и все его записи были уничтожены. Переписывали друг у друга из-под полы. Но Валя твёрдо была уверена: именно потому его и любили сильнее.

5. Драма на лимане

Письма на юг.

«Дорогая Валентинка, многотерпеливая, добрая и великодушная девочка. С каждым днём тяжелее выбирать минуты для отдыха. У меня почти нет внутренней свободы для радости человеческого общения. Сейчас ни с кем, кроме Надежды, не вижу. Я кругом виновата за невнимание, замкнутость, за то, что приходящие ко мне всё чаще ощущают мое скрытое желание скорее остаться одной. Скорее к книгам, к своей недописанной, должной быть к январю-февралю статье... От ухода за Марком и научной работы остаются считанные минуты, и, несмотря на подавляющее чувство вины, я отказываюсь от общения с близкими людьми. И страшно отказываться от чего-то, не менее важного, чем диссертация. А тут дома в отношениях бардак, с устройством в университете вообще неразбериха. Всё перевернулось, никак обратно не укладывается. Одна отрада — Марк, ласточка, он умнеет на глазах, хотя всё больше ставит стену между мной и другими взрослыми. Такой странный мужичок, совершенно непонятный, загадочный, но уже не отпускающий от себя душевно.

Прости, ангел мой, что я опять кормлю тебя обещаниями, но мне кажется, что если в марте начну работать (не очень-то хочу туда) — времени будет гораздо больше.

В последнем твоём письме ты, кажется, поддалась иллюзиям семейной жизни, её кажущимся преимуществам перед существованием одиночки, с тяжёлым чувством невостребованности, неполнокровия... К сожалению, замужество с человеком, с которым не получается жить как лететь и которого хотя бы уважаешь, — каторга без преимуществ. Каторга тюремного режима, где не можешь предугадать действия той стороны, другого человека. Другими словами, существование гарантированно несправное. Лучший ребёнок для одной, чем ужас совместной жизни с человеком душевно чужим. И ребёнок для одной — нужно сто семь раз померить, потом отрезать. Противоестественно женщине брать на одну себя тяжесть ответственности за будущую судьбу, противоестественно и редко когда по силам. То есть выкормить и выводить — это одно, а вот чтобы он, в свою очередь, стал тебе близким, гораздо труднее. А ведь требования к нему, самому дорогому и любимому, будут повышенными.

Поверь мне на слово, не выходи замуж от тоски, от навеянных кем-то иллюзий. Очень захотеть с кем-то быть и ошибиться — куда лучше, даже практичней, чем соединяться, подавляя комплексы, умозрительные рассуждения. Одиночество требует стоицизма, аскетизма, и всё же оно лучше, чище, гарантированной для твоего равновесия. Целую, моя дорогая, желаю счастья и душевного покоя. И твоей подружке тоже. Лана»

Вот так, значит, открывалась тайна личной жизни Ланы! Значит, не захотела она замуж от тоски. Сама она максимальный человек, и от спутника хотела того же. Чем же он так ей не подошёл? Артистическая натура, разносторонний, пёстрый человек, актёр местного драмтеатра, блестящий балагур и острослов. Окажись такой в компании – все взгляды притянет, всем головы закружит своим обаянием. При нём можно было ничего не говорить, так как он в одно и то же время рассказывал историю чьей-то любви, разливал вино, крошил салат, отбивал ногою чечётку, и так он мог фонтанировать много часов подряд. Видимо, случился роман, и роман нешуточный, ну а дальше жить с таким радио оказалось сложно. Но дело даже не в этом дурацком артистизме, а в том, что этот человек не слышал её. Ему достаточно было звучания себя самого и сознания, что он её облагодетельствовал. Лана сочла такие отношения эрзацем, предпочла одиночество. Даже будущий ребёнок не заставил её смириться. Обождённая душа Ланы требовала высказывания, причём высказывания глобального. Валя Дикарева на тот момент была фигурой, которую можно было спасти, обезопасить, предупредить. Валя кружилась в вихре вальса среди новых людей и неизбежно попадала в ситуацию, чреватую «замужеством от тоски». Не сознание правило Вале, а ветер в её восторженной, глупой голове.

Какой там замуж. В этот момент никакой замуж Вале не грозил. Она не была страшенькой, вполне себе ничего пышечка, но наивняк полный, каждому встречному-поперечному задавала глупые вопросы про Анчарова, и у всех потенциальных мужчин челюсти отпадали сразу. Кроме того, она долго была влюблена в непонятого юношу Акса с кличкой «гигант русской мысли». Он пять лет к ней ходил, говорил возвышенные речи, не обнимал, не целовал, и как не надоело. А потом, когда она приехала работать

на юг, то попала в дурацкую, фривольную, южную атмосферу курортного городка, где все приставали ко всем, это был стиль жизни. Это считалось – круто. Она шарахалась ото всех и смотрела на неясного Долганова, который пичкал её умными книжками.

А Лана была серьёзная женщина с прошлым. Она никогда, никого не приближала к себе просто так. Она раньше ничего не рассказывала Вале, ведь та не имела чести быть её подругой, была и младше лет на десять.... Лану окружала дружная филологическая стайка. Туда входили выпускницы филфака, критики, преподаватели, художники. Они пили красное вино и пели «Жил-был я, стоит ли об этом...»

Зайдя к ним с однокурсницей Улей, Валя выслушала отповедь Ули, которая только плечиками пожалала: «Чет не знаю. Какие немытые они, грязные, одежда не поглажена... Ну, денег нет, но юбку-то можно постирать...И работать надо хоть где, а надо, ребёнок-то будет чей, её же. Его надо кормить...» Дикарева тогда страшно разозлилась на трогательную очкастенькую Улю... Наорала на неё, что думает о низком. «Чет ты не того», — сказала очкарик Уля и не обиделась.

Подружка на юге — это уже была готовая катастрофа. Нонна, фантастически безалаберная, но обаятельная девочка из Львова, которая надеялась поймать за хвост свою мечту о вечной любви. А Валя Дикарева пыталась ей помочь. Лана через сотни километров почему-то догадывалась, какой ерундой заполнена жизнь Вали, предостерегала, убеждала... Она помнила о той, пустоголовой глупой девице, которая маячила перед ней с вечными вопросами, хотя у неё самой был тяжёлый непрекращающийся ужас. И никакой силой воли она не могла положить этому конец.

Нонка, коренная львовянка, приехала на завод после Львовского полиграфического института. Подружкой стала не сразу, но надолго. Была в ней какая-то хрупкость, вязкая беспомощность и хватка одновременно. А тогда ещё было старое общежитие, бывший купеческий дом, частный неровный дворик с раскидистыми липами и чахлыми золотыми шарами, которые всё время ложились туда и сюда. Нонка вошла в этот неровный волнистый дворик с двумя чемоданами, брякая браслетками на руках и ногах, в дорогой красной брючной юбке и красных босоножках с ремешками до колен. Она поставила чемоданы на старое крыльцо, похожее

на треснувший айсберг. Оглядела брезгливо дворик с заведением на возвышении. И, поправив непоправимую копну обесцвеченных разноцветных волос, изрекла:

— Шо цэ за постоялый двор? Шо це я, коренная львовянка, буду жити у таком хлеву? Нэ бачу ниякого смысла...

А поскольку Валя с Ниной оказались в комнате вдвоём, и у них было ещё третье место не занято, Нонка прямой наводкой попала в их комнату. Нина, строгая девушка из станицы, в глаженном сатиновом халатике в горох, с аккуратно накрученной и покрытой крепдешинном головкой, посмотрела на Нонку неодобрительно. И ладошкой указала на свободную койку. Нина, конечно, ожидала, что Нонка бросится распаковывать чемоданы, но, увы, она это не сделала и за все последующие дни... Приезжая фифа тут же раскидала по всей комнате юбки, книжки, трусики, косметички. Что-то искала, не нашла. И бухнулась на эту кровать, и задумалась часа на два... Нина была в онемении.

Полностью противоположные полюса! Ниночка всё время была на работе и после неё пробежала по общежитию то с тазиком белья, то с кастрюлькой, то с полотенцем. Нонночка всё это время лежала на кровати.

Валя была в немом восторге.

— А ты чего лежишь? Одежда помнётся.

— Шо за ересь? Она не мнётся. О жизни размышляю.

— Так, может, поесть сначала?

Передевалась Нонна всегда долго. Ходила по комнате безо всего, озабоченно хмурясь, убирая волосы в жгутик. Худое тело было обсыпано родинками, точно семечками. На пляже это было эффектно.

Кончалось тем, что она напяливала шорты, первую попавшуюся маечку и шлепала в сланцах на кухню. Выходя оттуда, предоставляя мыть посуду другим, ложась на кровать, она задумчиво говорила: «Нет повести печальнее на свете — истории о Нонночке и Пете...»

С тех пор пошло всё в их комнате кувырком.

Нонна просила помощи — сходить с ней на рынок, на толкучку, купить чашку, тональный крем, сходить в ресторан или в бар поискать Петю. Почему именно в ресторан? Потому что там была вероятность? Быть нянькой всегда тяжело. Ресторан больно ударял по карману. Валя стала впадать в долги, стала отказывать в «помощи».

— Шо ж ты меня посылаешь? — беспомощно вопрошала Нонна. — Я ж така прелесть!

Прелесть, бывало, приходила домой в два часа ночи и начинала шарить в полной тьме, опрокидывая тумбочку..

Ниночка деликатно молчала, а потом при первой же возможности переехала в другую комнату.

Новое заводское общежитие на берегу лимана — это даже шикарнее, чем кафе «Прибрежное». Внизу во всю длину пятиэтажного дома веранда. Там светло и можно выходить ужинать — столики, лавочки. Но жители первого этажа этим пренебрегали, потому что на огонёк могли зайти лишние и не очень трезвые гости. А вот на лоджиях, начиная со второго этажа, народ засиживался допоздна. Сидели долго, с удовольствием, пили чай или сухое, слушали близкий шелест прибоя и отдыхали. Общежитие построили в новом районе. Заводская гарь сюда не долетала, долетала только музыка из санатория. От конечной остановки специально брошенной сюда автобусной линии идти к общежитию было минут двадцать всего. Правда, пустырь — место неосвещённое, но коммунальная служба обещала поставить фонари «как только, так сразу». Однако это понятие растяжимое. Отсутствие фонарей грозило бедой.

И вот бархатный приморский вечер, громкий звук прибоя, в общежитии — время ужина, отовсюду доносились заманчивые вкусные запахи. На террасу то и дело выбегали девушки что-то повесить на верёвочку. Входная дверь оглушительно хлопала.

Лера дико крикнула вдруг из глубины коридора:

— Валюша, ты сходишь, наконец, к комендантше? Ключ от телевизионки только у неё.

Незримая пока Валюша недовольно откликнулась:

— Что ж ты орешь-то, Лера? Ты сама-то не можешь сходить?

— Да ходила я уже, у неё дверь на замке.

— Ну, а что ты от меня-то хочешь?

— А может, она пришла уже, — продолжала выкрикивать Лера. — Я вот сейчас достаю, а ты пока сбегай.

— погоди! Сейчас курицу в духовку поставлю...

Лера выскочила на террасу и стала вешать бельё.

— Вот жара-то, жара. Даже вечером дышать нечем. Быстро высохнет. Вообще! Третья серия уже началась. Валь, ты сходишь или нет? Ключ от телевизионки, сама понимаешь..

Валя ничего ей не ответила, видимо, сражалась с курицей. А зато на сцене появилась беременная Тонечка в халате и потребовала сочувствия:

— Вот жара, вот томление какое, просто сердце разрывается. Предчувствия разные, нехорошие. Мой-то всегда под вечер приходил.

Лера встряхнула какую-то развесистую юбку и повернулась к ней.

— И нечего томиться без толку. Тоня, зачем столько негатива? Твой сейчас на экваторе, и ты должна убедить себя, что всё прекрасно. У тебя новая жизнь на носу. И в животе.

Тоня задумчиво собрала длинные тяжёлые волосы на затылке, глубоко вздохнула, поправила халатик.

— Ой, комендантшу тоже понять можно, муж из рейса пришёл. Вот она и не открывает. Давайте не будем больше стучать, девчонки.

Тоня задумчиво стала смотреть в сторону лимана. Её парень ушёл в рейс всего лишь на три месяца. Они собирались пожениться сразу же после его возвращения, однако вовремя он не вернулся. Прислал якобы письмо, что рейс продлили и что он не может приехать. Виноватился, клялся, божился, денег прислал. Но Тоня всё равно не могла успокоиться. Она вышла в декрет, уже понимая, что впереди её ждет горькая судьба матери-одиночки. Подруги по обществу тоже не верили, что он вернётся, и улыбались ей как тяжелобольной. Смуглое крупное лицо Тони с тяжёлыми веками, тяжёлыми волнами темно-русых волос становилось всё неподвижнее.

— Всё равно у меня плохие предчувствия! Аська зеркало разбила сегодня, я соль просыпала...

Наконец Валя выскочила из коридора, замуравов свою курицу, и воскликнула:

— То-то я смотрю, гора осколков. Маленькое в душе?

— Да нет, большое в холле.

Лера и Валя закричали чуть ли не хором:

— С ума сойти! Большое? Которое... мы ходили... в администрацию... выбивать?!

— Оно, — вздохнула Тоня.

— Подкрался незаметно.

— Вот заставим её новое покупать.

— Кто подкрался? — не поняла Тоня.

В это время откуда-то из темноты послышался дикий живот-

ный крик. Крик был женский. Откуда доносился, сразу было не понять. Все замерли. Несколько человек пробежали мимо девчонок, сильно топая. Первая реакция была такая болезненная, что руки-ноги отнялись.

— Наверно, побежали и мы? — предложила Лера, но не тронулась с места.

Но Валя возразила.

— Нельзя, курица сгорит. Да брось, напился кто-нибудь. Наши сборщики квасят после сплошняка.

— Ой, боюсь. Ой, предчувствия...

Когда Тоня начинала ныть, у всех начинало ныть сердце, потому что обязательно что-нибудь случалось. Поэтому все уговаривали Тоню не думать о плохом, чтобы она лишнего не накаркала. Но в этот вечер всё уже было поздно. Случилось.

Ребята-сборщики с нижнего этажа внесли на террасу девушку с безжизненно висящими руками, светлыми волосами и в рваном голубом платье.

— Может, она неживая уже? — ахнула Лера.

— Да тише ты! Что ты раньше времени?

— Тонька, уйди отсюда, тебе нельзя волноваться.

— Здрасьте! Поздно. Я уж всё увидела.

Тоня склонилась над девушкой и потрогала пульс.

— Да нет, бьётся вроде...

— Иди, иди, принеси аптечку: перекинь, бинты...

Девушка была не в лучшем виде, синяки, кровоподтеки... Шея вздулась, глаза были полуоткрыты, белки выглядели безжизненно, а зрачки закатились. Голубое платье было разорвано снизу доверху. И тут они её узнали. Это была Аська, медсестра с заводского здравпункта. Видимо, шла с дежурства одна, без попутчиц...

— А-аасенькаааа! — Тоня чуть не упала.

— Сюда, на диван... Обождите, надо подстелить... Только платье вчера купила!

— Ну, о чём ты?! Тут скорую надо вызывать! Не шевелится девчонка. Вызовите скорую, ребята.

— Тихо. Надо бы её обтереть чем-то, но придется скорую ждать. Вдруг скажут — трогать нельзя.

— Глупости. Нашатырь-то! Может, очнётся.

— А я говорила им, говорила! Общага на лимане стоит, ходи

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

через пустырь без света! Ужас. Трудно было протянуть лишнюю бухту провода... — Валя нервно заговорила о чёртовой проблеме фонарей.

- Так мы же с тобой вокруг ходим, — воскликнула Лера.
- То-то и оно! А её понесло напрямик... Вот глупенькая...
- А скорую вызвали?
- Вызвали, вызвали.

Валя намочила ватку нашатырём и поднесла к лицу Аси. Ася застонала.

— Что, что, Ася? Как ты? Жива?

— Не надо скорую, — прошептала Ася. — Дежурит какой-нибудь интерн, ничего не умеет, зачем пугать парня. Ой, платье... Уйдите все!

— Да мы только пыль стряхнули, да листики с волос... Уйдите, парни!

Вскоре раздался скрежет тормозов, у общежития остановилась скорая. Вошёл с чемоданчиком хрупкий очкарик в белом халате, оценил обстановку. Суеты много, дым коромыслом. А надо осмотреть и заактировать. Первую помощь оказать. Очкастенький слегка нахмурился. Только не дрожать, только не показать панику.

- Прошу всех выйти. Осмотреть нужно.
- Товарищ доктор, мы ничего не трогали.
- Вот ссадины зелёночкой прижгли.
- Недавно совсем случилось, вот полчаса назад.
- Избили девушку.

— Да не только избили, — девица из новеньких, вроде Нонна.

— Нет, вы позвоните, позвоните, в темень такую заставили ходить.

— Внешне только шея... доктор, видите? — повышала голос Тоня.

— Я должен осмотреть пострадавшую. Уйдите все! На что жалуетесь?

— Она без сознания, как она пожалуется...

— Да тихо вы! Я всё понял, но всё равно нужно всем выйти.

Базар прекратить.

Надо же, дежурный врач такой хлипкий на вид и такой собранный. Все гурьбой вышли и столпились в коридоре.

Сверху снова раздался душераздирающий крик:

— Девки, второй этаж! У кого курица горит?

Валя побежала, как бураном её снесло.

— Пусть хоть всё сгорит! — внезапно обозлился шофёр Кириков. — Весь модуль! Всё равно убью эту сволочь!

— Кого убьешь? Кто он? — загалдели общежитские люди.

— Директор ваш!

— Какой он наш? Он скорее твой. Ты же у него водилой работаешь...

— Слушай, ты. Не вали всё до кучи. Директор ни при чём.

— А ну вас. Стадо, — почему-то кипел Кириков. — Ты тут чего, Тонька? Родить хочешь сегодня? Ты чего тут толчешься? Марш.

— Просну-у-у-ля! Даже подозрительно. А по-моему, ты психуешь больше, чем я, хотя и не беременный, — враждебно ответила Тоня. — Хватит с ума сходить, друг на друга бросаться. Аську жалко, но не морды же бить. И кому? Преступника без нас найдут и накажут.

— Пропала девка.

Опять захлопала дверца скорой. Девчонки окружили машину. Дежурный осмотрел страдальцу и велел везти в больницу. Лера захотела ехать с ней. Сказал ещё, что жить девушка будет, но госпитализация необходима, даже написал справку для работы. И оттого, что он был такой скучный и деловой, всем как-то полегчало. Если он так говорит, значит, жить будет.

На Кирикова было страшно смотреть. Он был как не в себе, весь почернел. Разве он сох по Асе? Непохоже вроде. Машина уехала, всё стихло. Только шумел прибой. Только сверчки сверчали в бархате ночи.

В этот поэтический момент Валя стояла, наморщив лоб, перед сковородой с чёрной курицей. Она несмело тыкала в неё вилочкой и под нос напевала:

— Догора-ай, гори, моя лучина, догору с тобой и я...

Вошёл на кухню, как нечистый дух, директор Зяблик. Вот всегда он появлялся там, где не надо, и тогда, когда его никто не ждал! Весёлый, с бесенятами в прищуренных глазах. Слегка под газом. Джинса на груди нараспах. Вид очень фривольный. Валя вздрогнула, обернувшись на видение. Вот ещё, кому не легче?

— Что же ты, Валюха, прошляпила такую закуску? А вдруг бы я с бутылкой к тебе заявился?

Валя не нашлась.

— Эх... «Сгорела кура, жизнь сгорела, и слезы будто без при-

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

чины...» — всё ещё в задумчивости пробормотала горе-стряпуха.
— Это, в смысле, ко мне? Здравьете, Пётр Иванович! Вы же уехали на косу с комиссией!

— Меньше надо рот разевать. Меньше болтать с подружками... Или с дружками.

— Так ты из-за курицы ревёшь?

Зяблик, смотрите-ка, заботливый какой! Валя вытерла неприличные слёзы.

— А ведь говорили вам! Перенесите остановку! Электрифицируйте район. Ну что же такое?! Жить неохота!

Зяблик оглянулся, так привычно оглядываются пилоты, нет ли хвоста. Или воры?

— А я тебе не исполком, не автоколонна. У меня своих забот полно. А ты молодая, а такая истеричная...

Валя сразу сбавила тон, заговорила тихо, запинаясь:

— Понимаете, Асю, медсестру, на пустыре избили. Вся синяя. А может, и изнасиловали. Шла по темноте, дура.

— Плохо дело. Милицию вызывали?

— Скорую вызвали, они, наверно, сообщат. А вы что здесь делаете? Вы же на косе? Или в лагере. Что вы, одновременно во всех точках находитесь? Это смущает.

— Ладно, разберемся. Мне надо номер комнаты Зиновьевны.

— Лучше не надо. Она не любит, когда приходят бухие.

— Не твоё дело! Не дерзи. Говори. А то буду тебя сейчас гонять.

Валя хлопнула себя руками по бокам.

— Через этаж налево. Этаж четвертый, секция шесть. В конце. А вы Пётр Иванович, не бойтесь, что я всем расскажу? И все узнают.

— Что-о-о? Думаешь, боюсь, что ты аварийную сирену врубишь? Или световая сигналка уж отключилась? Я ж таки ещё не в штопор пошёл... А кроме того, мне только лестно будет.

Валя посмотрела, как он быстро ушёл, и пожала плечами. Всё можно этому человеку. Ничего такого нет, что бы было нельзя. Для него «нельзя» вообще не существует. Хорошо так жить, без наказанно!

Тут вошла грустная худенькая Лера с ворохом белья. Дежурный врач не разрешил ей поехать на скорой, увозившей Асю: «Вези вас потом обратно». Действительно, юбки, наволочки и футболки высохли за какой-то час. Даже быстрее. За Лерой против всех за-

конов социалистического общежития притащился Кирик. От него можно было ожидать чего угодно, например, что пойдет за бутылкой от нервов. Но он притащился к девахам на кухню, что было необычно. Лера стала на стульчике складывать бельишко.

— Это правда директор был или мне почудилось в сумраке?

— Нет, Лера, это было привидение директора. Оно пошло дальше, скорей всего квартиру давать нашей экономистке.

Валя всматривалась в негритянскую курицу, осторожно снимая с неё кожу. Вдруг там что сохранилось?

Лера посмотрела на Кирика, видимо, продолжая начатый в коридоре разговор.

— Кирик, я тебя понимаю. Отчасти... Но он же твой начальник. Ты вынужден делать то, что тебе прикажут. Ну, мы все чьи-то подчинённые.

Лера, а полностью Валерия, работала контролером ОТК в сборочном, и, кажется, у неё-то всё было в порядке, но у неё, как и у всех, были начальники. Причем много. И они легко могли повлиять на приёмку тех или иных деталей. Надев свой любимый зелёный сарафанчик, худенькая, белокожая, прозрачная, с кудрявыми хвостиками, тянула скорей на девятый класс, чем на контролера в цехе. Но характер у неё был.

Кириков стоял, смотрел в угол, тёр лоб, как-то весь передёргивался:

— Нет. Ты не понимаешь. Я приезжаю, куда сказано, и выхожу. А он заходит. А потом обратно зовет, когда уже всё. Кем я работаю? Я ж сутенёром работаю.

Лера и Валя переглянулись: жёстко.

— А твоя зарплата? Тебе ж хорошо платят, наверное?

— Да иди ты со своей зарплатой! Надоело мне всё!

— Слушай, Игорь... Да неужели всё это правда? Ну, насчёт квартир.

Кириков посмотрел на несчастную курицу. Взял ножик, отобрал у Вали вилку и отрезал чуть-чуть.

— Без шкуры пойдёт. С майонезом вообще путёво. Есть майонез? Не знаю, я квартиры не выдаю. Спросите у Зяблика.

— Уездный донжуан какой-то. Ну, что в нём такого? Ну, худой, ну, одет в джинсу. Но интеллектуальный уровень! Он хоть окончил что-нибудь? — Валя любила умников.

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Кирик хмыкнул:

— Два года летного училища и большой стаж по кабакам. А кто у нас на заводе умнее его? Никто!

Валентина поняла, что молчать нельзя, и с некоторой дрожью в голосе воскликнула:

— Например, Долганов. Главный конструктор по плоскочечатке. Образованнейший человек нашего времени. Что, съели?

— Он, конечно, два института закончил, но всё равно он чокнутый какой-то, — проронил Кириков.

— Да про него все так говорят, — поддакнула Лера.

— Лера!

— Валя!

— Всё-то вы знаете, — лениво протянул Игорь. — А того не знаете, от чего зависит ваша премия.

Лера и Валя даже руками всплеснули:

— От чего?

— Думаете, от того, сколько Лера-Лорелея на ОТК примет деталей за смену?

— А как же!

— Или от того, сколько Валюшка машин по сводке сдаст?

— И от этого! А как же!

— А вот фиг вам. От того, сколько ящиков балыка вовремя привезут. Или от того, какая погода будет на косе. Если солнце и балыки есть, значит, комиссия всё примет. И будет девчатам премия.

— А квартира?

— Я вот вам дам квартиру! Малы ещё, в общежитии поживете. А тебе, Валька, и незачем. Тебя в поля со следующей недели отправят! За-го-рать. И вообще, долго вы меня будете терроризировать? Дали понюхать мяса, а теперь что — иди?

— Так оно горелое, Игорёк.

— Говорю, без обертки надо. Вот давайте покажу, как... Ты, Лерка, чего встала, как вкопанная? Быстро вилочки, тарелочки, помидорки!

— А у меня сухое есть! — пискнула Лера.

В момент всё появилось. И ребята, стоя посреди кухни, вкусно уплетали курицу, не до конца погибшую в пламени страстей.

— Ой, ребята, мы тут жуем, как эти, «жуй ананасы, рябчиков жуй», как мировые империалисты... Ах, там Аська-то... как страдает...

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Замолчали, опустив головы...

Потом, воровато глядя по сторонам, опять принялись за своё. Они ели торопливо и смачно, сладко выбирая и швыряя за окно куриные косточки. А за окном мирно сверчали сверчки! Издали сонно шумел лиман. Над тихими водами качалась туманистая синяя ночь. Нет, иной раз никакие переживания не могут помешать спасти бедную пропадающую курочку...

6. Расстегнуть пуговицу — производственная необходимость

Прошли дни. События закрутились быстрее. Валя успела с утра на лиман, а потом, идя за сводкой, решила, что больше Команди изгаляться над ней не будет. Она не хочет быть посмешищем в коллективе, который уже стал ей дорог. И как первая любовь, так и первая работа — это неумолимо возвышает. И никто не хочет терять время, которое нужно будет потратить на пересчёт цеховых планов и на текущую помощь отделу. Нет, хватит. Войдя в кабинет, Валя Дикарева взяла себя в руки и мирно улыбнулась

— Тебе что, Валентина?

— Сводку.

— Расстёгивай.

Она, всё так же глупо улыбаясь, расстегнула пару кнопок. Он поднял одну бровь и выдержал паузу. Одобрительно усмехнулся. Чёртов ловелас. Хотя нет, не ловелас, он её даже лапать не стал. Решил приручать постепенно. Могли зайти! Она стояла, переминаясь, как недотёпа, ждала у моря погоды. Он глянул в свою записную книжку и сказал:

— Одна экспериментальная. На сборке новых машин нет.

— Но кнопки две.

Он думал минуту, не больше. Если был риск, то сам виноват. Никто его за язык не тянул с этими кнопками.

— Хорошо. Одна для полимертары.

— Спасибо.

— Мы взаимно вежливы. И только.

Она застегнула кнопки на газетке и быстро вышла. Дрожащими пальцами написала две сводки, одну отнесла в приёмную, вторую начальнице на стол. Начальница посмотрела и швырнула Замятиной на стол. Но посмотрела. Субординация соблюдена. Замятина подписала, подшила, показала папку Вале: сама, дескать, не барыня. «Ещё не всё? — Подписывать надо обе. А ты отнесла не подписанную. — Ясно, ясно». Она сбегала и всё исправила.

Валя кивнула себе в зеркало и занялась цехами. Да, они её приучат тут к работе. Но что произошло без неё? Видимо, начальницу отстранили, видимо, уже есть приказ на Замятину, а Чирко сидит в обмороке. Она всё-таки не ожидала такой крутизны. И уйти, от

обида дверью хлопнув, не может. Ей придется терпеть это безобразие или молча, безропотно на пенсию идти. А Зина была бледна, но хороша как никогда. Новое серое платье из марлёвки, в мелкую веточку, стиль кантри, тесьма, мелкие рюши на груди и по низу юбки. Да, она казалась королевой. Хотелось спросить про ночной визит, но нельзя, нельзя.

Валентина склонилась над пачкой с планами, а щеки её пылали. Что-то не давало ей покоя после визита к Марку Антоновичу. Его быстрый взгляд из-под опущенных век, его явное вежливое хамство, граничащее с презрением, вызывали протест. Так и забыть о нём! Об этом отвратном, наглom начальничке. Забыть и не думать. Но что-то остро покалывало в суставах, в крови и колотье разносилось по всему телу. Гад, одно слово. И как его никто ещё не убил? Она чувствовала себя девушкой по вызову или там «кушать подано». Нежный такой ожог унижения.

Пока комиссия отдыхала на косе, все заводские скучные итээры болтались по коридорам, точно вобла на веревке. Понятно, что отчёт будет написан так, как нужно, но примут ли ещё отчёт этот. На обеде в столовой народ почти не разговаривал, Валя тоже стояла за столиком довольно пасмурная, а вот Андриан Ильич, напротив, был почему-то весел, разговорчив. Он в липовом отчёте никак не участвовал, ему голову было морочить незачем.

Он сам принёс оба обеда: окрошка, киевская котлета с салатом два раза, компот. Подмигивая, он рассказывал Валюшке какие-то странные эротические анекдоты, совершенно не смешные, повторяя слово «Декамерон». Но Валя не слышала о такой книге и была не в своей тарелке, хоть и с окрошкой. А окрошка оказалась чудесная: ветчина розовая настругана соломкой, а редис кружками, яйца сплошной желток, квас коричневый и жгучий, ложка густой сметаны плавала, не растворяясь...

— Пампиня, Джованна, монахиня — никакой разницы, — увлечёно вещал Долганов, умудряясь быстро есть и говорить внятно. — Эта монахиня вместо потупления глаз так выставит ножку из-под рясы, что тебя столбняк хватит...

— Не поняла, а какая связь с вашей командировкой в Мариуполь? Вы вроде давно ездили...

— Связь очевидная. Ты просто не слушаешь. Мы после совещания были в театре на премьере «Декамерона» в тамошнем теа-

тре. Антреприза, конечно, разве на местном уровне так поставишь. Так вот я пытаюсь объяснить разницу между постановкой и тем, что был в основе, то есть в тексте...

— Я не о том. Я думала, вас не интересуют такие темы.

— Такие? Смотри какая подача. Видишь ли, Валентина, сеньорита грация, о такой теме, как ты говоришь, можно рассказать целомудренно, смешно и нежно. Когда-нибудь ты придешь ко мне в гости, и я покажу тебе великие полотна с обнажённой натурой.

— А жена?

— Так это же гости! Музыка, вино, картины в альбомах, культурные беседы, а не... Я тебя не совсем понял.

— Ладно, зато я поняла. Я приду с подружкой, — она сильно смутилась.

«Вот те раз, — подумала она про себя. — Пример, как можно походя обидеть человека, у которого ничего дурного нет на уме. Не все же такие, как...»

В столовском буфете продавали баклажаны, фиолетовые и толстые, как боксёрские перчатки. Долганов купил несколько штук и один подал Вале.

— Андриан Ильич, не нужно, Я не знаю, как его готовить, я вам не коренная казачка...

— Зажаришь вместо оладьев, вкуснее мяса покажется. И специи к нему не нужны. Надюша умеет и солить, и в соус, и в икру... Но можно и так.

Валя дома зажарила в масле и муке, как велено, попробовала и обомлела. Сочная мякоть оказалась легкой, но плотной, не как у водянистого родного кабачка, нет, она напоминала если не мясо, так грибы точно, и острота этой мякоти не требовала перца. Поллив всю композицию сметаной, она убедилась, что чудака Долганова иногда надо слушаться.

Ася к вечеру уже была в общежитии. Ей дали больничный. О диагнозе она распространяться не стала, была на удивление тихой и даже бодрой, не плакала. Она только без конца ходила в душ. Так обычно ведут себя жертвы насилия, у них возникает синдром чистоты... Что-то стирала, гладила, в общем, отвлекала себя от грустных дум. О пережитом напоминали только неровные полоски на шее. Тоня, которая жила с ней в одной комнате, шёпотом рассказала девчонкам, что Аська то самое дорогое голубое платье

сожгла, тайком отнеся его на мусорку. Она хотела скорее избавиться от всего, что напоминало ей о трагедии, о переломе её жизни, которая была такой ровной, ясной до сих пор. И вот всё потемнело, и жизнь треснула, поломалась. Теперь она будет ходить с понуренной головой...

Обстановка и на заводе, и в общежитии была весьма сходная, нервно-молчаливая. Все как-то притихли, сжались в ожидании непонятого, но грозного события. Новый день приносил новые слухи и тут же их развеивал. Кто-то сказал, что недруги директора встретились с комиссией и донесли на него, а по другой версии — комиссия вовсе не отдыхала на косе, а совершенно на другой секретной турбазе, где найти её никто не мог. Особо досужие говорили, что никакой косы, никакой базы не было вообще: комиссия вышла из рамок и отказалась принимать коллективную взятку в виде такой мощной халявы. Впрочем, отчёт для комиссии был уже готов, и в нём была заложена бомба. Машину, выпускаемую по лицензии и оказавшуюся полностью убыточной, бухгалтерия решилась показать красным. Старая начальница планового Чирко так никогда бы не сделала, а будущая начальница, Замятина, именно так и сделала. То есть Зара всё взяла на себя.

Письма на юг.

«Прости за долгое и для меня самой неуютное молчание. Почти вот уже девять месяцев Марковой жизни я живу в мерзевших условиях, в форменном душевном аду, который с гениальной изоциренностью глупых ограниченных людей устраивает мне маменька и близкий ей по духу Славик со своим семейством, стараясь всеми возможными средствами заставить меня жить по их законам. А я у них в плену, а я не могу почти ни на минуту уйти из дома, то есть уйти от Марка. И они меня ежедневно, ежечасно, ежеминутно распинают, мучают, стремятся лишить общества близких людей. Первое время, когда я так же, как сейчас, не могла выйти из дому, меня прекрасно выручали своим приходом друзья, и связь с миром не прерывалась. Но маменька, сделавшая единственную ставку на Славу, человека мне чужого и не дорогого, но для неё «порядочного, культурного, хорошего», настолько хорошего, что мне с ним и равняться не стоит, устроила гонение на друзей. Звонила их родителям, жёнам, говорила про них дикие га-

дости, заодно и про меня. Я, разумеется, безропотно этого переносить не могла. Она пошла дальше. Торжественно заявила, что как только ко мне кто-нибудь придёт, она заявит в милицию (и самое милое — имеет право). Я попробовала однажды посидеть с ними на улице, чтобы не подвергать их риску. Тогда она запретила приходить Надежде, последней ниточке, связывающей меня с миром, не говоря уже о 17 годах теснейшей дружбы. Слава почти полностью её поддержал. Наткнувшись на отпор, она пошла к Надеждиной тётке говорить гадости и пообещала сходить к ней на работу. Кроме того, предложила мне, мягко выражаясь, уйти из дома и перестать есть «её хлеб».

И это тогда, когда я не работаю! Мы с Надеждой решили выдержать всё, но не уступить ей. Её соратника Славу (это имя становится нарицательным — Слава Соратник) я выставила из дома и перешла жить на сорок Марковых рублей вместе с ним и начала размен. Маменька вроде дрогнула и сейчас перешла на троцкистскую позицию «ни войны, ни мира». Противно всё до невозможности. Надежда приходит ко мне, но думать о чём-либо, кроме домашних проблем, почти невозможно. Мы пьём собственный чай с собственным сахаром и ощущаем всю прелесть общения на раскалённой сковороде. На это уходят все силы, оставшиеся от многочасовых забот о Марке. И чем-либо высоким, в том числе и чтением, заниматься в этом прелестном бедламе просто невозможно. Я устала нервами и наконец-то, впервые в жизни, в которой было всякое, перестала спать.

Вот подробности моей личной жизни. Так что можешь спокойно пересказывать мне даже содержание прочитанных книг и подробнее писать о новых теориях.

Я, разумеется, не сдаюсь, разумеется, уверена, что они меня не победят, и меня всё больше утешает история Гулливера с лилипутами, чьё назойливое и злобное иго он всё-таки сбросил. Но как это дорого стоит. А они — Они, как сказал бы Минк Сноупс, — чрезвычайно, как все подонки мира, остроумны и догадливы: они прекрасно знают о двух моих ахиллесовых пятах — Марке и Надежде — и очень метко бьют по этим местам. В апреле я собиралась ехать в Москву. Но уже ничего не знаю. И ехать мне туда не с чем. Вот видишь, какие у меня крайности: то одни общие проблемы, то одни только частные.

Недавно у меня были Елена и Ри. Я смогла их принять только у окна в подъезде. Но не это обстоятельство, а все другие заставили нас понять, что мы стали чужими, что вместе нам уже делать нечего. К этому в течение жизни привыкаешь, и всё-таки горьковато. До сих пор, после миллиона утрат, не могу примириться с мыслью, что почти всем в этом мире суждено расстаться. И ничего не поделаешь.

Как странно всё! Год назад я бы не поверила, что буду ждать твоих писем, искренне сопереживать твоей жизни, светло улыбаться от твоих приятных слов и считать тебя прочно вошедшей в мою жизнь, уже и со своей подружкой. А ведь мы те же, что и год назад, в главном мы те же.

Мне теперь очень хочется куда-нибудь поехать. Приехать в твой город и своими глазами посмотреть на этот мир, который мне знаком только по твоим письмам. Что ты собираешься делать с этим городом? Уезжать из него? Или сделать своей второй родиной? Какой там климат? Может, когда-нибудь взять и приехать. Какие там есть вузы, сколько народу, и где оно, ваше море? Есть ли театры? Ведь мне всё равно придётся уезжать, покидать насиженное гнездо. Даже если я закончу аспирантуру, вряд ли у меня здесь будет соответствующая работа. Тем более после стычки с КГБ, которую не дают забыть ни мне, ни городу. Вот я и выбираю сейчас новую родину, желательнее потеплее в смысле климата. И знаешь, жизнь всё равно прекрасна, как бы ни было трудно стирать с неё «случайные черты». О, ты не права: я не чувствую себя несчастной, совсем наоборот. Просто мои авгиевы конюшни куда грязнее и тяжелее, чем Геркулесовы. Но с каждым днём я чувствую себя всё сильнее и работоспособнее. И на людей я смотрю всё мудрее и проще. Мне не нравится позиция твоей сестры. Да не думай о других, но о себе. Что бы ни случилось, жизнь одна. Нет, не всё равно, что случилось. Реакция человека на обстоятельства — это и есть проверка его человеческого ядра... По-моему, это позиция спрятавания головы в песок неприемлема. Пиши, моя дорогая. Лана».

Вот надо же, какая неукротимая страсть к перемене мест! Даже такой человек, как Лана, которая всегда понимала, откуда растут все проблемы, а проблемы растут всегда из человека, — даже она, попав в очередной цейтнот, замечтала уехать

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

на юг. Ведь ясно же, что для этого у неё не было ни сил, ни денег, ни возможностей. Начиная с чеховских сестер, вздыхающих «В Москву, в Москву!», эта жажда к перемене мест томила и обманывала целые поколения запутавшихся в иллюзиях женщин, да и сама Валя тоже ведь надеялась: уедет, воскреснет, там всё будет по-другому.

Увы, с собой она привезла свое прошлое, запечатлённое в толстой синей тетради с бабочками. Характер Вали не поменялся, откуда же поменяется жизнь? Ну да, она старалась не вставать в позу, когда её щёлкали по носу, но по сути и для Нонки, и для Ланы она оставалась тою же жилеткой, которой была для Татарки.

Какие университеты в курортном городке? Что она могла ответить обожаемой Лане на такой простой и убийственный вопрос? Два ресторана, два кинотеатра, пляж, гостиница, вокзал — вот и все достопримечательности. Хотела ли она приезда Ланы? Ещё бы! Читая письмо, она уже воображала себе, как встречает её на вокзале, как они едут в автобусе и маленький капризничает от жары, приезжают домой... В общежитие Лану, скорее всего, не пустят, придется искать домик у какой-нибудь бабки, но это же реально. Она уже будто видела, как они всей компанией сидят на пляже, как водят Марка за ручки, а он топает ножкой по набежавшей волне, а потом они что-нибудь поедят в кафе «Прибрежное», пойдут укладывать Марка... И будут говорить, говорить и наговорятся за все эти пропущенные годы, и заново подружатся. До тех пор надо много чего прочитать... и вообще стать лучше.

7. Ликбез по искусству и опрокинутый чайник

А тем временем Вале надо было исполнять обещание и идти в гости к Долгановым. Он пригласил её с подругой в свой приличный семейный дом.

Идти с пустыми руками было неловко, а что нести с собой, было непонятно. Валя умоляюще посмотрела на подружку и спросила, что она думает.

— Ну, ты человек более искушенный, может быть, ты чего подскажешь, как там правила гласят? Поскольку мы идём в гости не вечером, а днём, к этому случаю надо крепкие напитки нести или некрепкие?

Нонна посмотрела на неё, выпучив глаза, она находилась в процессе покраски ресниц и с обеих сторон обмахивалась шарфиком и тетрадкой:

— Шо за чушь ты несёшь? Какая разница и какое время суток? Если они не захотят пить наши напитки, пусть поставят в холодильник. Купим торт и коньяк. Коньяк можно капать в чай, если не хотят пить его рюмками.

Валя подумала, подумала, вытащила из кошелька смятые булочки, разложила их в виде пасьянса.

— Что-то маловато тут у меня, на коньяк не хватит. А что ещё можно?

— Можно просто торт, — Нонна с вытаращенными глазами забегала по комнатке. — У меня ещё остаётся маникюр, а ты смойся в магазинчик одна.

Валя вздохнула:

— В выходной там очередь в кондитерской. Ну ладно, я схожу, мне маникюр и глаза красить необязательно.

И она убежала. Остояв очередь в кондитерской, она всё-таки взяла на свой страх и риск маленькую бутылочку вишни на коньяке, потом стояла на углу минут тридцать — Нонка не шла. Запсиховав от жуткой пропажи времени, Валя рванула обратно в общежитие. В конце концов, Нонка не обязана с ней мотаться, это же её дело, её тема, ей и расплачиваться. Нонна вообще могла отказаться. А если бы она отказалась, никакой торт и никакая вишня уже не имели бы смысла. И вообще всё это не имеет смысла, это какой-то ужас, это

же нарушение границ официальности и посягание на недопустимые абсолютно уровни общения. Вот они на работе нормально говорят, шутят в коридоре, болтают в столовой, сталкиваются в приёмной директора... И ведь не надо думать, как встать, как слово сказать. А тут совсем другое. Одно дело день рождения или там общий советский праздник. По крайней мере, можно какой-то тост сказать, а тут что. А тут я иду порыться в вашей библиотеке, сударь, сделать вид, что мне до смерти нужны редкие книги и вообще я такая умная, прямо умнее всех. Да и подруга у меня вся из ума сложена, и я сейчас задеревенею и увижу, как его жена причёсывает дочку Лору, косу ей плетёт. И как эта жена, которая тебя в десять раз лучше, бросит на тебя усталый взор, и в этом взоре ты прочитаешь всю беспощадную правду о себе. И говори ты что угодно, фитюлька несчастная, всё будет написано на твоём бестолковом лбу. А он будет смотреть и тоже жалеть о вылетевшем невзначай слове.

В общежитии её встретила абсолютно ненакрашенная Нонка, которая пожала плечиками, придвинув к одному свою щёку. Оказалось, что она пошла выключать чайник и по дороге задела подолом за дверь, врезалась в косяк, глаза потекли, и в результате пришлось всё смывать.

— Подожди меня немножко, я сейчас снова накрашусь...

— Я тебе сейчас накрашусь! — Валя закричала, как сумасшедшая. — Я и так не в себе, а ты ещё тут... Ты что, по комнате пройти не можешь, чтобы не покалечиться? Чей чайник был?

— Та не знаю...

У Долгановых окна в квартире выходили не на солнечную сторону, и гости, войдя с ослепительно солнечной улицы, ничего не увидели. Долганов в своём обычном бело-полотняном одеянии, выглаженный и бледный, пригласил их пройти. Валя протянула ему дрожащими руками торт и вишню на коньяке. В комнате царил тот же самый мрак, что и в прихожей. В этом мраке очень тепло и радостно сиял большой аквариум с подсветкой. Жёлтое искристое сияние, в котором постреливали красные и белые крохотные рыбки, бросало блики на маленький журнальный стол с чашками и большим заварным чайником в розах. Столик был на колёсах, а чашки были чёрные, а Валя была без памяти. Он это всё понял, конечно, так как все явления психического порядка он понимал простым созерцанием. Он сказал, что чайник готов, он только позовёт жену.

— Надежда, — негромко сказал он в раскрытую дверь другой комнаты.

Надежда, невысокая, полная, в штапельном горошистом балахоне, и тоже очень бледная почему-то, вышла к ним с готовой улыбкой.

— Рада, — сказала она. — Гости бывают у нас редко. Я сделала пирожки, попробуйте.

Она принесла пирожки, маленькие, круглые, с жёлтым творогом посередине. Оказывается, в маленькую дырочку после выпекания опускали кусочек масла или сметаны, отсюда и название — сметаннички. Официальная часть в гостиной близ аквариума открылась визгом Нонки, опрокинувшей заварник. Это было такое счастье: суматоха, крики, прижимание полотенец к коленям! И все перестали бояться друг друга, и заговорили одновременно, и заахали, и стали смотреть на Нонку, как на великое недоразумение природы. И Валя была ей благодарна до такой степени, что подумала: «А не нарочно ли это она?»

Надежда ушла заваривать новый чай. Андриан Ильич стал показывать библиотеку.

Книжки были великолепные, атласные, тяжёлые, хрустящие пергаментными листочками, отсвечивающие мелованной бумагой и ещё чем-то неземным. Альбомы Дали, «Старые итальянские мастера», «Галерея Дрездена»... Дали Валя видела впервые. Зачаток человеческого торса, а может, просто торс без головы и рук, объятый розовой пылью, парил в сиреневом небе, на нежно-зелёном лугу крохотные фигурки пестрели так же, как рыбки в аквариуме, а потом и человек, его фрагменты, взлетал в то же небо и рассыпался на мелкие детали. Все его вещи делились на два пространства: на землю и небо. А вот фигура, состоящая из выдвигаемых ящичков неба и сине-зелёный горящий жираф вдали, а на первом плане гигантский муляж и выдвинутые ящички. Это то, о чём так любит писать Лана. Что есть человек, а что у него внутри. Нет, нет, об этом не будем, это слишком страшно, лучше заглянем в картинную галерею. Естественно, на полках стояло много книг как художественного, так и философского направления — Гёгел, Ницше, Платон, собрания русских классиков... Но их показать непросто, разве что книги по искусству...

Какое странное представление древних художников было о

Мадонне Марии и Младенце... Например, абсолютно живая, робкая, как девочка, Мадонна и, напротив, на подушках маленький, белый, абсолютно мёртвый Младенец.

— Нет, не сюда смотришь, — сказал Андриан Ильич. — Посмотри, аллегорические фигуры: Италия и Германия. Так, правда, они слишком материальны... Если уж изображать страны в виде женщины, то не стоило бы их показывать такими телесными. У «Германии» на белоснежную рубашку надет красный хитон, а сверху — тёмно-синяя накидка, а у «Италии» одежды зелёные, отделанные мехом, оторочены золотом. Кто у нас золото любит? (Валя краснела). Это в старину золото было исключительным эквивалентом... Безупречные головы женщин украшены тёмной зеленью...

Валя бросала быстрые взгляды на Нонну, а куда ей было ещё бросать взгляды. Нонна была на себя не похожей, она ничего не роняла больше, тихо листала книги, молчала, кусала губы, выглядела пристыжённой, как будто это была вообще не она. Видимо, она ощущала себя голой, являясь ненакрашенной. Полосатая майка с вязаными вишенками на плечах да юбка-брюки красного цвета... В этой броской одежде растворилась Нонка как человек.

Тем временем жена Долганова Надежда внесла новый чайник, новую заварку. Она посмотрела на обстановку, повторила ещё раз приглашение испить чая, но, увидев, что разговор перешёл в иную плоскость, незаметно ушла. Она таких гостей не понимала. Наверняка на мужа нашло педагогическое безумие. Или он хочет организовать кружок для просвещения простого народа? Надо было ему идти не на завод, а в школу.

— А помнишь, мы с тобой говорили про обнажённую натуру? Первым делом мы её видим где? Ну, конечно же, в мифологии. Вот, вот и вот: Франческо Албани, Тинторетто и Рубенс. Да в любых сюжетах человеческое тело — в данном случае это боги и богини, но писали-то их с живых тёплых людей — тело всегда приковывает внимание в первую очередь. Нонна, пойдика сюда, оставь в покое эти дурацкие журналы, если хочешь, я тебе дам их домой, и ты посмотришь не спеша. Ты пока сюда вот посмотри, — и он подал ей дрезденский альбом. — Что так смотришь?

— Как-то неудобно, Андриан Ильич.

— Что тебе неудобно, дорогая?

— Ну, голые эти...

— Валя, тебе тоже неудобно?

— Ну, да, как-то, знаете...

— Бесценные мои, у меня такое впечатление, что вы никогда не были в картинной галерее. В самом деле?

— Андриан Ильич, — Валя слегка прокашлялась. — Вы нарочно заводите разговор на эту тему. Надо как-то обойти, наверное. Мы только опомнились и пришли в себя. А вот, кстати, и чайник...

Нонна слишком поспешно отложила Рубенса и Дрезден и оживлённо стала разливать.

— А как же Надежда?

— А Надежда всё прекрасно понимает, и, если она ушла, значит, у неё есть своё занятие, — Долганов почему-то улыбнулся. — Она эти альбомы наизусть знает, а вы, мои милые, должны когда-то начинать. Кстати, где же торт?

Он принёс торт из кухни, быстро порезал и усиленно стал им угощать. Понемногу девчонки перестали давиться и даже несмело стали шутить.

— Андриан Ильич, а откуда у вас все эти книжки и всё это... папки, картинки? — Нонка повела рукою с чашкой на шкафы и стены. — Это не продаётся в магазинах.

Она была спец по магазинам.

— Бесценная Нонна, я думаю, ты понимаешь: если человек что-то любит, он будет это разыскивать. Помимо государственных «кагизов», существуют и антикварные магазины. Но не здесь, конечно, а в столицах.

Он выпил чай без торта и вздохнул:

— Быть голым — это значит быть без одежды, и это неловко, стыдно. Ну представьте, мы сейчас сидим пьём чай безо всего.

Гости засмеялись, но тут же переглянулись и замолчали.

— Смутный образ, возникающий при слове «голый», — это образ съёженного и беззащитного тела, но слово «нагой» не содержит никакого неудобства. «Нагой» — значит изображённый без лишних деталей, значит, настолько цветущий и уверенный, что не нуждается в покрывалах. Я скажу вам больше, начиная с восемнадцатого века, нагое тело стало главным предметом искусства. Вот Веласкес, живший при затянутом в корсет дворе Филиппа IV. Ведь это же Средневековье, это контроль церкви, а он пишет «Венеру с зеркалом», а Рейнолдс вовсе не умел рисовать тело, он

славился парадными портретами и, тем не менее, осмелился изображать нагих богинь. Тот же Рубенс изображал женское тело с нашей точки зрения небезупречное: его богини толстоваты, расплывчатые и не очень интеллектуальны. И всё же эти богини были. Одежды, дорогие мои, носят жёсткий отпечаток времени. Плядя на одежду, мы можем только сожалеть, что эта женщина жила за триста лет до нас. Но женщина нагая взлетает над временем...

— Андриан Ильич, вы же технарь, — пролепетала Валентина, заикаясь. — Откуда у вас эта страсть к искусству? Может, вы мечтали быть искусствоведом, но не вышло?

— А вы что заканчивали, не Львовский полиграфический? — подала голос непривычно онемевшая Нонка. — Или вы в Москве учились?

— Да, я учился и во Львове, и в Москве. Но не суть в этом. Человек может учиться на бухгалтера, а грезить картинами Рубенса. Я реалист, знаете ли, я ведь понимал, что после учёбы я вернусь домой, а в нашем городке, как вы знаете, два ресторана и два кинотеатра. И Дрезденской галереи нет и никакой нет. Я вообще-то сначала в библиотечном институте учился, а потом ушёл. Вы представляете меня библиотекарём?

— Представляем, — хором ответили Валя и Нонна, не сговариваясь.

— Непростительное единодушие. Тогда бы я не имел права заводить семью, дорогие мои глупышки. Если бы вы знали, какой это волшебный мост друг к другу — искусство. Кем бы ты ни был по профессии, ты можешь одинаково сильно любить живопись так же, как и те, кто её создал. А знаете, почему в слове «нагой» нет никакой неловкости? Часто, глядя на растительный или животный мир, мы отождествляем себя с изображением, особенно если какие-то стороны нас привлекли в первый же миг. Это можно назвать эмпатией, это приятие созданного художником пространства. И обнажённость, нагие фигуры могут точно так же привести в состояние эмпатии, но могут и заразить печалью, но если мы, допустим, видим что-то идеальное, мы как раз не идеальны. Когда нас и картину не разделяют время, одежда, условности, мы сами начинаем светиться в этой картине... Вы можете меня спросить, а зачем так убиваться? Ну, попалась чудесная модель — возьми да сфотографируй, но тут между фотографом и моделью всегда стоит машина. Он может

только обмануть эту машину, то есть фотоаппарат, но это удаётся далеко не всем. Вот был такой художник Гюген, он рисовал с натуры таитянок. Когда эти вещи увидела Европа, она ужаснулась, так как европейские представления о красоте не совпадали с представлениями о красоте на острове Таити. Узкоглазые, больше ротые, с крупными ступнями и широкими плечами, эти женщины в набедренных повязках были скорее похожи на мужчин...

— Фу, — громко сказала Нонна. — Покажите.

Долганов взял альбом репродукций Гюгена и подал ей.

— Очень красноречиво, — сказал он, невозможно улыбаясь, — «Фу», но «покажите». Значит, есть и интерес. Валя, как тебе таитянки?

— Ну... грубые существа, даже не скажу «заводские тётки», скажу дикарки. Ту-зем-ки.

— Тут есть хитрость, — перебил её Долганов. — Вы забываете про атмосферу! Гюген приехал из Европы и в своём сознании привёз все свои проблемы... Об этом потом письма Гюгена читайте, всё поймёте. А на Таити все эти проблемы куда-то исчезли. На острове был шум ветра, солнце, был невероятный покой, который позволил измученному художнику почувствовать гармонию мира... И душа его запела потихоньку, и она запела через эти коричневые фигуры, которые лежат и сидят на берегу, впитывая лишь солнечные ветры и звук прибоя.

— Мама родная, — прошептала Валя. — Так для этого не обязательно ехать на Таити, если человека охватит такой покой, так ему даже Лиманск покажется раем. Не так, что ли?

— Шо такое Лиманск? Цэ пыльная дыра, — вкрадчиво произнесла Нонна. — И никто, ниякий чоловік никогда не сможэ жить здесь, як в раю.

— Не уверен! Скорее, Валя права, — Долганов вздохнул. — Среда — это ничто, а человеческая душа — это всё, она наполнит собою любой сосуд... И рай может оказаться где угодно... Ну что, замучил я вас? Вы, наверное, думаете, что я ненормальный? Пригласил вас для того, чтобы полностью затуманить вам головы...

— Андриан Ильич, вы самый нормальный. Потому что вы внутренний человек, у вас внутри помещается больше, чем может поместиться в человеке.

— Стой, Валь. А тогда как понять этих... ну, нагих у Дали? —

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Нонночка, цыпа-лапа, близоруко шурила ненакрашенные глаза. — Они, может, и нагие, да только от них тошнит. То груди кусок, то ноги кусок. Муляжи какие-то, трупные.

— Нон, закрой рот.

— Нет, не закрой, Валя, зачем ты так? У девушки пошёл процесс познания. Он у каждого свой. Тело для Дали только материал, он лепит образы подчас из совершенно неожиданных фрагментов, как конструктор из кубиков. Вы сюда посмотрите. А?

Они теперь рассматривали репродукцию с забытым ощущением, точно мурашками по коже. Изумительная женщина почти лежала, нет, она не лежала, а парила лёжа над серым камнем, а на неё из синего неба прыгали оскаленные тигры. То есть был гранат поодаль, из него выворачивалась чудовищная рыба. Из рыбы тигр, а и него ещё тигр, они, друг друга породив, друг друга обгоняли, в миге полета от таинственной нагой. Нагая спала за секунду до смерти.

Они долго молчали, а он им не мешал.

— Полёт пчелы, который она увидела во сне и проснулась перед укусом. Галя рассказала свой сон Дали, и он написал... Острота, трагичность.

— Не острота, — пробормотала Нонна. — Она какая-то неживая, целлулоидная.

Но не отрывала глаз.

— А название?

— Название, я же и говорю: «Сон, вызванный полётом пчелы вокруг граната». Тут можно долго расшифровывать, особенно учитывая Фрейда. Но идентифицировать? Вряд ли...

А Валя снова и снова смотрела на таитянок и представляла себе, как хорошо не ходить на работу, сидеть под пальмами, слушать шум ветра, а напротив сидит бледнолицый человек в белом и рисует тебя красками.

— Вы хоть представляете, что я сейчас чувствую? Что со мной вообще происходит?

— Да, представляю. Это и есть эмпатия.

А она думала, что это паника. Такая паника, ужас.

Проводив девчонок до калитки, Долганов пошёл в комнаты, чтобы прибраться с посудой. Надя была примерной хозяйкой, но общаться с такими гостями, которых он ей подсунул, она не заходила. После второй заварки чая она наскоро полила цветы в саду и

исчезла, скорее всего, к соседке. У них не принято было принимать гостей таким образом, но ей, действительно, стало скучно. Несмотря на свою интересную чеховскую внешность, Долганов никогда не был падок на женщин, и уж если он пригласил такую зелёную молодёжь, значит, в очередной раз заболел просветительской миссией... либо захотелось похвастать новыми книгами. Только они же всё равно ничего смыслят... Надя происходила из спокойной доброй семьи, в которой принято было вести дом по-старинному, с чаением и верою. Она честно обихаживала детей, которые на сей момент были отведены к бабушке. А книги успевала читать в свободные минуты. Они не казались ей событием, а были чем-то привычным, вроде молитвослова или евангелия. Если она чему-то удивлялась, не понимала, она так прямо и спрашивала о непонятном. Две девушки из заводоуправления, ясно-понятно, знакомые по работе. Ничего страшного, что они пошуршали здесь, попроливали чайники. Окажись тут секретарша директора Сулико или, не дай бог, белобрысая экономистка Зина, тогда Надя встревожилась бы. А эти легкомысленные существа — с ними даже неинтересно.

Надя, как всегда, всё упрощала, на деле Андриан Ильич никогда не посмотрел бы ни на робкую Зину, ни на таинственную Сулико. Это были женщины не его круга. У него, если честно, не могло быть никакого круга в этом городе. Предлагал же приятель из Ростова потихоньку переехать туда, но это означало бы много лет жить на квартире, а этого скромный инженер-конструктор позволить себе не мог. Тут-то он получил квартиру от завода. Не обзаведись он так рано семьёй, наверное, уехал бы. А тут сразу после политехнического института приехал на завод, где проходил практику. Поскольку Долганов был из детдомовских, он ухватился за семью, как за единственный панцирь, спасающий его от социума. Детдомовские вообще обострённо реагируют на все контакты с обществом, хороши они или плохи. Контакты Андриана сводились к нулю. Заполнение жизни Надюшей его как-то сразу укрепило на ногах, и он перестал мучиться ненужными депрессиями. Да и сама Надя была чем-то безусловным, само собой разумеющимся, её любовь и преданность он ценил и на других не озирался.

Он не боялся одиночества. На работе он выжимал себя до отказа, потому что привычно было отрабатывать взятое в долг у государства высшее образование. Хотя большинство людей думает о

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

вузе, как о чём-то естественном, свалившемся с неба, а вот он отработывал. Дома, как правило, сам занимался стиркой, уборкой, готовкой еды. На Надину книжку они собирали деньги на одежду, на его книжку — на еду и мелкие расходы. Вот и получалось, что у Нади всегда был карман про запас, а у него никогда не было, есть надо каждый день. Надя после работы занималась уроками Лоры и читала книжки младшей Тасе. В сложных случаях вызывали из кухни папу. Иногда менялись: она на кухне, он с уроками. Может показаться, что это глупости неравенства, но мужчине казалось, что он таким образом и женщине даёт шанс развиваться. Для Нади было секретом истинное отношение к ней Андриана. Он был тихий человек, голоса никогда не повышал и в сложных случаях всегда решал сам. А Надя радостно вздыхала, что избежала ответственности. Она, правда, немного поревела, когда после роддома муж стал купать малютку Лору под пластинку с классической музыкой. Ей это казалось извращением: светлое переживание связывать с физиологией. Дико ей было и тогда, когда не спящего по ночам младенца Андриан таскал на руках и бормотал что-то, тыча пальцем в небо. Он мог два часа так ходить. Но самое главное — он не давал дочке долго кричать и заходиться в плаче. Да и потом, как-то получалось, что Андриан и Лора быстро и молча находили общий язык. Но о чём ей было тревожиться? Не о чем. А она тревожилась.

8. Крах коренной львовянки

Нонка искала свою любовь неустанно и непрерывно. Каждый день казался последним, и она падала в яму отчаянья. И, казалось, что она из неё не выйдет уже никогда.

Начиналось всё очень романтично. Юная Нона, сокращенно Юн-нона, приехала в маленький курортный городок на практику. Родители предлагали пройти практику в родном Львове, но она устала от их мелочного попечения и не пошла на практику по начальственному звонку. Она проявила невиданное и хорошо замаскированное упрямство. Пришла в деканат и сказала, что родители по разным причинам, в том числе из-за неё, попали в зависимость от людей с положением, и она не хочет их больше подставлять. И она поедет в любую тьмутаракань, только бы не усугубить ситуацию. А в деканате подумали: что за ребёнок вырос! О родителях волнуется. Редкий случай. И с удовольствием дали направление в тьмутаракань. И Нонна стала собирать чемодан. Родители кротко просили дочку не задира́ть хвост, но, увы, это было основное занятие Нонны.

Она приехала тогда на практику именно на Лиммаш. Первое, что она сделала, — подделала отчёт о практике. Денёк помучила Долганова, записывая за ним подробную структуру отдела главного конструктора. Побродила по отделу, изобразив несоответствия практической работы по отношению к штатному расписанию. Эти несоответствия она подала как усовершенствования организации труда.

Далее, попав в сектор электрооборудования конструкторского отдела, попросилась в лабораторию точных мер, переписала их технические характеристики и способы достижения точных размеров, разные там оснастки и контролирующие приборы. В каждом секторе она скопировала рабочие чертежи.

Заплатив милой женщине из машбюро посильную сумму, она получила толстый отчёт о практике в трёх экземплярах. Там же ей их переплели в отличный синий коленкор, а пока шли переплётные работы, Нонночка валялась на пляже и оживлённо знакомилась с местным контингентом. Там-то и подсмотрел её или, наоборот, она подсмотрела его... Это остаётся тайной, но именно на пляже, где Нонночка умирала с голоду, она проявила чудеса изобретательности и выдумки. Пляжное кафе, куда разрешалось входить в купаль-

никах, обычно пустовало по утрам, работающий люд не поплёлся бы на пляж ради обеда, хотя там было очень дешёво, а сгорающим на пляже челам достаточно было фруктов и чебуреков, которые в изобилии распространялись разносчиками. Нонночка постреляла глазами и обнаружила молодого человека, рядом с которым стоял дорогой крокодиловый портфель, и подмигнула ему. Она часто подмигивала незнакомым людям, отчего те впадали в ступор. Это ж было такое наслаждение – смотреть, как они столбенеют! Данный молодой человек по имени Петя, абсолютно не загорелый и оттого очень смущённый, принял этот «подмиг» за приглашение. Через пятнадцать минут Нонночка получила награду за изобретательность в виде замечательного шашлыка и бутылки «Диброя». Молодой человек Петя оказался командированным, он приехал на ревизию какого-то секретного объекта, а какого именно, Нонночка уточнять не стала. «Пётр, — ворковала она, допивая бокал с сухим вином, — я надеюсь, шо ваши страшно важные дела позволят вам оказаться здесь снова. Например, завтра?» И Петя, оказавшийся немногословным, усиленно закивал. Как уж он выкручивался на объекте, неизвестно. Но только основным видом его деятельности стало выгуливание Нонночки по утреннему пляжу, катание её на прогулочном катере, кормление шашлыком, а также вечернее посещение ресторана, причём ежедневное. В результате месяц практики Нонночка провела очень неплохо. Забрав из машбюро свой отчёт, она поехала провожать Петю в Ростов на «Ракете», таком быстром пароходе на подводных крыльях. В Ростове Петя, отметив командировку, продолжил основной вид своей деятельности, и так незаметно пролетело ещё две недели. Всё это не прошло даром ни для него, ни для чувствительной девочки в маечке и в кружевной шляпке, украшенной вязаными вишнями. На вокзале Петя умоляюще посмотрел на неё и сказал: «Оставайся». Но, как уже известно, Нонночка была упрямым существом, и она хотела помотать душу любимому.

— Кажется мне, мы не совсем ещё уверены в наших чувствах, — протяжно сказала она, глядя куда-то вдаль.

— Птичка, тебе было плохо со мной? — голос Пети предательски дрогнул. — Я со своей стороны...

— Шоб ты ещё сомневался! — Нонночка жеманно двинула плечиком, прижав его к щеке. — Я знаю, шо я прелесть, но давай

так: я закончу институт и сюда вернусь, а ты приедешь, и мы решим всё окончательно.

— Ещё целый год! — воскликнул Петя. — Как я должен прожить этот год? Живой я человек или нет? А ты, видимо, этот год скучать не будешь...

— Видишь ли, Петечка, наша встреча, естественно, не игрушка, для меня это событие, но ты пойми, у меня много мальчиков во Львове и твёрдой гарантии, шо я замуж не выскочу, нет!

— Нонна, понимаешь, ну как бы тебе то сказать, если мы расстанемся сейчас, ты меня забудешь, ты вниманием избалована, мужчины сами падают тебе в ноги, я на себе это прочувствовал... Это приятное занятие... Не уезжай. Хочешь, завтра отнесём заявление в загс, и я тебя сразу познакомлю со своими?

— Да ну, Петечка... Я хочу пока остаться твоей тайной.

Вот так она осталась тайной и, обняв Петю страстно и длительно, она всё же думала, что назавтра его забудет. Она спокойно поехала домой во Львов, шутя сдала отчёт по практике и отправилась с родителями в Прибалтику. Но время шло. Принимая букеты и любезности от однокурсников, Нонночка чувствовала, как ноет её злое и упрямое сердечко. Она приняла решение и сообщила Пете в Ростов: «Петя, беру распределение Лиманск. Жду встречи кафе «Прибрежное», как договорились».

Так Нонночка оказалась соседкой Валюшки Дикаревой по комнате. Оформилась на заводе инженером в отдел главного конструктора и начала свою трудовую деятельность в качестве зевающей за кульманом цыпочки. Поскольку Долганов уже знал Нонночку, её противный характер, он не строжил её за опоздания, не будил её, когда она дремала, но, если появлялось срочное дело, нужно было подойти к Нонночке, обнять её за плечи и сказать шёпотом прямо в ухо: «Эту штуку, милая, нужно сделать сегодня». Нонночка не реагировала на сигнал, потом через десять минут начинала краситься, а к концу дня кротко выдавала начальству выполненную работу. Вечером она рушилась на кровать, бродила мыслями неизвестно где, потом красилась, собиралась внутренне и коротко бросала Вале: «Пошли».

С тех пор рестораны превратились для Вали во вторую работу. Сначала, когда у Нонночки были свободные деньги, захваченные из дома, это было замечательное развлечение. Нонночка вела себя

как завсегдатай, смотреть, как она изучала меню, — всё равно, что смотреть спектакль. Рисуя мизинцем вензеля по каждой странице, она насмешничала и критиковала всё подряд, а в конце всё равно выбирала сухое вино, виноград и сухой лангет без подливки. «А тебе то же самое?» — улыбалась она в сторону Вали. А той было всё равно.

Наконец однажды, когда в ресторане было совершенно пусто, живая музыка отсутствовала, Валя, вздохнув, спросила:

— Может, хватит на сегодня?

— Шоб я ушла без горячего?

— Так ты уже съела один лангет! И смотри: сегодня никого нет, ну чего высиживать будем?

— Ещё немножко. Ну, не хочешь мяса — давай десерт закажем?

За изнеженной цыпочкой Нонной угадывалась какая-то страшная сила, раньше чем через три часа она из ресторана не хотела выходить.

Отдежурив в «Центральном», они переместились в «Приазовье», потом в стеклянное кафе «Прибрежное», потом пришёл черёд бара «Баркас» в парке, где собиралась уже совсем подозрительная публика. Валя поняла это, когда к ним подошёл плотный молодец и низким голосом пророкотал:

— Двое на двое, сколько возьмёте? — и положил перед ними новенький «Плейбой». Видно, только что из рейса.

— Мы уже заказаны, — бросила Нонна.

Валька испугалась:

— Бежим отсюда.

— Та шо он сделает? — усмехнулась Нонна. — Вслух говорит, значит — неопытный.

Но Валя боялась. Плотный ещё раз подошёл. Тут Нонночка встала, повела плечиком, прижав его к щеке: «Брысь отсюда». И плотный больше не подошёл.

Валя была на нервах от всего этого. Халява, как известно, сладка, но перспектива быть заказанной двое на двое, двое на четверо и так далее её не прельщала. Она давно уже прекратила пить сухое, полностью перешла на морс, и лицо её мрачнело с каждой минутой.

— Нонночка, мы чего здесь высиживаем? У тебя деньги уже кончились, у меня деньги уже кончились, сколько ж можно?

— Знаешь, Валь, мы в своё время с Петей в этом «Баркасе» много часов отсидели, мне кажется, здесь он и появится.

Петя не появился в «Баркасе», не появился ни в одном ресторане города, зато две девушки, Валя чёрненькая, а Нонна светленькая кудрявая, достаточно хорошо примелькались ресторанной публике. К ним уже стали подходить на улице, их стали узнавать.

Даже на пляж по выходным дням стало выходить небезопасно. Валя теперь старалась выползать туда в компании Оврагина и Курочкина. Когда рядом с тобой на пляже такой столб, как Саня Оврагин, можно быть спокойной.

В тот памятный день, когда Нонночка красилась и одевалась особенно тщательно, почему-то листала сборник стихов Асадова, потом взялась за Есенина и всё бормотала что-то себе под нос, Валя, придушив свою жалость, решила положить конец ресторанным хождениям.

— Нонночка, прости, но сегодня ты пойдёшь развлекаться одна.

— Ты в своём уме? Шо люди подумают, глядя на меня в моём одиночестве? Меня ж снимать начнут немедленно.

— Ну и хорошо, — Валя резко отвернулась и начала чего-то судорожно складывать в своей тумбочке. — Тебе понравится какой-то нормальный молодой человек — и ты забудешь своего придурочного Петю.

— Шо ты понимаешь в мужчинах?! Он же нетронутый! Он девственный! Он меня за человека держит! Я ему один раз уже сердце разбила! Нельзя же всю жизнь сволочью быть! Я ему пообещала!

— А почему обязательно я должна отрабатывать твоё честное слово? Сходи с Анжелкой, вон она чепурится как раз.

— Но Анжелку жених пасет! Будет взоры кидать.

— Нонночка, прости, но это твои проблемы, я больше не могу столько пить. Я за последний месяц ни одной книжки не прочитала. Гитара у меня пылью покрылась в палец толщиной. Знала бы мать, чем я тут занимаюсь, хренов молодой специалист... Она бы высекла меня.

— У неё гитара на уме! Книжки на уме! У человека жизнь рушится! А она думает о культурном развитии! Ты мне подруга или нет?

— Странные у тебя представления о дружбе. Если ты так ставишь вопрос, то да, я больше тебе не подруга. Ты хоть раз спросила, нравится ли мне это ресторанное дежурство?

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

— Ах, так! Я её кормлю, пою, выгуливаю, а она такие гадости мне в ответ. Да у меня, может быть, драма...

— Знаешь, Нонночка, какая драма у меня? Ты знаешь, что я люблю человека и не могу даже вида подать, что он мне нравится? Ты знаешь, какой это ужас, мимо него каждый день ходить и краснеть?

— Знаем мы твою любовь как облупленную, весь завод об этом уже знает. И что? Каждый день его видишь! А я?

— Всё, Нонна, всё, ты свободна.

— Ты пользуешься тем, что у меня глаза покрашены, и я плакать не могу, — Нонна вскинула голову, тряхнула кудрями и хлопнула дверью так, что посыпалась штукатурка.

9. Приют музыкантов. Чёрная моль и Андалузия

Валя впервые за последнее время получила право на свободное время и растерялась. Какую же книжку давал ей в последний раз Долганов? Про какого-то врача, кажется... Он должен был поехать в Африку, лечить тамошних негров от тропических болезней. Как звали врача? На «Ц» или на «Ш»? Нет, не вспомнить. Швейцер. Кое-как нашла в тумбочке, в завале. Какое-то ещё срочное дело было. А! Пять писем неотвеченных! Где они?

Ну ладно, найдутся. Недошитая юбка в горошек. Тут все носят в горошек, чем она хуже? Осталось только поясок пришить, да низ подрубить... Валя включила проигрыватель, песни из спектакля «День за днём». «Губы девочка мажет в первом ряду, ходят кони в плюмажах и песню ведут...» Вот почему так миротворно действовала на неё эта пластинка? Потому что возвращала к себе. А то она из себя вышла, и уже давно...

Взяла юбку, быстренько её подгладила и стала шить. На душе было скверно. Любая попытка отстоять себя всегда бьёт по другому человеку. Кто бы ни был этот человек. Допустим, Нонночка — отвратительная цыпа, допустим, она сама должна заниматься поисками Пети. Но как только представить, что она одна сидит в пустом баре, так сердце сжимается. Ну и пусть себе сжимается, пусть оно станет такое маленькое, что не останется места ни для чего...

А как до этого? ...Радио было забито пеной, веселыми громкими шлягерами — «Королева красоты», «Последняя электричка», «А я еду, а я еду...» Когда такое звучит, оно настраивает на прыжки и на уборку территории. Невозможно же как-то уйти в себя от таких музык. А в институте она уходила в себя романсами Изабеллы Юрьевой и Татьяны Азаровой. «Милый друг, приходи и останься со мной...» — звал низкий и властный голос. Правда, милый не приходил, а приходил просто друг Акс, только кто он был в Валиной жизни, и, главное, зачем — так и осталось тайной.

«Утро туманное, — пела Азарова, и голос, удаляясь, то сходил к шёпоту, то звенел слезами, — утро седое...» А из таких туманных утр и состояла, собственно, вся институтская жизнь Валентины. В утро туманное, утро седое выскакивала она из общежития и бежа-

ла на занятия. Сквозь ветер, сквозь морось и дождь летело её сердечко навстречу чему-то неведомому. В такое же утро туманное, утро седое она садилась на электричку и ехала на маленькую, но всем известную пригородную станцию, чтобы дорогую кофточку задешево продавать. Весельем давилась девочка, и только на романсах отпуская сжимающее кольцо невезения.

Правда, были ещё и пластинки цыганских романсов, которые нравились ей и позволяли уходить от внешнего шума, но вот как-то на общей пирушке она завела их, не подумав, и с тех пор запиленная до невозможности пластинка перестала её хранить. Перестала защищать от мусора бытия...

Рука бессознательно тянулась включить проигрыватель, но в запасе были только танго Оскара Строка, песни из «День за днем» и гибкие пластмассовые страницы «Кругозора». Опять же пластинка «День за днем» держала не только звуком, но смыслом. Под неё нельзя было читать или переводить инглиш, не отпускала она. В музыке Строка была и стремительность, и в то же время обтекаемость, и музыка уклончиво скользила мимо. Словно она была чужая, и ты её поймала только нечаянно.

Иногда бывало, что песня очень приставала после какого-то хорошего кино, и да, выходили на экран фильмы типа «Добро пожаловать» и «Белое солнце пустыни», после чего и по радио, и на общежитских гитарах смачно запели «Госпожу удачу». «Ваше благородие, госпожа удача. Для кого ты добрая, для кого иначе ...»

И хотя песня была в целом грустной, были в ней залихватские нотки, которые всё портили. Валя была мрачным ипохондрикком, вечной паникершей. И её госпожа удача не задевала никак, ни с какой стороны, к тому же госпожа удача была песней чисто мужской... И когда она приехала в Лиманск, от неё сразу мячом стали отлетать хорошие, в общем, «Александрины», и «У той горы, где синяя прохлада». Эта была та же самая пена, что и по радио.

Валентине, романтической глупышке, надо было держаться за что-то. И она держалась за хрупкий, дразнящий зыбкой радостью мир «День за днём». Потому что там она усмотрела для себя тёплый идеал и ничего не нашла лучше этого. Как родня образовалась. Совпадение понятий – раз. Ориентир на искусство – два. И красота в центре мира. Прозрачная лёгкость во всём. Так бы всю жизнь прожить, не то что песню.

«Я искал в небесах И среди дыма пожарищ... На зелёных полянах И в мёртвой золе... Только кажется мне – Лучше слова товарищ – Ничего не нашёл я на этой земле». Да, сегодня из неё товарищ никакой...

Нонночка пришла в двенадцать часов ночи и привела с собой компанию. Это были музыканты из кафе «Прибрежное», которые там играли, замещая основной состав. Нонночка вбежала, кудри вразлёт, кофточка вразлёт, врубила верхний свет:

– Всем одеться и принять вертикальное положение. К нам гости!

Вот кто такое мог утворить? Это же насилие над личностью. Свинство то есть.

Ниночка, тогда ещё не ушедшая в другую комнату, и Валя, ещё не задремавшая как следует, испуганно подняли головы в бигуди. Через пять минут они напялили халатики и заправили кое-как кровати. В комнату с шумом ввалились трое ребят с гитарами, усилительными колонками и ящиком вина. И началось то, что трудно описать: прибежавшая вахтёрша тётя Даша махала на них руками, ногами и обещала вызвать милицию, но ей выдали персонально бутылку вина и просили потерпеть буквально полчаса.

– Мадам, у нас день рождения, не надо к нам придирааться, мы сегодня отработали две смены.

– У кого же именно? У нас всё общежитие уже спит, десятый сон видит, а вы...

– Ну и пусть себе спит дальше, мы тихохонько.

– Вы, мамаша, русский язык понимаете? День рождения.

– У кого?

– Дык вот, у него, у меня и у него тоже. У нас группа началась ровно пять лет назад!

– Тьфу!

– Девочки, знакомьтесь: Тоха, или Антон Танаев — и руководитель ВИА, соответственно, гитара-соло и вокал, Колян — бас-гитара и вокал, Боб — наш ударник! А вокал он же, только в глубоком подпитии. Клавишница не присутствует. Но она ещё себя покажет, да, Тоха?

– Девочек зовут Валя и Нина, — Нонночка сделала широкий жест в сторону голов в бигуди. — Они молодые инженеры соцпроизводства, очень порядочные и хорошие, в рестораны не ходят, так что вы не очень тут.

— Ну, это потому, что они нас не видели и не слышали, а как послушают, к нам в «Прибрежное» они ходить будут. Разливай, Нонночка, — Тоха щёлкнул пальцами и начал расчехлять гитару. О да, он знал много песен на русском, это была оглушительная ресторанная попса, а чтоб не показалось мало, он и «Семь-сорок» спел, и «Чёрную моль»:

— А я институтка, я фея из бара, я чёрная моль, я летучая мышь! Вино и мужчины — моя атмосфера. Привет, эмигранты, свободный Париж!

А Валька, сдерживая идиотский смех, глазела на них, на институтку из бара Нонку, удивлялась, что всё так подходит. Даже по жанру — такой непроходимый кабак.

Она спросила, икая от смеха:

— Неужели вы и «Шарабан американку» знаете? — потому что это уж вовсе была дворовая лабуда.

Но они не смутились, а, подмигнув, резво запели «Американку»:

— Зачем мне бусы? Зачем мне банты, Коль меня любят такие франты? Ах, шарабан мой, американка! Какая ночка! Какая пьянка! — ударные в виде тарелок и вилок опасно звякали!

Почти на английском Тоха пёл «Имёджин» Лённона. И парчовая чёрная рубаша, расстёгнутая до пояса, и прилипшие ко лбу русые пряди... Колян, маленький смуглявый басист с пышными усами, подыгрывал ему на бас-гитаре. Бобу было сказано, что ансамбль работает в минимальном составе. Клавишница, как видите, вообще домой ушла.

Ребята оказались очень милые, простые, не задирались, не давались. Валя уже не помнила, как она им сболтнула про Цветаеву, как пожаловалась, что её научили только трём аккордам на гитаре. Тоха тут же заверил её, что это дело поправимое, что он даст ей несколько уроков, и она сможет спеть весь Цветаевский сборник, если захочет.

Вроде бы всё, познакомились, подружились. Но в тот вечер, вернее, в ночь случилось и ещё кое-что. Отвратительное поведение Нонны, её диверсия с музыкантами столкнула Вальку со странными, досель неслыханными казачьими песнями. Она вот веселое не любила, а в тех песнях было так много печали, выжимавшей невольные слёзы. В песнях было много повторов, будто голоса водили по кругу, будто слова были совсем неважными, зато музыка

какая колдовская в них была. «По Дону гуляет, по Дону гуляет... — начинал высокононько Колян. И вся троица как волной подхватывала — «По Дону гуляет казак молодой»...И совершенно непонятно, почему казак так вольно гулял по Дону, так и будет гулять дальше, а дева почему-то под мутной водой. И ведь она знала, ведь цыганка ей нагадала, и она рыдала и жалилась отчаянно... Но судьбы не избежала... «О чём, дева, плачешь, о чём, дева, плачешь, о чём слезы льешь? — Цыганка гадала, цыганка гадала, Цыганка гадала, за ручку брала. — Утонешь ты, дева, в день свадьбы своей». Откуда эта обречённость? Может, олицетворение женской судьбы вообще или судьбы казачки конкретно? Андалузия — там вообще длиннейший сюжетный рассказ, прямо роман от лица любовницы...монаха? Валя не поняла толком, но получалось, что любовник монах. Ну, как такое могло быть?

Только горло сжимало от неясной тоски. «Обнаженная грудь так пылает, горит, и чуть слышны аккорды гитары. В винограднике чьи-то шаги шелестят, и мерцает огонь от сигары». Если честно, то было нечто дикое в первом куплете — «и порою спадала с крутого плеча от биения сердца Мантея». Кто спадал или что? Должна бы по идее спадать одежда! Она трогала Тоху за рукав: «Стой, а почему Монтея? Какого такого Монтея?». Он недовольно двигал плечом: «Да откуда я знаю!». Но таинственность песни только увеличивалась от этого...

И вахтёрша тетя Даша примолкла у себя в дежурке, прекратила всех выгонять, видно, и её взяло за душу.

Хорошо, что у Вали оказались яблоки на кухне и ещё баранки с маком, а то целый ящик вина мог бы свалить роту солдат, а не то что трёх хрупких девушек. Проходя с баранками мимо спины Нонночки, Валя прошипела ей в ухо:

— Ты зачем это устроила? Ведь спать никому не дали, да и завтра сами будем как сонные мухи!

— А шобы ты поменьше орала, — небрежно бросила Нонночка, не снимая улыбки с лица. — Каждый раз, как будешь нагло выступать — буду приводить компанию.

...Всё же Нонночка встретила Петю в баре «Баркас». Когда он подошёл её снимать. Он, кажется, уже не был новичком по этой части. Он подошёл со спины и засунул ей в декольте денежную купюру в долларах. Она красиво подняла к потолку грустные очи и сказала:

— Нет повести печальнее на свете — истории про Нонночку и Петю.

И медленно обернулась. И осеклась. Они молча смотрели друг на друга, долго смотрели, он даже присел за столик, такой же белокурый, белокожий, в яркой трикотажной футболке... А потом он пошёл её провожать. И он был уже не тот застенчивый Петя, он был женат и развязен.

Он довольно-таки жёстко отделал Нонну на лавочке в парке... Она, задрожав и заждавшись, не обращала внимания на условности. А он за истекший год значительно повысил свою квалификацию самца и был, кажется, горд собой. За свою купюру он получил всё, что нужно, а другое его и не интересовало.

Она думала: вот так жадность. Она думала, он утолит, наконец, свой голод, и они поговорят. Как он жил всё это время, очень ли страдал. Она скажет, как она жила. Но ничего же подобного.

— Он целовал меня по-французски, — повторяла она потом, как в забытьи, — только по-французски, рот здесь, рука там... Это так заводит, просто ужас.

Нонночка пришла домой под утро и долго рыдала. Опять, конечно, всех разбудила. Падая в постель, она поднимала ножку и шлёпала по ней ладонью: «А ну, цену мне на коленку!» И изображала в лицах, как торгуется с матросом, чтоб дал дороже. Это был полный ужас. Ей потом утром рассказали про торг с матросом, она не поверила:

— Шо вы заливаете? Не могла я такого сказать.

Видимо, Петя её так и не узнал. Или узнал, но сыграл спектакль в отместку. А может, это вообще был не он? Может, ей показалось с её накаленным воображением? И остальное придумала? После того случая девчонки поняли, какой крах она пережила. И если вдруг слышали «Цену мне на коленку», понимали: Нонка набралась уже в стельку, её срочно тащили домой.

А ведь она была чей-то ребёнок. У неё тоже был первый мячик и первый класс. Первые банты и первый танец с мальчиком, первые пятёрки и первые ушибы... И кто-то любил неистово издали, слал деньги, посылки, ждал её кто-то во Львове. Ах, старые глупые родители. Как хорошо, что они ничего этого не видели.

Когда Нонка в тот раз пришла домой, уже под утро, она побузила, падала в истерику. Потом, просто споткнувшись, упала на

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

пол и не могла встать. Смотрела куда в одну точку, под глазами синяки... И молчала. Тогда Валя, не зная, что с ней, нагрела кружку вина с сахаром и дала. И сидела на полу, глядя её по голове. За окном занималось ослепительное утро.

Ангелы святые, ну почему они не спасали её, когда она катилась с горы, стучаясь худеньким телом о попавшие на пути камни? Когда она цеплялась тонкими руками за высохшие травы, за выступы земли, когда голова её неловко подворачивалась, грозя отломиться от шеи. Почему никто не сохранил её в тот момент, когда она посредине улицы кричала «цену мне на коленку»? Ведь дана была красота – пользуйся. Ведь дана была свобода. Ведь столько было ей знаков, что дальше ни шагу, что надо перестать метаться, тихо сесть в уголок и сжаться в комок? И понять, за что такое наказание. Некоторые понимают, но позже. Или на это уходит вся жизнь.

10. Комбинация вместо флага

Жених приехал к Жельке, то есть к Анжеле, утром на мотоцикле, тарарахнув у ворот тучей пыли. Он даже ещё не вошёл, а Желька уже забегала по общаге, застрочила шпильками. Потом мазнула пару раз по себе косметикой и крикнула:

– Девчат, в воскресенье все ко мне на свадьбу. Автобус два раза в день, один кэмэ до станицы. Хоть пожрёте раз в год. Валя, без тебя не начнём. Так и знай!

Сиганула в мотоцикл, и тот с разъярённым ревом урвал невесту вдаль. Валя поёжилась от колющей глаз жизни, протерла заспанные глаза... Юбку с кофтой ей подобрали, подарок общий заготовили, то есть деньги собрали, а Желька сама взяла на базе то, что надо. Осталось только поехать. Делать ничего не надо, сиди слушай тамаду, ешь, пей, отдыхай... Про эти здешние свадьбы такое наговорят, что...

Валюшка попробовала сманить Нонку, но той было лень.

– Шоб я ехала два часа по пылюке, по жарюке? Шоб я, така ягодка, да была вусмятку?

Ехать Вале пришлось одной и в субботу, на воскресенье билетов не оказалось. Кое-как удалось запрессоваться во второй рейс, и два часа её трясло по проселкам как погремушку. Выпав из автобуса, Валя тупо потащилась за оживлёнными станичными женщинами, которые из райцентра несли по четыре сумки через плечо и хоть бы что. Шли, мирно болтали, правда, мало что она поняла из той болтовни.

– Всэ замуравило, замуравило... Гарбузы пожовклы, а бурьян бузуе... (Все заросло, тыквы засохли, а трава бушует)

– Цэж не дать рахунки с тою бахчой (не дать толку с этой бахчой).

– Як що гурты там нэ йдутъ, такничого... (если там стада не ходят, так ещё ничего).

Валя несла только скромный сервиз на двенадцать персон, и то скрипела зубами. Потому что на зубах песок скрипел, а солнце палило, жара под тридцать пять. Как показались домики, она несмело окликнула:

– Простите! К Анжеле Проценко куда пройти?..

На неё глянули впервые за весь километр, хотя она в том же автобусе ехала.

– У которой свадьба...

– Прощаемо, – с важностью и достоинством отвечали станичные. – Туда, дочка.

На широком дворе было полно людей, так что Валя испугалась, что свадьба уже идёт. Но в белом платье она никого не нашла. Походив с огромной коробкой и потолкавшись у одной кучки, у другой, спросила, куда девать подарок, и услышала:

– Гости невесты – туда, белый флигель, первый этаж!

На дверях были нарисованы мелом стрелки, как в казаках-разбойниках: подарок – туда, спать – сюда. Подарки стояли до потолка, кровати до горизонта. Уставшая от жары и переживаний, Валя робко присела на крайнюю койку, строго затянутую солдатским одеялом. Ей уже не хотелось видеть подругу Анжелу, она поняла, что попала на конвейер, и покорилась.

И вдруг – рупор:

– Гости, на выход!

Под деревьями белели буквой «Г» свежеструганные столы. На коротком отрезке стояло пять мощных мясорубок, на которых женщины с хрюском давили мясо. На длинном отрезке стола было чисто, и лежала весёленькая, в радужках скатерть.

– Гости, руки-ноги мыть!

Стояло пять тазов с водой, и на колышке – ворох вытиралок, напротив на деревьях – рукомойники. Гости, их было немного, человек пятнадцать, первая смена – поплескались и смущённо подошли к столам. Валя увидела, как несут прочь три таза фарша, и ей стало не по себе. Молодой парень стоял в торце стола, коричневый и блестящий, как скумбрия горячего копчения. Хоть и был он в жёлтой майке и военных штанах, Валя догадалась, что это тамада. И, правда, тот хлопнул себя по обширной груди и душевно сказал:

– Гости дорогие. За здоровье молодых – все, быстро!

Скромная подружка невесты покорно взялась за стакан с мутной жидкостью и ливанула в себя. Жидкость, оказавшаяся самогоном, взорвалась в ней оранжевым сиянием и забулькала в ушах. Водку ей случалось опрокинуть, но это было явно злее, до того зло... «Мбл... Мбл...» — заклокотал самогон, норovia вылиться.

– До дна, до дна, не ставить! – весело подгонял парень, и Вале показалось, что она тонет – глаза таращились, руки махали. Осилив больше, чем полстакана, она уцепилась за тяжелую скибку арбуза

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

и ткнулась в неё носом, как в берег. Дальше она так и сидела, выев только среднюю часть. «Ничего не пойму, – подумала она, – от самогона жарко или от солнца?» Все вокруг уже весело смеялись, а над чем – трудно сказать.

– А где же Анжела? – невпопад спросила Валя. – Подружка я как-никак.

– Была б ты дружка, пошла бы в другой корпус, а подружка идет на общих основаниях. Тебе вышить дали? Дали. Нельзя Анжелку. Готовится она.

Что было дальше, подружка невесты не запомнила. Проснулась ночью и вышла. Под деревьями горели огни. Весь стол буквой «Г» был занят тазами и кастрюлями. В одном тазу горой мокрая блестящая печень, в другом – котлеты, в третьем – жареная рыба, вареные языки, ещё что-то... Летняя кухня дымила двумя печами, горел костер. Кто же это есть будет? На армию, что ли, еды...

Девушка долго умывалась из бочки и боялась идти в кровать, её бы там опять начало качать и кружить. Попила воды, и её закружило пуще прежнего. Народ ломил ночью как в аду, как на заводе во вторую смену. На фоне ярких звёзд пронзительно пели сверчки. Кусты сирени трещали от вздохов. Непонимающая Валюшка отбежала за флигель по нужде, потом посидела на лавочке в ночной рубаше и пошла качаться дальше. Она была так одинока.

То есть это половодье самогона – это была всего лишь вечерняя рюмка.

За утренней рюмкой был инструктаж, который она проспала. Не уловила главного: если ты гость невесты, то сидеть только с гостями невесты, к гостям жениха не подходить. Поэтому она всю свадьбу недоумённо бродила между теми и другими, нарываясь на сердитые взгляды и окрики.

В машину, чтоб доехать до сельсовета на роспись, она не влезла, села к тому копченому пареньку на мотоцикл, и они оба, ревя, мигом долетели до торжества, когда роспись уже произошла. Жених и невеста расписались, обменялись и стояли как памятники, а престарелый кубанский хор пел трагическую свадебную песню. Песня была душераздирающей, точно хоронила Анжелку, отдаваемую под плеть, под власть чужого мужика.

«Туман яром, туман долиною. За туманом ничего не видно, Только видно дуба зеленого! – стонал хор, и слова двоились, по-

вторялись эхом. – Под тем дубом крыница стояла, В той в крынице девка воду брала...». Хор сгущал мужские голоса, точно прутья жесткие стягивал, а как заходила речь о девушке, взвивался высокими женскими трелями, да так жалобно, жалобно.

«Да спустила золото ведерца... Засушила казакова сердца... "А кто ж тоя ведрце достанет, Кто со мною на рушничок встанет?"» Отозвался казаченька с гаю: «А я ж тоя ведрце достану, Я с тобою на рушничок встану...»

И действительно, вступали на полотенце...

Валя такое видела впервые, восприняла обряд всерьёз. Спиральная юбка в синих полосах надувалась тяжёлым станичным воздухом, крылышки на кружевном топе трепетали, а по щекам сползали слёзы. На неё люди оглядывались, как на дуру. Но она ничего не замечала.

Валя смотрела вдаль на Анжелу, ласково, утешающе кивала ей, пыталась даже помахать рукой, но Анжела не была уже прежней Желькой: она стояла надменно, не видя ничего перед собой. Рыжие волны прически вспыхивали живыми цветами и жемчугом. Трехслойное платье вместе с фатой казалось водопадом. Жених и невеста, утёс и водопад, – сошли по ковровой дорожке с сельсоветского крыльца мимо хора в лентах, сели в чёрную конную коляску, разрисованную под палехский поднос. «Туман яром!» – опять грянул хор, и, встрепенувшись, нескладная Валюшка побежала к ближайшему мотоциклу. От сельсовета к широкому двору Проценок хлынуло народное шествие.

Процесс дарения подарков стал мукой – стояла очередь человек сто. От палящих лучей на подтаявших гостях расплывались темные мокрые пятна. Гости морились, как перед мавзолеем, прочно держа свои коробухи. Те, кто стоял без груза, смущались: ждать долго, а подавать нечего. То есть конверты у них, может, и были, но не будешь же всем говорить, сколько у тебя в конверте... Но зато с конвертами легче было стоять. Одни говорили два слова – и долой, другие долго читали заготовленную речь по бумажке, а в это время задние перешёптывались и обсуждали.

Валя не опозорилась: подтащила сервиз волоком и отбарабанила стишок по открытке. Ей одобрительно закивали.

Желька её не узнала – опять надменный гордый вид, и, что ни чудней всего, дежурно поклонилась ей в пояс, как и всем. Никак не

дала понять, что в общаге они из одной тарелки ели! Валька обалдела – Желька, общежитская дикая орхидея номер один, стала чуть ли не Василисой Прекрасной... И вся эта гордость, надменность и суровый вид – откуда это? А была ведь такая простая... И всё это лишь обряд?

За подарок всех награждали чаркой и шишкой – большой глазированной сдобой в виде сосновой шишки. Валя снова храбро глотнула горячей водки, заела сухой сладостью, и у неё опять всё поехало в глазах – и широкий двор, и толпы людей, и женщины в атласных кофтах, которые сносили на столы еду тазами. Вдоль столов уже стояли ящики с водкой. Но несчастная подружка, честно хватившая самогону дважды и натошак, очень икала. Икала и искала просто попить. К столу пока не пускали.

Подкралась к костру, увидела, что в кастрюле стоит без прищипки бульон, быстро зачерпнула прямо рукой... Счастье, что он был не горячий. Это спасло ей жизнь, перестало дергать под ложечкой. Когда подарки были подарены, снесены опять во флигель и заперты на замок, зарокотал мегафон.

– Гости невесты, теперь для вас музыка... Гости жениха – за стол!

Грянула из колонок магомаевская «Свадьба». Одна толпа послушно стала разбирать жареных куриц, другая обречённо запылила ногами. Валентина, оказавшись рядом с сивоусым казаком, у которого на полосатом пиджаке немо кричали орденские планки, едва успевала подбирать подол чужой спиральной юбки, чтоб его при танце не оборвали. Хорошо, она хоть каблуки не надела, не совладать с ними здесь. Песен пять отпрыгали. Казак толкнул Валю: «Передают сводку!» Рупор повторил:

– Музыка для гостей жениха, гости невесты – за стол!

Валюшка испугалась, что их погонят за чужие тарелки, но нет, их сажали с другого конца буквы «Г». Первый раз. А потом, когда это повторялось и дважды, и трижды, все уже сбились! Это было жутко интересно, так как каждый раз толпа приносила к другой лавке и другому стакану. Первый-то раз Валька нацелилась на курицу. Но успела осилить только малую часть, а мелкой фасовки не было. А когда вернулась, то увидела эту, уже хромую, курицу под фаршированным карпом и постеснялась доставать. Она в панике глянула на другие тарелки, там тоже было два-три слоя. Тогда она

схватила свою курицу и стала шустро заедать её помидором. Время торопило. Еда. Счастье.

Еды было столько, что казалось – никакая сила никогда это не сожрёт, казалось, обобрали все станицы Кубани, чтобы Желькина свадьба погуляла как надо. То она ела что-то воздушное – голубцы в сметане. То огненное – помидоры по-армянски. То врезалась в круг холодца, который непонятно почему в тепле не таял, с яйцом и лимоном посередке. То в розеточку с печенью.

– Гости! Встать!... Гости! Сесть! Все дружно... Плясать, кушать! Отды-хать! – то и дело разносилось из рупора.

Магомаевскую свадьбу перекрывали баянные рёвы. Молодым хотелось врубить магнитофон, а старым хотелось петь любимые песни. На какие-то полчаса молодые и старые совпадали и одинаково истово вытягивали: «Вот кто-то с горочки спустился» или «Ой, цветет калина». Когда грянули «По Дону гуляет...» – казалось, наступила тишина. Что за странная смесь счастья и горя была в этих казачьих песнях? Почему так они схватывали неопытное Валино сердечко? Но потом свадебные вихри враждебные опять разносили недопетые песни по окружающим садам.

Валя без конца путалась, ошибалась и, поскольку никого не знала, ориентировалась на сивоусого казака. Она плюнула на всё, дорвалась до кваса и скоро ей стало невмоготу. Нервно пляша очередную летку-енку, она подскакала к сивоусому и, глупо улыбаясь, спросила:

– Простите! А вы не знаете, где тут у них?..

Но тут слово «простите» принимали за чистую монету.

– За шо простить? – поднял брови казак.

Он кашлянул, харкнул, вытер лицо и шею платком и потащил девку в кусты сирени. Они пробирались по кустам долго, потому что там везде уже кто-то был. Забрели в сад за домом и разбежались. Им, конечно, было всё слышно, но какие мелочи! Над головой щебетали птицы, а по голове стучали падавшие яблоки. Покой. И никаких «сесть-встать»! Чудо! Удовольствие неопишное. Вот так начинаешь всё ценить...

Казак глянул на девушку и засмеялся.

– Шо, поблажало?

– Ага. Спасибо.

– А ты, шо, подружка?

– Ага, а вы?

– Оцэй Анжелы дядько. Заморывся вже. А дэ твiй парубок?

Валя растерянно промолчала. Не поняла, о ком речь.

– Нэма парубка? Отож гарно... — Да как начнет целовать Валю! Наглый какой. Та подхватила свою спиральную одёжу – и драпать...

Дальнейшая смена блюд и декораций пошла в тумане. Рупор призвал гостей на улицу для демонстрации. Свадьба обязана была из дома невесты перемещаться в дом жениха, и тем временем гости невесты опять должны были, как лыски, переть на себе приданое. А гости жениха – идти и обсуждать: какое, да много ли, и так далее. Валюша смутно запомнила, что ей досталось что-то вроде большой подушки в оборочках и ажурное покрывало на плечи. Кто нёс пододеяльники, кто кастрюли и супницы, кто вообще комбинации и платья на плечиках, причем плечики подняты на швабры, как штандарты полка, а пониже – дублёнки и шубы. Перины везли на двуколке.

После девятого вала еды пошёл десятый вал барахла. Это было дико, потому что подушки и покрывала падали в дорожную пыль, и никто не смущался. Тем более никто не смущался, что ветер кольшет комбинации. Валя раньше думала, что её Желька – королева, а тут такое раздевание, унижение. Какое счастье, что Валя не дождалась выноса кровавых простыней, обязательных после первой брачной ночи. Интересно, как они выкрутились, если до того столько времени встречались. А гостям нипочём, им простыни подай. Ритуал! Она бы мешок на голову натянула. Стоял шум и хохот, как на базаре...

Дом жениха был гораздо меньше, но оказался на берегу реки. Наличие столбиков, с которых сняли забор, намекало на сильную подготовку к свадьбе. Поверх грядок был брошен специальный высокий настил. Уж конечно, если бы пьяным гостям говорили, что нельзя топтать грядки, никто бы не понял, для того и настил.

Ослабевшая от самогона, от мяса, от жары и жаркой подушки, неопытная подружка невесты не понимала, откуда взялась эта власть над людьми, заставляющая их так уродоваться. Сгонять столько родни, чтобы сколачивать столы и сносить заборы, день и ночь жарить-парить, ставить большой прожектор на ночь, освобождать корпуса и этажи для ночлега, тратить немыслимые деньги, залезать в долги, вообще заводить эту фабрику-кухню, этот

хай... Ведь никакой же радости от этой фабрики, только команды, только ощущение себя пешкой. И глядя на Жельку, хотелось всем напомнить: она тут самая главная, так сказать, царица бала, но тоже стоит манекеном и подчиняется молча. Было жалко её, было жалко всех. Не так показывали в кино. Не так праздновали свадьбы в институте. Не так представляла себе Валя свадьбу новой подружки.

Ну, стол в саду, ну, родители, может, скрипочка поиграет, Желька посидит в плетеном кресле с женихом и роднёй. Они будут перебрасываться взглядами, только им понятными! Это будет и прощение, и благодарность за всё, что между ними было. За пыльные разговоры, слезы друг у друга на шее, секреты, клятвы... Вино на столе, фрукты, цветы! Цветов – вот чего жаждала бедная подружка, а их в силу бесполезности тут вовсе не предусматривалось.

Она, выходя из двора невесты, узрела на помойке гору котлет, которые жарили ещё ночью, которые она так и не успела попробовать! Над горой котлет стояла туча мух. Валюшка, купившая на весь аванс новое платье и сидевшая на пшёнке, люто завидовала людям, которые могут позволить себе котлеты. Но чтобы позволить выброс котлет – этого понять было уже нельзя...

Очередные хозяева сделали вид, что они не знают, сколько было выпито и съедено в гостях у невесты, как будто не сидели там! Во дворе стояли такие же свежеструганные столы, и волюнка «плясать – кушать» повторилась. Только есть уже ничего не хотелось, и, наверно, это было продумано...

А потом родители жениха стали играть страшный спектакль вроде хора в сельсовете. Они всех расставили полукругом и завели торжественные речи о послушании мужу. Валя знала все тонкости Анжелкиной любви и даже то, как она лишилась невинности, да и вообще, вертела милым как хотела! И вся общага знала об этом. А тут тихий белокурый паренёк стоял в жестяном пиджаке и держал плетъ. Шикарная плетъ с изящной ручкой, витая кожа и позолоченные кисти... Шелепуга? Или как её?

Валя не на шутку взволновалась, лихорадочно хватала за лацканы Желькиного дядьку в орденских планках, уже забыв, что она на него как бы обиделась.

После речей жених выпил литровую вазу вина и как хлестанул Жельку этой театральной плетью! Желька стояла тихо, только чуть

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

дрогнула кружевной спинкой, и её накрашенные глазки налились тяжёлой слезой. Валя зарыдала в орденские планки. Казак схватил её, решив, что она перепила, и понёс в речку прямо в спиральной юбке. Но она сквозь рыдания кричала, что одежда чужая, и хозяйственный казак аккуратно снял чужое, завернув её в свою рубашу. Затем искупал, не тронул, положил обсохнуть и снова чужое надел. Он же с ней и возился потом, собирая по двору невесты её манатки и сажая в последний автобус. Даа, порой не только настроение, но и сама жизнь невероятно зависит от чужих и посторонних. Благодаря этому дядьке с Валентинкой ничего не случилось. А если бы он оказался не таким хорошим? Или с ним была бы жена, которая не дала бы ни минуты свободы? Вот именно.

В общаге Валя проснулась утром в понедельник.

– Всем встать! – зычно крикнула вахтерша тетя Даша. – Чайники кипят! Валь, твой багаж у меня в холодильнике.

Это было мудро, потому как в общем холодильнике всё растаскали бы девчата с голодающего Поволжья...

Валька, сдерживая похмельную дрожь, на цыпочках подошла к именному холодильнику тети Даши и обомлела. Там было два целлофановых мешка жареных кур, печени, арбуз и многое другое, что предусмотрел хороший сивоусый казак, поминай, как его звали. А как звали-то? Степан? Трофим? И не спросить было, потому что Жельку уже отвели в дом белокурого жениха и там оставили навсегда.

11. Весёлое пенье гудка

Тело болело так, будто по нему процокал казачий скакун. Су-ставы тупо ныли, словно тело пропустили через обдирку чугунного облоя. Были такие барабаны, тарактели, как сто тракторов. Кожа в желудке скручивалась чулком и лезла наружу. Не было возмож-ности встать, нормально одеться, сходить в умывальник, руки-ноги не действовали. А неужели ещё на работу придётся идти? Нет, это никак не получится. Что же делать? Что сказать? Что два дня на свадьбе самогон пили?

– Не могу идти на работу, – скрипучим голосом Бабы Яги воз-вестила Валя, – буду лежать, пусть хоть расстреляют.

– Хох! Кому ты нужна, патроны тратить... – таким же точно скрипучим голосом отозвалась Нонна.

– А-а? – раненая Валька так удивилась, что повернула голову. – Ты же не была на свадьбе, а ты что? У меня как раз производствен-ная травма! Долг выполняла...

– А ты всегда не живешь, а котлеты отработываешь! Ну, а мы с Леркой, Танькой и Оврагиным были на пляжу, а потом, конечно, пошли в «Прибрежное». И вот результат. Если бы Оврагин был бед-ный, мы так бы не разошлись, а то он богатый, и мы разошлись...

В дверь застучали. Влетела Лера.

– Вставайте, девчонки, быстро! Резко вставайте.

– А что? Война?

– Ещё только полседьмого!

– Нас корячит.

– Нас плющит.

– Мы калеки.

– Да знаю я всё. Оврагин сказал – если мы выйдем в полседь-мого – он вылечит.

– Знаем мы, как он вылечит. Нальет чекушку, и мы с катушек долой. И на работу на четвереньках.

– Но что-то надо делать! Нонна, вставай.

– Ой, как будто Оврагин из частного сектора сюда через весь город пойдёт! Шо вы ото мне втираете! Оно ему надо, чужое горе? Его не берёт алкоголь, ему не понять.

Лера, сама еле держась на ногах и хватаясь за косяки, вдруг рассмеялась.

– Ну, вы и даете!

И стала бросать в подруг лифчиками.

– Да скорее вы, блин!

– Лера, Лера, ты очень резвая, ты лучше юбку мою найди...

– Не злите меня. Что попало – надели, ну? Что попало!

– А когда краситься? – задала нелепый вопрос Нонна, трясущимися руками застегивая очередные красные шорты. – Ой! Помятое, помятое всё!

– Я сейчас дам – краситься, – завопила Валюшка. – Ты ещё про ванну вспомни! Нет, господи, нельзя так пить. Нельзя вообще пить... Я чувствую себя последним «г». Вы идите, а я пойду...тошнить...

– А я вообще ничего не чувствую... – бормотала Нонночка. – Ничего. Всё онемело – стыд, страх, долг перед обществом...

– Э! Ну-ка стой! – Лера поймала Валю. – На выход, девушка. Сейчас же перестань тошнить, ясно? Нас люди ждут.

И вытолкала Валю на свежий утренний воздух. Она и в правду была хрупкая, но резвая, просто заводной Буратино. Она прислонила Валю к стене, потом, видя, что ненадежно, усадила её прямо на ступени перед входной лестницей. Валя села, растопырилась. Локти на расставленные коленки и на руки свою бедную голову... Хорошо, что платье длинное, поза не важна. Потом Лерка сбегала за копушей Нонной и, подхватив их под руки, кое-как вывела за ворота. Оглянулась – и налево, к центру. Они вроде бы бежали, то есть махали руками, перебирали ногами, но это была не ходьба, а одна суета, курам на смех. Да к тому же непрерывно ныли, черты-хались на свою непутёвую жизнь.

– Давай доедем, Лера!

– Куда хоть тащишь, скажи...

– Ага, я вам, пьяницам, такси буду ловить... Разбежались. Соберитесь. И ножками, ножками...

Никто никогда не видел Леру такой. Глядя на неё, девчонки понимали, что она и на войне не растеряется. Пилотку ей, сапоги!

Автобусы только начинали ходить. То здесь, то там шаркали дворницкие метлы, главные тротуары были уже мокрые от поливальной машины, автомобилей мало, и особенно сильным звуком был только лиственный шелест. Шелест был такой, ровно дождь хлестал. Сквозь эти кроны простреливали солнечные лучи, падавшие с густо-синего неба. Такое ликование жизни, а тут такое безоб-

разие. Только хотела Валя отбежать за остановку, как её жёстко взяли под локоть. Ну, конечно, это был Оврагин, кто же ещё. Для таких людей алкоголь что капельница – всё растворяется без осадка. И вид: будто не пил. Лицо улыбается, губы яркие, глаза сияют. Джинсы чистые, футболка глаженная, ковбойская шляпа набекрень.

– Опа! Какие люди без охраны!

– Осторожно! Саня, нас нельзя кантовать.

– Мы умираем. Оставь нас в покое. А ты иди, пробивайся к нашим.

– Мы не пойдем на работу, сейчас найдём где-нибудь газировки, минералки и наплевать на всё.

– В конце концов, жизнь дороже. Придумаем что-нибудь...

Оврагин посмотрел на скорбную группу калек-побирушек, склонив голову набок, как птица.

– Чё-то не видно у вас, русалки мои, трудового энтузиазма. Ну, нельзя же так раскисать после невинной вечерней рюмки. И в «Прибрежный» вас чё-то резко понесло.... Я отговаривал. Ну ладно Валюшка, она на свадьбе, там не открутишься. А вот автобус. Живо за мной.

Так они сели на автобус, вялая интеллигентская прослойка, по-нукаемая сильным гегемоном.

В автобусе они тут же начали дремать. Оврагин ехидно усмехался, отпускал всякие недобрые шутки и подколы.

– Вы спите, спите. Вы знаете, что вас сейчас хоть голыми руками бери. Сопrotивляемость на нуле.

– Тебе бы всё бы взять... Что плохо сидит... Только об этом и думаешь, – хихикала Лера.

– Да ты смотри, какие вареные. Рыба отварная, соус польский...

– Ой, на шо вы про еду! Тож невозможно слушать...

– А не каждый бы такое и взял. Тебе-то всё равно, лишь бы завалить, – огрызнулась Валя, будучи с закрытыми глазами.

– Оппаа! Даже во сне лается. Адатная. Характерец.

Они вышли у рынка, пошли за Оврагиным в какие-то переулки и оказались у закрытого пивного павильона. Оврагин постучал, открыли не сразу. Потом он о чём-то поговорил с женщиной в синем халате, быстро, что-то ей подал. И спустя минут десять вернулся к унылой компании. Подал Лере газеты, та их живо разметнула на плиточном тротуаре, и Саня водрузил в центр сверкающий баллон янтарного цвета.

– Кресла для алкашек не предусмотрены. На корточки сесть можно. – Он, гад, весь так и морщился от сдерживаемого смеха. – Но сначала все по глотку, чтобы войти в сознание. Из которого все вчера вышли.

– Опять? – удивилась Валя. – Опять все по команде? Это казарма настоящая...

И Саня нежно и крепко держал баллон, аккуратно поднося к каждой из квелых девиц, ну, потому что самостоятельно никто бы три литра не удержал.

Всё в полном молчании. Шутки в сторону. Лишь глубокие вздохи.

Потом завертели головёнками, осмотрелись. Мир приобретал краски. Ахх!

– А что же ты сам?

– Мне пока и так хорошо.

– Надо же, не бывает похмелья у человека...

– Это, конечно, достоинство... И ещё какое.

– Нет, это страшный недостаток!

Солнце почти уже проснулось, небо прояснело и стало из синего бледно-голубым, по нему зачиркали крылья чаек. Улицы и внутренняя площадь рынка, залитые солнечным светом, стремительно теплели. И купались в его ласке все – и люди, и воробьи. Тем временем Саня деловито распотрошил ещё один пакет из рюкзака, достал таранку, легко разделил на спинки и половинки, будто салфетки разорвал.

– Тарань, девочки, слабовяленая... Держите, вот, вот и вот.

Тарань придала питию невиданное богатство. Все сели на корточки, сосредоточились на рыбе. Она была хоть и слабовяленая, но соль-то всё равно содержала. И хотелось снова пить. А разливное пиво в Лиманске было очень крутое, густое и солоноватое, и водопроводная вода тоже была солоноватая. Получалось недурное эхо и вкусовая гармония.

Вот не было ни у кого фотика, чтоб такое снять! Разве кто-то мог об этом думать, выползая из дому?

У входа в закрытый пивной павильончик сидели они в кружок на тротуаре вокруг расстеленной газеты. И перед каждой – горка рыбных очисток, а в центре стремительно пустеющий баллончик. Нонка в своих заливчатских красных шортах и чёрной майке, Лера в

наполовину расстёгнутом джинсовом сарафане на топик-тельняшку, Валяха в длинно-цветастом штапельном, расстеленном по тротуару платье. Саня, в чистых светлых джинсах и ковбойской шляпе набекрень. Вот они, примерные девушки утром рабочего дня.

– Шо ты, Саня, раньше не говорил, куда ведёшь? Мы бы швидче бежали! – улыбающаяся Нонка заметно подобрела.

– Да, это настоящая реанимация, – задумчиво проговорила Валя, держа во рту рыбий хвостик, как сигарету. – Откуда у тебя такой блат, что тебе в семь утра дают на разлив? Это вообще, наверно, тайная власть над миром.

– Ошибаешься, дорогая! Сейчас давно уже не семь утра. На часы посмотри!

– Не хочу! Мне и так нормально!

– А вот интересно, Саня, – проворковала хитрая Лера, – ради кого весь пир? Тебе кого всех жальче из нас?

– А ты, Лера-Лорелея, во всём видишь мой шкурный интерес? Только? Может, мне всех жалко?

– Нуу, Саня. Ты что хочешь сказать – ты добрый.

– Это ты говоришь. На таранку, иди на таран.

– Девчонки! – Валя встала в полный рост. – У меня такое впечатление, что Саня добрый без оговорок. А я...

В этот момент подкатил к компании человек в майке и с красными глазами. Он подошёл и стал мяться.

– Эй, робя... – пробормотал он, стесняясь.

Все замолчали.

– Слышь, бригадир. У тебя, я вижу, бригада в сборе. Не плеснёшь?

– Иди, иди, кукарек. Сейчас откроют пивнушку.

Валя, которая только сейчас вякнула о доброте, испугалась, что впечатление будет испорчено, схватила баллон и плеснула человеку в майке в пластиковый стаканчик. Тот исчез.

– Прости, Сань, пусть идёт, а? Тоже ведь несчастный?

Оврагин добродушно пожал плечами.

В это время внутренний дворик рынка уже незаметно заполнился народом, застучали тележки с товаром, заоткрывались палатки. Пора было и честь знать.

– Ну, шо, родные мои, живем? Як шо гарно посыдили, так гарно пидэмо?

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Прямо не узнать стало помятую Нонку. Лера вообще заливи-сто хохотала. Валя быстренько собрала остатки в газету и за-пахнула в урну.

– Не знаю, как вы, девчоночки, а мне пора на работу. Пойдѣшь, Нонна?

– А то ж!

Они по очереди подошли к Оврагину, трогательно чмокнули его в щѣчку и пошли. Раз он не спешил, значит, ему во вторую смену.. Пошли! Причѣм довольно бойкой и пружинистой походкой.

Лерка вскоре догнала их, на ходу подкрашивая губы.

– Шо цэ? Уже причепурилась?

– А как же. Глаза уже смотрят, сумочка с собой, на работе буду как штык. Пляньте, девочки, в военторге очередь с утра. Наверно, новые шмотки привезли, зайдѣм?

– Разбежалась! Сейчас проходную закроют. «Кудрявая, что ж ты не рада весѣлому пенью гудка?»

– А правда жалко, что теперѣ нету гудков! Гудел бы и нас подбадривал.

«Не спи, вставай, кудрявая, в цехах, звеня Страна встаѣт со славою на встрече дня!»

– Да есть они, Валя, просто их дают для рабочих в восемь, в четыре на вторую, в двенадцать на третью, а сейчас скоро полд-вятого.

– Успеваем!

Недалеко от проходной они столкнулись с Долгановым. Две девицы побежали вперед, а Валя нет, не побежала, наоборот, даже шаги замедлила.

– Здравствуйте, Андриан Ильич.

Он искоса на неё глянул и хмыкнул.

– Я удивлен! Лишь небо розовеет. Но сеньорита, вы уже пьяны!

– Случается, сеньор. Зато я здесь. Пред вашими очами! Вы не рады?

Улыбнулась. Показала пропуск, дальше пошла, глаз не отрыва-вая. Ну, совсем, совсем уже!

12. Ликбез по искусству: о наготе

Долганов и Валя встретились после работы на проходной и побрели в сторону библиотеки. Там бывало, люди толпились на абонементе, а в читальном зале всегда было пусто и малоллюдно. Только в углу седой казак листал политическую прессу. Или две девчущки-щебетушки сводили выкройку с немецкого журнала на большом столике с подсветкой. В углу, у окна — банкетки с фикусами, всё культурно. И в этом райском месте Валя украла Фолкнера, подумать только....

— А почему вы и в этот раз не хотите мне в долг дать?

— Да, бесценная, я тебе обещал, но так получилось, что я заплатил энную сумму за новые книги по искусству, поэтому...

— Вот?! — возмущённо закричала она. — Для вас книжки дороже живого человека! Может, мне больше не к кому обратиться.

— Разумеется, ты должна обращаться ко мне. Но тебе не приходит в голову, что ты просишь одно, а я даю тебе другое.

— Зачем же мне другое? Мне как раз тоже нужна энная сумма.

— А вот зачем?

Он посмотрел куда-то вдаль и задумался, как бригадир над пятилеткой. Эта его манера обрывать разговор всегда создавала в воздухе напряжение. Его пальцы гладили стопку книг в газетной завёртке, завёртка эта была в синей хлопчатой сетке. И на углах газета уже прорвалась. Он гладил эти книжки, как будто хотел их уберечь от всех тупых людей города. Пошевелив губами, он так ничего и не произнёс, а Валя готова уже была бить копытами, чтобы бежать дальше. Но что-то её удерживало.

— В нашем уютном милом городке нет ни одного человека, который похвалил бы меня за покупку этих книг. Так?

— Ещё бы, никто не похвалит.

— Поэтому и никто больше не сможет тебе рассказать, о чём эти книги написаны. Только я, понимаешь? У тебя есть шанс, девочка моя, чтобы стать умнее... чувствительнее... тоньше. Понимаешь?

— Да зачем же мне это?

— Затем, что тебе улыбается судьба.

Начальница читального зала погрозила им, что громко говорят. Пришлось выйти.

Они прошли торговый квартал и свернули в парк. Как всегда, там было оживлённо: около песочницы пищали дети, колыхались коляски, от танцплощадки с большой голубой эстрадой доносились отрывистые звуки электрогитары и сонный хрип микрофонов. Труженики культуры готовились к вечерним танцам. Нашли лавочку.

— Помнишь, я тебе альбомы показывал? Думаешь, для чего?

— Ну, я догадываюсь. Просвещение! У вас же нет шкурных целей. Это раньше я бы точно подумала, что вот, мол, мужчина марки клеит. А теперь я понимаю, что это какая-то программа ликбеза.

Долганов протяжно вздохнул. Он всё вертел в руках синюю сетку:

— Видишь, кое-что ты уже понимаешь. Не такая дикая, как...

— Да ну ещё, стыдобища. Перед вами я как раз и есть голая. И мне стыдно.

— Никакой стыдобищи, дитя моё. Быть голым — значит быть лишённым одежды, и это слово предполагает известную неловкость, которую большинство из нас испытывает в таком состоянии. Ну, например, голая Валя оказывается на планёрке.

— Это кошмар, которого, надеюсь, никогда не случится. Ну, если только в воображении главного инженера.

— Не говори ерунды! У него голова забита другим. Ты просто его не знаешь. Ну, в общем, слово «голый» предполагает, конечно, стыд. Нагой — в этом нет никакого стыда, никакого неудобства. Ты помнишь, в учебниках древнегреческие статуи? Они почти все без одежды, но почему они не голые, а?

— Потому что красивые.

— Ну, вот видишь, даже на таком уровне чувствуется разница: когда тело — основной предмет живописи, скульптуры, вообще искусства, то эстетика властвует сильнее всего. И когда Юген писал ди-карей на острове, он внушил им: ради искусства ничего не стыдно.

— Но вы же сами говорили, что на острове у него была женщина-таитянка.

— Но то женщина в хижине, а то женщина на холсте. Ты, кстати, прочитала книгу?

— Да не всю ещё.

— А что так?

— Много страданий. Не ожидала, что художник пока что-то создаст, должен такие муки пройти.

— Муки проходят все. Понимаешь?

— Да, понимаю.

— Ты не против, если я ещё немного тебя помучаю? Мне уже самому пора идти, но есть некоторые моменты, о которых скажу. В древнейшие времена художники изображали людей, как правило, нагими. Потом катились эпоха за эпохой: менялись костюмы, причёски, очертания оружия, посуды, человеческого жилья... А в нашем столетии, когда мы шаг за шагом избавились от наследия Греции, ожившего в эпоху Ренессанса, отбросили античные доспехи, забыли мифологические сюжеты, усомнились в доктрине подражания, одна лишь нагота уцелела. Это что-то вечное, это волнует людей, разделённых столетиями... Скажи, Христос на распятии голый или нагой?

Валя кусала губы. Она, конечно, думала, что голый, но понимала, что в духе этой дурацкой беседы не должна так отвечать.

— Нет, конечно, не голый.

— Почему же? На нём ведь нет ничего.

— Потому что на распятии на него никто не смотрит, как на мужика, а как на жертву. А туловище тут уже ни при чём. Страдания глаза застят. Понимаешь, что ему пришлось вынести.

— Ну, Христос, наверное, всеми так воспринимается, но это особый случай. А вот если просто человек?

Она подумала.

— Я бы ещё сказала, что Венера... Ну, та, которая без рук. Вот она совершенно точно не голая, а обнажённая, то есть нагая. Это слово более холодное и более подходящее, но вы сейчас опять скажете, что богиня, статуя, а надо просто людей. Вспомнила, мне книжку дарили с рисунками Рубенса. Там тоже много обнажённых, но, конечно, это не голые. Там у мужчин тела все из бугров, как из бурунов кипящей воды. Эти рисунки много страсти выражают, чувства бешеные. И это без слов понятно...

Долганов хоть и вышучивал Валю, но понимал, что она не просто девочка из «сборочного цеха», всё-таки можно ей что-то вдолбить, если что-то захотеть. А ведь большинство таких, которым не вдолбишь. Насчёт богов тут не о чем говорить. Художники намеренно избирали их предметом изображения, чтобы была дистанция. Написали-то они их с обычных грязных натурщиков. И что интересно, на эту долбёжку приходится тратить гораздо больше

времени, чем, например, на разговоры с дочкой Лорой. И дело тут не в художественной школе, а видимо, в среде. Лора многое понимает интуитивно, хоть маленькая. А Валя...

Долганов был недоволен собой. Он виделся себе противным, скучным занудой и боялся, что мимолётный интерес Вали к альбомам по искусству быстро пропадёт.

— Художники древности писали обнажённых тоже как богов. А вот рисунки Пикассо зачастую были свободны от безумных метаморфоз, причинивших ущерб видимому миру. Он создал серию обнажённых. И знаешь, какое главное впечатление? Свобода. У него нагота — это нежелание считаться с условностями мира. Вот, они несутся в хороводе, подхваченные вихрем радости или отчаяния. Им всё равно, что вокруг. У них упоение. Упоение их несёт. Видела репродукцию у меня на стене?

— Видела, конечно. Но люди-то там не настоящие. А такие, приблизительные. Поэтому там никакая не нагота.

Он улыбнулся. Придирается.

— Согласен. Только главное в их танце не тело, а чувства. Короче говоря, нагота — это не цель, а средство, то есть форма. Видимо, нагое человеческое тело само по себе — это то, на чём глаз останавливается с удовольствием и изображение которого мы всегда рады видеть. Но тот, кто посещал художественные школы и видел, как усердно студенты рисуют бесформенных и жалких натурщиков, знает, что это иллюзия. Тело не относится к предметам искусства, которые могут быть просто скопированы, как тигр или заснеженный пейзаж, и благодаря этому становятся искусством. Очень часто, глядя на растительный или животный мир, мы с радостью отождествляем себя с тем, что видим, и из этого счастливого единения создается художественное произведение. Такой процесс называется эмпатией, восприятием приятного. У тебя была эмпатия таитянок. Но множество обнаженных фигур не погружают нас в состояние эмпатии, а напротив. Молчаливый диалог возникает только с одним человеком.

Она недоумевала: ну голый, ну нагой — всё равно это какая-то запретная область, если в неё углубляться, то становится опасно. Может быть, поэтому от подобных разговоров у неё дрожали пальцы и ныли суставы. Но она же когда-то мечтала о проводнике в высший мир. Был у них в институте философ, который очень го-

дился для этой роли. И влюбиться в него, старика, было нельзя. Но она же влюбилась. А что уж говорить про Долганова, красивого, грустного человека с чеховскими старинными повадками. Который не может её просто обнять и всё. А будет травить умными разговорами. Она чуть не заплакала. Потом подняла глаза на чеховского человека и робко спросила:

— Это вы сами придумали или из книжки?

— Да, из книжки, из книжки Кеннета Кларка «Нагота в искусстве». Возможно, есть и русские авторы, но мне попался этот. Будешь читать?

— Я ещё Гюгена не прочитала. Вы лучше мне иногда роняйте зёрна, я привыкну, и тогда, наверное, мне не страшно будет читать. Она у вас дома?

— Она у меня с собой, хотя я её читал раньше. Сфотографированную, мне приятель дал. А теперь она у меня настоящая есть.

— А вы отрывок наугад прочитайте, а то мне надо бежать, и вам надо бежать. Вот какой вы хитрый всё-таки. Я просто не знаю...

— Хорошо, цитирую. «Если нагота трактована так, что возбуждает в зрителе мысли или желания, возникающие по отношению к материальному объекту, то это — ложное искусство и дурные нравы. Эта заумная теория противоречит жизненному опыту. Среди воспоминаний и ощущений, возбуждаемых Андромедой Рубенса, много таких, что возникают по отношению к материальному объекту... Но ни одно изображение обнажённой натуры, даже самое абстрактное, не может не вызвать у зрителя отголосок эротического чувства, пусть это будет его легчайшая тень... А если оно не вызывает этого чувства — вот тогда это ложное искусство и дурные нравы. Желание овладеть и слиться с другим человеческим телом настолько присуще нашей натуре, что наше суждение о том, что называют чистой формой, неизбежно подчиняется ему. И одна из сложностей, связанных с наготой как предметом искусства, заключается в том, что эти инстинкты не могут оставаться скрытыми и сублимированными. Значимость эротического содержания художественного произведения в конечном итоге очень высока. Скульптура индийских храмов десятого века полна неприкрытого восторга плотского желания, и в то же время она — великое произведение искусства, поскольку эротизм является составной частью его философии».

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Он замолчал.

– И что, очень страшно? Заумно?

– Вы знаете, нет. Получается, что это – не заумно и не стыдно. Что стыда вообще нет. Тут разговор идет совсем на других волнах. А это – в индийских храмах... Ну, восторг плотского желания. Это то же самое, что у таитянок Гогена?

– Видимо, речь идет об аналогичных вещах...

Как он смеялся, это надо было видеть... Спросить бы его, как он сам себя ощущает после всех этих трактатов. А то всё Валя, да Валя...

13. Ночные слухи: Зяблику конец. Гуляние в помидорах

В общежитие долетали отзвуки многочисленных слухов.

Поздно вечером перед входом в общагу столкнулись двое. Каждый из них преследовал свои тайные цели, но здесь их дороги пересеклись. Один был Оврагин, второй – Кириков.

– Обалдели! Дверь закрыта! «Уж полночь близится! Но Германа всё нет». Ты что тут сидишь? – Оврагин был какой-то взбужденный.

– Жду кое-кого. А Лера только что ушла, – Кириков, наоборот, спокойный, даже сонный.

– Не с тобой ли гуляла? – приосанился Оврагин.

– Брось, – засмеялся Кириков. – Тебе-то что до неё?

Саня Оврагин начал бешено стучать в двери.

– Леру позовите! Как это нельзя? Наплевать, что двенадцать. Мне надо! Ну, тогда Валю...

Но вахтер на такие штуки не поддавался. Мало ли кто пьяный придёт в ночи женщин требовать.

– Спать девчонки ушли, – заметил Кирик.

– Спать можно только со мной. Спать без меня – это клиническая смерть, – он отвернулся и стал швырять камешки на дорогу.

– Зачем тебе две?

– А спорим, могу с обеими?

– Да ну. Зачем спорить? Леру обижать? Славная девчонка.

– Не скажи, Валюха тоже славная.

– В смысле? – Кириков посмотрел на Оврагина с опаской. Они оба были нахалы, но Оврагин – откровенный нахал, так сказать, декларативный, а Кириков – наглец, но замаскированный.

– Во многих смыслах, – Саня достал пачку и стал возиться с сигаретой. – Крутится в конторе. Везде нужен свой человек.

– Я тоже верчусь конторе, как ты знаешь. Ничем не могу помочь?

– Может быть, и можешь. Ты своего шефа быстрее увидишь. Скажи, что у завода оцепление. Там уже всех на уши поставили. Ищут его. Ты разве не в курсе?

– Я в курсе того, о чём мне знать позволено. Про оцепление не знаю. Шеф на косяке с комиссией. А на тему чего и что именно я ему передам?

– Комиссия-то, может, и на косе, но на заводе своя коса имеется. Кто-то наступал на Зяблика нашего сизокрылого.

– Из недовольных, явно Чирко. Он её на пенсию ушёл? Ушёл. Она могла наступать? Могла. Анонимки всегда были, но у шефа со всеми выпито, со всеми спето, со всеми договорено, всем «перший друг». А тут появилась одна особо гордая.

Кириков никогда не говорил раньше таких длинных фраз. Это было не в его духе. Типичными для него были односложные ответы и угрюмые взгляды исподлобья, отчего некоторые считали его питекантропом. Но он таким не был.

– Недовольных много. Ты заметил, в некоторых цехах вообще не дают квартиры. И ещё Долганов его терпеть не может, – Оврагин рассуждал так, как рассуждали все.

– Фиг тебе. Этот из благородных, стучать не будет.

– Я тоже недовольный. При нем сплошняки то и дело. Зачем он Вальку Дикареву отправил на поля? Наказал, что ли? Или это политика? Или не хочет подкладывать под кое-кого? Не пойму я политики этой. В такой момент куча народу едет горбатиться на помидорах. Странно. Всё равно что в КПЗ посадить.

– И как он у тебя, Саня, не спросил? Пошли отсюда, нечего уже тебе тут ловить. Пошли по пиву. Жарко.

– А ты-то куда? Ты же вроде в общаге живешь!

– Время детское. Пошли.

***

Валя спиной чувствовала, что её будут гонять на сельхозработы, как самую молодую в отделе. Но, живя в средней полосе и учась в институте, она обычно отбывала сельхозповинность в сентябре-октябре, тут же оказия эта свалилась на неё в августе – на южных жарких полях всё поспевало раньше. Три дюжины заводских сослани на помидорные поля, а для ночевки отдали школу центральной усадьбы.

Станица Шаровская, которая была этой усадьбой, тянулась на два километра, и на всем протяжении не было здесь ни одного дома бедного либо ветхого. Все дома были справные, высокие, с железным крышами, перед всеми пышные палисадники с мальвами, георгинами, бархатцами. Пока автобус вёз на место, в глаза бросились и зерновая весовая, и целый ряд магазинный, и садик из двух корпусов, весь заставленный фанерными зверюшками и сказочными домиками.

В первый же день нескандальная Дикарева вступила в непримиримый конфликт с бригадиршей Анной Семёновной. Семёновна дала им по два ряда помидоров, пирамиду плоских ящиков и сказала, что придёт проверить работу через два часа. Валя вдогонку спросила, будет ли вода. Семёновна махнула рукой в сторону бочки — так далеко она стояла, что её не было видно. Девчонки из деревоотделочного через час заныли насчёт воды, и, собрав последние силы, пошли к этой самой бочке. А когда вернулись, им навстречу поспешала Семёновна. Она увидела, что рядки не пройдены, ящики полупустые и включила громкоговоритель на всё поле. Валя ей в ответ включила свой. Так они с самого начала не нашли общего языка. Девчонки вступились за Валю, оправдываясь, что бочка слишком далеко... День им не засчитали.

Вечером они достали воды из колодца, кое-как обмылись холодянкой, есть в столовую не пошли, расстроились. Пожевали помидоров, захваченных с поля, да и рухнули спать. Назавтра, наученные горьким опытом, все взяли с собой воды в бутылки.

Валя сцепила зубы, решила никуда не отходить, наверстать вчерашнее. Как говорится, в пустую голову и мысли лезут пустые, в том числе она как-то сразу вспомнила последние события перед отъездом в колхоз. Срывая продолговатые, твёрдые «сливки» с развесистых кустов, она машинально наполняла плетёную корзинку, а сама думала, думала о том, что случилось в последние дни перед ссылкой. Потом подзывала кого-то из соседней гряды, чтоб вывалить помидоры в ящичек, да разровнять их. Некоторые хитруньи даже приспособили платки через плечо, в дополнение к корзинам.

В первый день многие обгорели. Во второй день, махнув рукой на все фасоны, захватили косынки, наволочки, у кого что было, потуже затянули их на голове. Валя давно не видала девушек в платках. А тут сама враз превратилась в колхозницу. Да и ладно — волосы в глаза не лезут, лицо штукатуркой не обсыплется. Целый день на солнце — тяжело всё-таки. Не пляж.

Видимо, личная жизнь Замятиной явно пошла на лад. На вид она была забитым человеком, а вот такому сорвиголове, как Зяблик, она оказалась под стать. Горячность директора, его авантюризм как-то гасились осторожностью и робостью Замятиной. А здорово! Опальную Чирко жалко.

И конечно, интригующее противостояние Команиди и Зябли-

ка тоже было недобрым, и это не давало ей покоя. Ну, хорошо: надо этому Команиди за каждую сводку пуговицу расстегивать на своей блузке. Это ладно. А что, если сводка будет обширной и пуговиц не хватит? Она что, будет у него в кабинете стоять, как эта?! А если это узнают в отделе? Надо, наверно, пойти и пошептаться с женой Команиди, Зарой. Ой нет, только не с женой. Лучше пошептаться с Замятиной, она уж тут всех их изучила. Наверно, у Замятиной тоже были подобные проблемы. Она ведь тоже недавно пришла на завод. Да ещё такая недотрога. А с директором Валя тоже не знала, как себя вести. Слишком он панибратский. Но это панибратство показное. Разозли его только – вылетишь, как Чирко.

Все-таки Долганов возмущался Валею не напрасно. Надо с ними со всеми держать ухо востро. На прошлой неделе носила накладные в деревоотделочный, так начальник сборки, оказавшийся там, сразу ей сказал: взял бы, дескать, вторым экономистом. При этом первый экономист на неё так злобно посмотрела... Долганов прав, что всех сторонится. Он вообще, кажется, другой породы. Вот Оврагин порою нарочно «стихи на сало переводит», а Долганов, наоборот, какой-то излишне «неземной». И у каждого своя крайность.

Тем временем, пока мысли текли по своему руслу, корзинка наполнялась, новоявленная рабыня к ящикам бегала, осторожно перекладывая томаты в ящики в два слоя. Девчонки с её края два раза подходили, давали ей воды. Сама она никуда не отходила. Пользуясь случаем, некоторые смелые разделись до купальников и на следующий день были обгоревшие. А у Вали даже кожа не покраснела. Это была её особенность – она правда никогда не сгорала.

Вскоре пришла Семёновна и придралась к нестандартной укладке овощей. Неправильные ящики она просто опорожнила, высыпав содержимое прямо на землю, заставив Валию по-новому их уложить. Они опять поругались. Девчонки с её края даже не подошли, хотя это была их вина. А Валя в очередной раз оказалась крайней. Она всегда оказывалась крайней.

Вечером они не стали так отчаиваться, колодезная вода придавала им бодрости, они хорошенько поели каши с мясом, навели красоту и двинули на танцы в клуб. Идти было довольно далеко, но всё по прямой. Во многих дворах надрывалась музыка, старая эстрада. Неподдалёку стояли легковушки, обозначая высокий достаток станичников. Да и клуб, на удивление, не был стандартной завалухой,

напоминающей склад. Нет, это было типовое новенькое помещение из серых шлакоблоков, с одной стороны — кафе, с другой — клуб, окружённый по периметру широкой крытой верандой.

К тому времени, как приезжие девчонки нашли клуб, кино уже кончилось, и началась дискотека. Местные ребята сразу же усекли, что контингент поменялся, замелькали свежие городские личики. Когда все, ошпаренные степным ветром, подружки были вмиг схватаны, пришёл черёд и Вали. Ей достался коренастый копченый механизатор. Он даже ростом был пониже, так что Валя, танцуя, разглядывала его стриженую макушку в сенной трухе. В танце он слегка прижал её, она хмыкнула.

– Чего ты, в натуре? – не понял кавалер.

– Ну.. волнуюсь, наверно.

– Ну, тогда выйдем? Тебя как звать-то?

– Меня – Валентина, а тебя?

– Арсений, – важно ответил он.

– Так вот, Арсений, «давай выйдем» – это парню говорят, когда подрастать хотят.

– Что ты, жалочка. Я в смысле, что жарко.

Они вышли на клубное крыльцо, где честно дежурил местный милиционер. Обниматься пришлось за углом.

– Арсений, ну ты как-то сразу.. Ну, давай поговорим, что ли?

– Чё, про писателей, чё ли? Я те не нравлюсь.

– Наоборот, ты очень фактурный. Ну, расскажи мне о себе хотя бы. Я не могу так: «раз — и на матрас».

– Ну, ты как на собрании. Из себя ниче, а говоришь путано. Сама расскажи.

– Давай, – Валя развеселилась. – Я не только «из себя ничего». Смело могу сказать, что я молодой специалист. Работаю в плановом отделе, учусь заочно в институте искусств, на факультете станковой живописи и графики. Люблю стихи, книжку читаю про детство Цветаевой. Теперь твоя очередь.

Арсений молчал. Он уже не то что обниматься, а уже подумывал, как бы смыться отсюда, парня охватила тоска.

– Ну, давай, давай же, рассказывай.

– Так я это, среднюю школу не закончил, на курсах комбайнёров был. Вот, работаю.

– Все?

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

– А чё ещё? В тюрьме не сидел, родителям помогаю.

– Небогато. Всё-таки видный, работающий. Надо бы как-то к большему стремиться.

– Да пошла ты! – вспыхнул Арсений и, резко свернув за угол, исчез из виду.

Валя была разочарована. Вся горя от непонятной досады, она, было, пошла к школе, но идти через всю станицу в одиночку было страшно. Пришлось вернуться на танцульки и ждать, пока всё кончится. Для неё вечер пропал даром.

Сама виновата, что заноситься начала.

В школе все спали на физкультурных матах. Они довольно жёсткие, но от сильной усталости никто особо не выступал. Главное, двери хорошие, с засовами.

– Валь, целовалась?

– Целовалась.

– А что он провожать не набивался?

– Набивался.

– Чего ж рано пришла?

– Не понравился. А ты чего?

– А мне так ничего попался. Маленького роста, правда.

– Что же конкретно понравилось, Тань? Внешность, поведение?

– Что не бухой! Терпеть не могу пьяных. Завтра договорились там же.

Вот тебе, пожалуйста! Совсем другой взгляд на вещи. Таня из деревообделочного, где сбивали тару для тяжёлых станков, была плотная румяная девушка с натурально белыми жёсткими волосами, как свежая стружка. Кажется, учётчица на складе. У неё был строительный техникум за плечами и трезвый взгляд на вещи. Она казалась нетребовательной, много от жизни не ждала, но у неё всё получалось. И в таком мелком эпизоде, как знакомство с комбайнером Арсением, она сумела найти что-то хорошее, а Валя не смогла. Это озадачивало. Выходит, ничего она не понимает в людях...

На помидорных рядах постепенно устанавливался свой режим работы. Валя спросила у Анны Семёновны, ушлой и верткой чернобровый казачки, сколько рядков на завтра и попросилась прийти раньше. Семёновна, прищуриваясь, показала на схеме, как дойти до поля...

– Это чтоб пораньше начать, Анна Семёновна, жарко днём-то. Мы, например, придем с утра, до жары поработаем, вы придете,

запишете — и мы домой. Ладно? На усадьбу, скажите, чтобы овощи тоже пораньше свезли, а то они будут тут зря жариться на солнце, да пропадут. Мы ведь пока дойдём до места, мозги поплывутся... Ни попить, ни руки помыть...

— А руки помыть можно и помидорками, вон их сколько. На следующем поле жёлтые пойдут, — по-домашнему среагировала Семёновна. — Добро. Я ж вижу, вы не ледащи... (не ленивые, значит).

Теперь, когда девчонки приходи пораньше с поля, они успевали поесть и полежать на прохладных матах, а в клуб даже на киноленту можно было подгадать. Всё же удивительно, что клуб-то каждый день работал. Один раз даже видели, как с другой стороны, в кафе, свадьбу гуляли. Орали песни так, что ни слов, ни исполнителей было не слышно. Такая шла драма «Цветы зпоздалые», а через стенку «Шумел камыш...». Каждому своё. Но дискотека не отменялась никогда.

Валя в цветастом длинном платье, которое, кстати, легко сохло, его не надо было гладить — пришла с Таней. Но та быстренько увидела Арсения, и они в обнимку пошли на медляк, то есть на медленный. Валя зорко оглядела публику. В ней зрел какой-то странный азарт. Сплошь девки, почти все танцевали друг с другом... Парней вообще мало, да всё какие-то мелкие. Вон тот повыше, но староват. А и ладно. На дамский подошла к нему. Тот просто глаза вытаращил. Смела девка, смела. В танце, когда он руку её забрал посильней, поняла: он с кольцом. А и пусть! Она стрельнула глазами на Таню с Арсением, переложила вторую руку кавалера на свою талию, а свои руки сомкнула на его шее. Старый подхватил игру. Они обнимались очень натурально, пока он не сказал ей прямо в ухо: «Кабы не переборщить». Он её раскусил. Уху было щекотно, и она сделал вид, что не расслышала. Он повторил и добавил:

— Чего, небось, Арсенку дразнишь? Вчера-то усёк.

— Да нужен он мне, — так же в ухо прошептала Валюшка.

«Так вот почему со старым хорошо, — мелькнула в голове дурацкая мысль. — Он всё умеет. Не надо тащиться на улицу, прятаться за углом...» А старый ковбой потихоньку от шепота переходил к делу, засовывая ей в ухо язык, отчего бежала дрожь по всему её горячему телу. И он всё это чувствовал! После каждого её вздрoga он ещё сильнее сжимал её, гладил спину, шею... И вина никакого не надо. Чёрт! «Синий-синий иней лег на провода», — бахала одна и та

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

же музыка, а кто как хотел, так под неё и двигался: кто медленно, кто быстро, в кругу. И лицо у Арсения было такое надутое, красное, что не описать. Уж Валя не могла не последить за ним хотя бы украдкой, пока он танцевал с Танюшей.

На веранде они целовались, пока не задохнулись, она уж в последний момент дёрнула за его руку, которая забралась под юбку:

– Забыл? Я же понарошку!

– Динамщица ты! Как тебя?..

– Валя. А вас?

– А нас Ким. Так вот, Валя... Динамщиц у нас бьют...

Когда на веранду выскочил с папироской Арсений, он словно обжёгся. Никак не мог нормально прикурить, потом старый поджёг ему, они закурили вместе. Арсений, было, двинул за Валею, видя, что она, пользуясь случаем, отчалила. Но старый засмеялся и сам пошёл за ней:

– Обломись, Арсенка, это моя.

О, какое было удовольствие. Не передать. Ей понравилось долго дразнить старого Кима и не довести дело до финала. Она бросилась на маты, счастливо улыбаясь.

Она и вправду динамщица? А динамщиц тут бьют.

Оглушённая солнцем кожа приятно горела.

14. Приём по личным вопросам

Долганов стоял перед Зинаидой Зиновьевной, сунув руки в карманы белых широких штанов, слегка раскачиваясь с пятки на носок. Его напряжённая поза, приподнятые плечи и нахмуренное лицо были признаком сдерживаемого волнения. Обычно он при даме никогда так не раскачивался и не засовывал руки в карманы.

– Зинаида Зиновьевна, вы меня или не слышите, или не хотите слышать. Вы все время – не здесь. Вы же теперь начальник отдела, соберитесь.

– Нет, Андриан Ильич, я слушаю вас внимательно. Вы против корректировок. Значит, у нас половина показателей идёт с недовыполнением. Посмотрите: вал меньше, численность выше, пришли выпускники из техникума, производительность упала. А про экспорт вообще не говорю...

– Но это же объективные вещи! Неужели мы не будем брать пополнение? – Андриан Ильич всё ещё надеялся её убедить. Нашла коса на камень – один честный против другого.

– Пополнение нельзя не брать, – Замятина от искренности даже ладони к груди прижала. – При нашей текучести некому план будет делать.

– А с экспортными что?

– Нужно две, а у нас ноль. Командиры несколько... э... опередил события. – Замятина была всегда в курсе, потому что подписывала оперативные сводки.

– Послушайте, – Долганов продолжал гнуть свою линию, – там, на главном сборочном, огромный запас незавершёнки.

– Незавершёнку не поднять за неделю. Всё. Мы пролетаем с экспортом, тем более в тропическом исполнении.

– Вы хотите сказать, что прошлый месяц подняли только сплошняком? Так пусть выйдут на сплошняк, распорядитесь. Оплатим...

– Где же мы возьмем дополнительный фонд оплаты труда? Вы с Зарой Самвеловной решайте, может, она какие статьи и перебросит, всё же бухгалтерии виднее. Начальник отдела труда вообще отказался это обсуждать. Мы у него премиальный фонд и так затронули...

– Я говорил уже с бухгалтерией... А цеху сказать?

– Нет, Андриан Ильич, меня никто не послушает. Вы же знаете: сборщики запротестовали, на сплошные смены больше не выйдут. Зяблик сам объезжал квартиры на машине, привозил... э-э... напитки. Женщина тут не справится.

– Хорошо, я поговорю с ними. Просто с людьми поговорю, без водки. Попробуем в три смены. Что ещё?

Да, наступало время закрытия месячного плана. И стало ясно, что закрыть его так, как это делали раньше, не получится. Сплошняк, как злобное порождение штурмовщины, всегда выручал завод в таких случаях. Трудно – не трудно, честно – не честно, а план надо было вытягивать. Однако Саня Оврагин со своим дурацким протестом немного не успел. Пока он ходил записываться на приём к директору, прибыла новая комиссия, и выслушивать его было уже некому...

– Андриан Ильич, вы меня правильно поймите. Я рада, что ваш потенциал наконец-то востребован. Директором завода и должен быть такой подготовленный человек, как вы. С идеями, с убеждениями. Но ведь простые люди у нас... не понимают. На культуре производства сколько выявили пьяных? Семьдесят человек. Вы их до работы не допустили. Получился вынужденный прогул. А кому работать?

– Ещё не хватало, чтобы у пресса сидел пьяный и подставлял руки. Криминал будет. – Долганов, правда, не хотел криминала.

– Может, и не подставил бы. А так минус семьдесят, умноженное на два дня. Финансовая брешь. Да ещё начнут предъявлять претензии за вынужденный прогул, а мы им пени платить будем.

– Это у нас отвратительная привычка – бегать за пьяными, – Долганов уже откровенно нервничал. – Умолять их! Ставить на сплошняк! Вы хоть видели, как три смены стоят на водке и на чифире? Я положу этому конец...

Он вдруг замолчал. Потом некстати добавил:

– Вы идёте в столовую?

– Я иду, конечно, но вам накрыто в отдельном кабинете.

– Оставьте, Зинаида Зиновьевна. Это на втором этаже столовой, в оранжерее? Вчера я туда зашёл, а некоторые знакомые мне особы в бикини несут фрукты. Я же не турецкий султан. Не делайте меня смешнее, чем я есть. Что-нибудь ещё?

– У нас в отделе Валя отправлена на сбор помидоров, так сводка неделю никем не отправляется. Дело не в сводке. Половину за-

водоуправления в колхоз угнали. Я даже своих экономистов всех по цехам отправила, сводки считать помогают.

– Понятно. Машины Команиди даст сразу Сулико, она сама отправит. Сулико Ашотовна лучше с ним договорится, чем Дикарева. Предупрежу её. Все, я ушёл в столовую. Планерок не будет больше на этой неделе, я занят.

В коридоре послышался голос Сулико Ашотовны: «Анриан Ильич, вам звонят из УВД, подойдете?» Он вышел, а Зина подумала: «Вредина. Мог бы и вернуть её из колхоза».

В приёмной директора Сулико писала журнал. На запись пришло десять человек, все они подходили по одному, спрашивали каждый своё. Среди них были женщина в красном топе и женщина в чёрном халате. Вошёл Долганов, и.о. директора, весь взмокший. Он стремительно распахнул дверь кабинета, обернулся.

– Сулико Ашотовна, сегодня приём по личным вопросам? Так?

– Да, Анриан Ильич.

– Все ко мне?

– Да, к вам. То есть они были записаны к директору Заблику, конечно, но поскольку так всё быстро случилось, то...

– Надеюсь, не по квартирному вопросу? – он её почти перебил.

– Да, – нестройно ответила очередь. – По квартирному, да, по квартирному вопросу. Вот именно.

– Так. Вы в профкоме были? Документы подготовили?

– Да, были, конечно, всё подготовили, а как же. Сделали.

– А льготники? Утрясли всё с очередностью?

– Да утрясли!

– А мы не льготники. Мы простые очередники.

– А вот мы льготники.

– Что же вы от меня хотите? Сидите и ждите, когда очередь подойдет. У нас на социальный сектор и так очень много выделено... Сдадим дом – получите...

И тут все закричали разом:

– Нам бы визу. Завизировать.

– Нет! Вы подпись поставьте, а то профком даже смотреть не будет.

Долганов длительно вздохнул.

– Давайте так. Давайте уж объективно смотреть. Я только заступил на место и.о. Я не могу с неба квадратные метры брать. Не

могу так сразу отдавать чужие долги. Прежде чем ответить вам, я должен все архивы изучить и на стройку не раз съездить. Никаких виз. Слышите?

Очередь замерла в столбняке. Это было недоброе молчание. После него всё, что угодно может быть. Потом постепенно все начали расходиться, огибая Долганова, размахивая бумагами. Некоторые уходили молча, а некоторые бросали обидные слова типа «бардак» и «беззаконие». А всё потому, что ещё задолго до этого Долганова бардак стал законом...

Сулико посмотрела на него сочувственно, но отчасти и с облегчением. Ведь она думала, что здесь крик три часа стоять будет, вопрос-то какой скандальный. Один директор пообещал, а второй – попробуй, выдай.

– Лихо. А вид у вас расстроенный.

– Блатники директорские. Он наобещал, а я расплачивайся.

– Ну, какие, какие блатники? Простые советские люди. А я даже на очереди не стою. Никто не верит, что у меня нет квартиры. Все уверены, что у меня милостью Зяблика хоромы на лимане. А я в таком же общем модуле живу, как и все.

– А до модуля?

Сулико сделала несколько странных движений. Будто пассы. Или танцевать собралась.

– До модуля я шесть лет жила на стадионе, под раздевалками.

– Завтра же оформите всё в профкоме, и я завизирую, – он сам испугался того, что сказал. Следить надо за своей речью, не с ума же он сошёл?

В приёмной резко зазвонил телефон. Сулико взяла трубку:

– «Лиммаш» слушает. Секретарь у телефона. Минутку, – она кивнула Долганову, показывая головой наверх.

– Да, это я. Не могу, к сожалению, ничем помочь. Автобусы поедут с ребятами в лагерь. Нет, бензина тоже нет. Вы смеетесь? Ну и я – нет. Говорю, лимиты выбраны полностью...

Во время разговора Сулико, стоя в дверях кабинета, делала гримаски и махала руками, складывая их крестом. Она пыталась до него донести, что так говорить нельзя.

– Неслыханно! – воскликнул Долганов, вытирая мокрый лоб.

– Что за выражения! Точно с приказчиком в лавке говорят! «Выдели, братец, пару автобусов на уик-энд». Какой я им братец? У меня

третья лагерная смена... Профком весь в запарке бегают...

– А это разве был не начальник УВД? – она спросила это как-то вкрадчиво.

– Ну и что? – Долганов явно не понимал её намеков. – Чем я мог ему помочь? У него же свой автопарк.

– Ничего. Он тоже теперь нам ничем не поможет... Хм. Вы не поняли, Андриан Ильич. Проверяют они вас. А вы и прокололись сразу. Значит, на шашлык не позовут. И вообще...

От этих простых слов Долганову стало грустно. Будто перешёл он некий Рубикон, за которым к прежнему не будет возврата.

15. Геометрия красоты в книжке и в жизни

Естественно, Валюша не бросилась сломя голову изучать труды Кеннета Кларка. Он вызывал у неё какое-то недоверие. Не то чтобы она была непроходимо глупа, но Кеннет Кларк был не сам по себе, а в какой-то степени посыльным человеком, человеком, пришедшим от Долганова. С одной стороны, мостик. К её ногам опускался мостик, соединяющий с этим человеком, а с другой стороны, с чего она должна идти у него на поводу? Есть ведь и другие мостики. Мемуары Анастасии Цветаевой, например. Это было ей близко, это объясняло тягу к красивым словам. Вся эта нагота опасна, опасна. Он будто бы считал её способной понять, он давал ей это понять! А с другой – от непонятных книг болела голова и начиналась ненависть, как при заваленном зачёте. Да, эта история случилась с ней незадолго до защиты диплома.

Как-то по хрустящему зимнему снежку побежала она в редакцию областной газеты на заседание критиков. Она не знала там никого, не знала даже темы предстоящего собрания, просто увидела объявление в газете, а сидеть в общезитии ей надоело. Она всегда с удовольствием смотрела на новых, умных людей. Она так и говорила: умники — это моя слабость. Вот и здесь так. Умников оказалось в избытке, правда, они все курили и сыпали пепел на полированные столы, но было во всём этом что-то загадочное. Они говорили про какого-то американца: ничего особенного в нём нет, реалист, тот же деревенщик, только из штатов. И вся эта шумиха вокруг его имени – Фолкнер – только из-за запретов, что нельзя публиковать. Запрет всегда порождает любопытство. Ну и кто-то бросил фразу, что ни образный ряд, ни герои никакой новизны не несут.

Для Вали все эти образные ряды были полной абракадаброй, но она заметила, как взвилась при этих словах худенькая женщина с острым лицом. И так она засыпала возражениями скептика, что ядовитые бородатые критики засмеялись, как-то весело засмеялись и продолжали смеяться этим радостным, удивлённым смехом, когда начались аплодисменты.

Вот так впервые Валя увидела Лану. Она стала искать Фолкнера по библиотекам и по друзьям, найти не могла, читала обрывки в журнале, жадно глотала тяжёлый плотный текст, надеясь,

что будет повод ещё раз встретиться с научной женщиной Ланой в тонком полосатом трикотаже с большим шарфом, намотанным вокруг шеи.

А тем временем месяц уплывал за месяцем, и нужно было сдавать главы дипломной работы. Её научный руководитель, декан, в самый острый момент почему-то свалил в Болгарию. Это было странно, но объяснимо. Для деканов дипломники вовсе не стоят на первом месте в жизни. Во дворе общежития уже вовсю чирикал апрель, шелестели липы, а Валя всё ещё моталась на завод, производя хронометраж рабочего времени станочника. Ну, набрала она кое-какую эмпирику, ну, насобирала с миру по нитке объём. Но, когда она отдала свою папку с черновиками загорелому до неприличия декану, сердце её испуганно ёкнуло. Декан был в ярости: половина рукописи была перечёркнута, на половине появились угрожающие сноски, и велено было коренным образом пересмотреть своё отношение к защите дипломной работы.

В те времена дипломы печатали машинистки за огромные деньги. Но Валюша, прибежав в общежитие, рухнула на кровать читать Фолкнера. Она его читала днём и ночью, забываясь ненадолго головой на книжке. Соседки по комнате зудели на неё за круглосуточно горящую лампу, а она читала и читала. Однажды ночью проснулась и стала думать: а что её так притягивает? А её притягивали во всём этом крайности, что женщина покоряла в округе всех мужчин от восемнадцати до восьмидесяти и что каждый мужчина, да и вообще человек, жил в этом пространстве очень естественно, как будто вся эта жизнь создана специально для него. И она думала: «Вот я живу всегда под гнётом и всегда кого-то боюсь и кого-то ненавижу, и всегда я хотела бы делать что-то другое, а я должна делать это. Чего же добиваюсь? Как была я рабой, так буду всегда рабой. А они вот свободные люди».

Пока она так размышляла, на улице светало, и слышался протяжный крик: «Ма-ла-ко, ма-ла-ко, ма-ла-ко» — и громыхали фляги на тележке молочницы. Валюша накинула плащ, схватила со стола кастрюльку и купила литр молока. Кастрюлька молока и буханка чёрного хлеба давали ей возможность ещё день прожить счастливо с Фолкнером и без диплома...

Каждый раз, сталкиваясь с чем-то новым, она не сопротивлялась, она удивлялась до ужаса: когда же этому конец-то придёт,

когда я буду такая умная, что мне не нужно будет больше напрягаться, а всех умственных запасов хватит на несколько лет вперёд. Но отказываться от подарка судьбы было глупо. Тем более она решила заочно учиться в институте искусств, и изучение анатомии человеческого тела там было обязательно. Ей полагалось знать пропорции, симметрию, упругость и апломб, которым любое тело могло себя демонстрировать. Она уже пыталась рисовать своих подружек в голом виде. Ах нет, не голых — обнажённых. Но все эти птичьи грудки, тонкие талии и ручки в браслетах ей быстро наскучили. Мужские торсы ей рисовать было нигде. Особенно такие, которые она видела в книге рисунков Рубенса.

«В исследовании наготы именно непохожесть имеет значение. Греческие атлеты не носили одежды, хотя это действительно важно. Из-за двух сильных чувств, преобладавших в греческих играх и почти отсутствующих в наших, — религиозного самоотречения и любви. Эти два чувства придавали культу физического совершенства торжественность и экстаз, невиданные впоследствии. Греческие атлеты состязались почти с тем же поэтическим и куртуазным пылом, что и рыцари перед своими возлюбленными, но вся та гордость и набожность, которую средневековые участники турниров демонстрировали при помощи блеска геральдической символики, в играх античности была сосредоточена в одном — в обнажённом теле».

Современные мужчины, окружавшие Дикареву, одежду всё-таки носили. Об очертаниях под одеждой можно было только догадываться. И она с некоторых пор стала на них смотреть более внимательно, чем раньше. В ответ она получала красноречивые ухмылки. А как иначе? В данной местности всегда стихи переводили на сало. Тогда она стала брать альбом с собою на пляж. Там в толпе никому не приходило в голову, чем объяснить её пристальный взгляд — вожделием или холодным интересом исследователя. Странно, но на греческих атлетов более всего походил Оврагин, а когда она увидела купающегося в лимане Долганова, она отметила, что он сложен ничего себе, но сутуловат, и вообще, против Оврагина никак не тянет. А должно было быть наоборот. Мечтая о каком-то человеке уже как о любимом, она обязана была обожать его целиком, а она только вздыхала. И ходил он, сутулясь, и носки туфель волочил, и голову запрокидывал совсем по-птичьи.

Однажды она увидела на пляже настоящего греческого атлета. Сходство усиливалось не только математическими пропорциями груди, живота, бёдер, но и идеальным профилем, широко расставленными глазами, гривой вьющихся волос. Она схватила альбом, лихорадочно стала чиркать карандашом. Незнакомец, однако, заметил акцию и лёг на шезлонг, а потом и вовсе ушёл в воду. Разочарованная, она вернулась на сидухи к общежитским девочкам. Очарование и математическая точность пропорций – что между ними общего? Да ничего общего! Возможно, он дополняют друг друга. Но к человеку отношения никакого. Может, он вообще зек какой-нибудь...

У Кларка много разборов того, что в жизни воспринимается как целое. В результате даже человеческое тело в процессе изучения распадалось, как членистоногое насекомое. Временами там была сплошная геометрия. А человека и след простыл.

«Грудную клетку отличает классическая прямоугольность, но она плохо соотносится с плоским треугольником живота. Подобным образом в Луврском фасаде Перро ощущается, что вполне классический верхний этаж опирается на основание слишком жёсткое и тонкое, чтобы поддерживать его.

В юноше Крития эта неловкость полностью исчезает. Ноги и части торса сливаются воедино в однородном, насыщенном ритме. Как это достигается? Начнем с того, что бедра не параллельны: если юноша опирается на левую ногу, то левое бедро должно быть слегка выше. Значение этой позы проще понять, смотря на статую сзади, поскольку спина, как обычно в ранней греческой скульптуре, более натуралистична и пластически моделирована, чем передняя часть. Но, даже глядя спереди, мы сразу улавливаем тонкое равновесие контура и оси, ставшее основополагающим в классическом искусстве. Этот изысканный баланс движений придает торсу единый ритм».

Насыщенный ритм, верхний этаж, «юноша Крития»... Какая уж тут эротика? Она здесь и не ночевала...

16. Конец изгнания. Мир перевернулся

Лавочки перед столовой были мокрые, потому что дворник поливал цветы и кусты, поливал дорожки. Дорожки взялись паром.

Казачка в красном топе помахала рукой старой подружке:

– Привет, лапушка!

Медлительная в синем халатике кивнула ей, рассматривая лавочку, на которую невозможно было присесть.

– Привет, солнце. Как сидеть? Не на чём и посидеть, покурить, – она была очень деловая, без тени улыбки.

А в красном топе вся так и лучилась:

– Ну что? Когда снова на приём? Не соскучилась по нашему красавцу?

– Нет. Он мне не понравился. Такой сухарь. Да это бесполезно всё. Если начал права доказывать, в смысле, что у нас нет прав качать права, так это ясно, что без толку.

Подружка подначила её:

– Может, старым методом?

– Тоже нет. Не выйдет. Эта глупышка приехала из совхоза. Его симпатия.

– Да нет, что ты выдумала! У нового, нет у него симпатий. Это другой человек, понимаешь, дру-гой.

– Все они одинаковы, – упрямылась в синем. – Вон они, видишь? Она, кстати, и домой к нему ходит. Вполне открыто...

– А ты уж всё и знаешь!

– Так я с женой его в одной лаборатории работаю, ты забыла? Сама Надя Долганова и рассказывала. Вот, давай на газетку хоть присядем... Рассказывала, что пришли две девки, всё чин-чинарём: ей вручили букет в целлофане и тортик, ему вино подали. Культурно пили чай, он им показывал свою библиотеку. А там много добра, ведь он альбомы собирает по искусству. Ей Ильич заявил, что это, мол, коллеги, работаем вместе, хотя почему такие молодые? Одна – инженер, которая приехала... А вторая – в плановом. С такими дружит, значит. Наде неинтересно бы было, только про картины он и говорил, а она всё это знает. А когда он симфонии свои завел на пластинке, она извинилась и ушла.

– Ага, – заключила та, что в красном, – вот, значит, каких ему надо.

– Да! Чтобы в рот смотрели! Нам с тобой – дохлый номер, – улыбнулась та, что в синем.

Валя Дикарева шла по коридору, навстречу – он.

– Здравствуйте, Андриан Ильич.

– Ну и загорела, синьорита таитянка.

– Я не то что загорела, я прошла это... Ну... Знаете, как горшки в печи обжигают... Прошла обжиг, закалилась... Вы в столовую придёте?

Долганов закивал, замахал рукою:

– Наверное, нет... Ты не занимай на меня очередь... Если успею, то сам. А-а-а, это ты, Кириков. Доброе утро.

– Здравсьте. Привет, Дикарева.

– Не знаешь, бензин не привезли?

– Откуда?

– Тогда вот возьми, слетай на заправку. Мне надо срочно ехать на верха.

– Слетаю. А ты, Валь, зайди во второй цех, тебя Лерка чего-то искала.

Энергичный топот по коридору. Туда-сюда.

– Зайду. Здравсьте, Зиночка Зиновьевна, вы очаровательны. Я на минутку во второй цех, ладно?

– Привет, Валентина, чудесный загар. Ну, если на минутку. Ты в общежитии не наболталась с подругами? Ой, Зара Самвеловна, добрый день. Как там Марк Антоныч? Его, говорят, с приступом увезли?

– Нехорошо, если не сказать хуже, – откликнулась идущая мимо Зара. – Врачи говорят, что надо фронтально обследовать. Аритмия коварна. Может, случайность, может, предынсультное состояние. Но я боюсь, он там долго не усидит. Ключи от машины велел принести. Просто не знаю...

Замятина понурилась.

– Значит, итальянскую машину мы будем показывать?

Зара пожала плечами, как бы открепясь.

– Тот директор, может, не разрешил бы. А этот директор решил показывать. Вот пусть и расхлёбывает. Вам зачем переживать? Может, оно и лучше, потому что меньше скрывать – меньше греха на себя брать.

Замятина потупилась.

– Да я ничего. Просто это всех касается.

Зиночка Замятина по работе и по жизни была болезненно честным человеком. У неё была дурацкая привычка отдавать всем до копейки на сдачу. Кого-то злила она, кого-то умиляла. Но точно так же она поступила при семейном скандале. Её муж, ответственный партийный работник в Чите, внешне безупречный человек и семьянин, попал под растрату. Имущество описали, его посадили, а ты как хочешь. Но она за него выплатила. Она продала всё, а потом уехала с дочкой куда подальше. А почему же в Лиманск? Потому что до этого лечила здесь дочку в санатории. Вот так странно. Летом девочку обихаживал бабушка, приезжавшая тоже в санаторий. А Зиночка, она, с одной стороны, всегда была на виду, а с другой – абсолютно недоступна. Такое двойственное состояние. А уж когда попала на глаза Зяблику... Она абсолютно неотвратимо становилась солдатом его войска. Понятно, что он ждал. И для этого применял и законные, и незаконные приёмы. Какая разница? Один – всегда покоритель. Другой – покоряющийся. И покорённый.

Валя завернула в цех. Там в подсобке сидели женщины в халатах – вся бригада контролёров и учётчиков, среди них Лера. Сильный грохот и лязганье в цехе не мешали им точить лясы за чаем. Обычно в это время чаепитий не было. Валю встретили радостными возгласами.

– Вовремя ты, Валюха. Привет чистым экономистам.

– А что тут у вас новенького?

– Тут голы провода, все как есть. А у тебя в конторе одни поджаты губы.

– Видишь, Тонечки нашей нет. Родила ведь.

– Мы деньги собираем, ты будешь?

– А как же. Будем всем миром растить. Так что с утра-то начали?

– Всё равно деталей нет, всё равно в карты играть, нет, правда здорово, – пояснила Лера.

– Ой, обед у меня занят.

– А давай сейчас. Чуть-чуть.

– У нас вторая новость: директор новый.

– Новый да хреновый.

– Кто?

– Дед Пихто. Твой Долганов. Довольна?

– А... А я... Это... — и она не глядя, быстро выпила поданный высокий стакан.

– Не может говорить. Язык отнялся. Третья новость! Аська перестала хворать и выходит замуж.

– А за кого?

Тут они ей прямо крикнули хором:

– За Кирикова! Она такая красотка, он такой страшный.

Валя замолчала ошарашенно:

– Девочки, вы меня шокировали.

– Ничего! Коли в наручниках по этапу не пошла — значит, поживешь. А ведь хотела сбежать?

– Да, в розыске была. Зяблик меня выручил. А вот Долганова никто не выручил. Ну что это такое? Кто на больничном, кто в командировках. Везде он один.

– Значит, и мы Зяблика сдавать не будем. Хотя вряд ли мы ему поможем теперь. А этот в белом, «иисусик»... Долго не продержится. План уже точно завалим.

– Зато он, девочки, честный... Понимаете, мы все уже врать привыкли... А надо честно жить.

– Кому это надо?

– Как кому? Всем. Ну, сколько же можно корректировать? Сколько можно государство дурить? Это же не карты! Я не знаю! Мы просто уже отвыкли от правды, нам кажется — чем больше вранья, тем лучше. Ну, пусть один раз будет восемьдесят девять процентов. Но зато настоящие.

– Понеслась коза по кочкам. А ты знаешь, сколько народу на приём к нему приходило? Никого. Главный приём был тут, в нашей раздевалке. Не поможет, так хоть выпьет с тобой. С честностью — куда с ней? Некуда.

– Иди там, осваивайся. Потом расскажешь про ваш бардак в конторе. Про наш ты уже знаешь.

Валя побежала в свой отдел, сопровождаемая дружным смехом.

А что в отделе? Там как будто ничего и не изменилось. Чирко сидела на своём месте, шелестела отчётными формами. Замятина тоже сидела, шелестела. Сектор материалов, в том числе женщина пенсионного возраста и молодой, вроде Вали, экономист, разбирали огромные конторские книги с калькуляциями. Парень, видимо, был новенький.

Валя подала голос:

— Уважаемые товарищи, мне сводку надо делать? Или эту обязанность с меня сняли?

Молчание было ей ответом. Она помялась, включила машинку, взяла журнал сводок и увидела нечто. Последняя сводка была отправлена сегодня утром. «Так, — подумала она, — кто сделал для меня доброе дело. Я оказалась не в курсе. Но что это с ними, сказать не могли?»

Она решила, что лучше их не травмировать и ни о чём не спрашивать, а потихоньку сбежать к Сулико и всё выяснить. Секретарша подняла на неё изумительно подведённые глазки и улыбнулась.

— Валя, ты откуда свалилась?

— А что случилось-то?

— Машины для сводки тебе давал Команиди, так? Он в больнице. За машинами следит Долганов. Как только у него картина становится ясной, он дает их мне. Я отправляю сводку сама. Радуйся. Иди, работай.

Долганов? Нет, тут что-то не то.

— Так, я стесняюсь спросить, но куда девался Зяблик?

Ответ был краткий, но убийственный:

— Пётр Иванович изволит находиться под следствием. Комиссия не приняла подготовленный отчёт. Вернее, она взяла с собой наш отчёт и свой отчёт. Концы с концами не сошлись.

— Понятно, — сказала Валя, ничего не поняв. — Значит, никого искать не надо?

— Андриана Ильича поищи, его в администрацию города требуют.

И, привыкнув к роли посыльной, Валя покинула заводоуправление почти с облегчением.

— А у вас нет Долганова? Не заходил? Да нет, не мне. Меня Сулико отправила, говорит, в администрации его сильно ищут... Нет у вас Андриана Ильича? Ага... Андриан Ильич, что это вы делаете?

Андриан Ильич перетаскивал что-то тяжёлое на тележку и вёз. Потом возвращался и снова накладывал тележку.

— Валя, у тебя что-то срочное?

Валя ответила, на удивление, бессвязно:

— Андриан Ильич, прекратите работать бурлаком на Волге. Я вас напрасно ждала... С тех пор как вы... Вы вообще не хотите со

мною... Вам приходится есть то, что вам отдельно накрывают... Вас все ищут, а вы... Что стало с вашим белым костюмом?!

— Там целая линия стоит без комплектации. Узлы лежат без движения. А у нас невыполнение. И какое!

— Да плюньте вы! Директор не должен...

Дальше произошло что-то совсем смешное. Сначала она просто ходила рядом с ним, заглядывая ему в лицо, пока он наклонялся к узлам. Потом, приноравливаясь к его ритму, стала ему помогать. Трогательная парочка, спасающая месячный план и честь завода.

Долганов свирепо прошипел:

— Валя, уйди немедленно отсюда. Ты свидетель моего... позора...

Валя подтащила к себе ящик.

— А давайте лучше позовем со сборки народ? Они поймут!

— Это что, компанию Оврагина? Не уважаю...

— Почему? Они добрые мужики.

— Они добрые за водку, за премию. Когда я их попросил... Ну, что план не дотягиваем... Они отказались.

— Невзлюбили они этот сплошняк. Но пару ящиков с комплектацией они могли бы... без водки.

— Нет. Не уважаю...

— А я вас — уважаю...

— Успела выпить, что ли?

— Нет, я не пью на работе... — давно так беззастенчиво не врал она. — Да и незачем, и не с кем. Команды в больнице...

— Боже милостивый! Что ты несешь, Валентина? Ты сама-то себя хоть слышишь?

— Эй, Саня! Позови пацанов, нам бы тут пару ящичков перебросить...

Оврагин издали помахал им рукой. Потом вполголоса:

— Хорошая проверка женщины на преданность! На сплошняк бы тебя, Валя! Значит, скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, в чём ты....

Увидев, что ему не ответили, затянулся папироской и ушёл.

— Ну что? Получили от доброго мужика?

Так они увезли ещё одну тележку. Потом подошли оврагинские сборщики с двумя тележками, а сам он подкатил на каре. Все молча сложили оставшиеся узлы и увезли их к линии, делов-то.

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Валя вытерла платком лицо. Долганов сел на ящик, опустив голову на руки. Быстро подошёл невесть откуда взявшийся Команиди, позвякивая ключами от машины. Повисла очень длинная и мрачная пауза. Команиди поднял одну бровь и осведомился:

– Приветствую, Андриан Ильич. Так ли всё плохо, как я предполагал?

– Да... – ответил Долганов. – Только хуже.

17. Имидж и изнанка экзотичного грека

Пока общественность грустила, не понимая, что стоит за директорством Долганова, Команиди, который обязан был в любом случае исполнять обязанности директора сам, находился на больничном. У этого тёмного, закрытого даже для жены человека, была одна странная особенность: всегда повышенная температура — тридцать семь и шесть, а то и тридцать восемь. Однако это не было признаком хронического заболевания или какой-то другой пожарной ситуации. Марк Антонович на своё здоровье пожаловаться не мог и никогда не жаловался. А то вдруг явился в медпункт и сказал: «Я что-то неважно себя чувствую». Сидящая там медсестра Ася чуть в обморок не упала. Она пролепетала: «Марк Антонович, на кушеточку, пожалуйста». Она очень бережно и сверхбыстро смерила ему давление, температуру, прослушала грудную клетку и осторожно опустила на табурет.

— Извините, Марк Антонович, у вас температура нехорошая: тридцать восемь, пульс частит и какие-то шумы в лёгких, в общем, жёсткое дыхание. Вы случайно не могли накупаться в море или что-нибудь такое?

— Да мог, конечно, ты скажи, что положено в таких случаях делать, и всё.

— В таких случаях положено давать направление к терапевту. Но сегодня вы уже туда не попадёте. Вообще не знаю, какая там сейчас запись... А вдруг воспалительный процесс. Я что-то боюсь. Давайте я вам дам два направления: одно к терапевту, а другое в стационар. Там, если что плохо, сразу блокаду поставят, и всё в порядке. А к терапевту уже как получится. Вы согласны? Если больной в таком состоянии, я обязана скорую вызвать. Вызвать?

— Лишнее, Ася. Я сам на машине, нормально доеду.

— А если потеряете сознание?

— Не смеди меня.

Неуловимым, как ночной ветер, движением он скользнул за пазуху белоснежного халата, недолго задержавшись там. Ася зажмурилась, жарко покраснев по самую шею...

Команиди взял эти направления, позвонил Заре, что ему нужно к врачу, и уехал. Он сам был не маленький и понимал, что, если убрали Зяблика, уберут и его. А он не любил, когда его убирали.

Брожение в умах и атмосфере началось такое, что могли многих покосить. Да, ему бы сейчас удобно было стать директором, удобно для карьеры. А в случае глубокого погружения Зяблика в тюремную систему он, конечно, остался бы на посту. Но, если Зяблик быстро вернётся, на него можно было бы свалить всякие неудачи и выйти сухим из воды. Однако, рисковать было утомительно.

Лёжа на больничной койке и лечась от бронхита, которого у него отродясь не было, и от стенокардии, которая, скорее всего, была, Марк думал: «А стоит этот шараш-монтаж таких нервов?» Конечно, много тут чего сделано не зря, но хорошо бы, чтобы авгивы конюшни разгрёб кто-то другой. Наверняка эта роль подходит какому-нибудь идеалисту, который верит в светлое будущее. Пусть он использует этот шанс — жить и работать честно. По Марку, так он в гробу видел всю эту честность и не собирался сражаться с ветряными мельницами.

Пётр Иванович его уже раздражал. Красиво налаженное производство — это четкая вещь, сама по себе. Чтобы производство крутилось, директор должен быть технически грамотным. Ну, хотя бы как главный инженер. А тут получалось, что директор не управляет механизмом, а сам его своим телом раскручивает, производство должно работать чуть ли не на сексуальной энергии, социальная сфера тоже завязана была на этом. Вообще, какой бы ты ни был бычок, всё это довольно мерзко. Может, и не надо никакого завода, который работает не по экономическим законам, а по биологическим. В конце концов, продать бабушкин дом не сложно, а вот найти вакансию в министерстве — на это нужно время...

Пока он лежал на этой койке и послушно ходил на уколы, медперсонал затаённо вздыхал, потому что перед ними был греческий бог, бледный, измученный геракловыми подвигами и ещё чем-то непонятным, таинственным. А у Марка просто была харизма, но не было человека, на которого её можно было потратить. Почему он производил впечатление мерзкого развратника? Потому что он этот образ нарочно создавал. А почему он его создавал? Для самоутверждения. У него не ладились отношения с собственной женой. Если честно, то у него не было отношений с женой, то есть его брак был фиктивным. Когда он привёз Зару с девочкой в ту ночь с вокзала, то он, конечно, не смог быть скотом и дал ей опомниться. Пока она перестала ходить с опущенной головой и говорить шёпо-

том, прошёл почти месяц. Она всё ещё вздрагивала, когда он входил в комнату, и даже пыталась снимать с него обувь. А когда он подошёл и положил ей руки на плечи, она просто упала в обморок. Свалилась мешком на пол, да так некрасиво закатила глаза. Он побежал за водой, за мокрой тряпкой, подушку взял, осторожно переложил её голову.. Чего она так испугалась? И что с ней творил этот проклятый бывший муж, дагестанец или кто он? Ведь у неё на бессознательном уровне происходило отключение. После этого телесная близость отодвинулась ещё на годы. Имел ли он женщин на стороне? Он не имел женщин на стороне. Потому что ему было противно наблюдать порхание Зяблика по заводским раздевалкам. Томился ли он в одиночестве, ощущая в себе невероятную мужскую силу? Не томился. На нет и суда нет. Хотя для окружающих было совершенно ясно: он ещё тот жеребец, и сплетен о нём ходило великое множество. Но это потому, что он сам так захотел.

Он и на эту дочку директорскую, конечно, посмотрел, подумал. Но весьма быстро раскусил, на кого смотрит она. Да это и так было видно всему заводу. Ну, пускай, на здоровье...

***

Письма на юг.

«Девочка моя, прости за столь долгое молчание. Наверно, от этой традиционной фразы я не избавлю тебя никогда. Я завалена делами на работе, на таком наиболее ответственном и наименее оплачиваемом месте. Не то что писать — думать некогда. Начала писать четыре разных письма, одно из них, тебе, пошло быстро и прекрасно. Оставалось только несколько слов добавить для завершения. Оставила всю исписанную стопку бумаги в сложенной газете, и вот газету выбросили. Такая тоска меня взяла. Ведь родилось нечто искреннее, полётное, да и то пропало, едва появившись. Так я не смогла порадовать тебя, а ты этого заслуживаешь. Ну, сколько же можно одному и тому же человеку одно и то же письмо писать? Я ведь уже выложились, у меня всё ТО кончилось. А теперь мне в празднично-приподнятом духе придется вспоминать, как 17 сентября в разгар ссоры с Надеждой я вдруг почувствовала себя свободной и счастливой. На себе ощутила то, что знала от Гаммельса: «заключите меня в скорлупу ореха — и я буду чувствовать себя повелителем вселенной».

Как же мне ещё раз написать про мое постепенное примирение со всем миром, мое буйное веселье, мой маленький и из старых запасов страх, что всё это кончится... Тогда, когда я писала тебе, я была уверена, что последующая жизнь будет безоблачной. Сейчас мне смотрятся на людей издалека, будто я ничем с ними не связана. Меня холодновато трогают эти их мелкие корыстные страсти, их тщетная самоохранительная суета. И ещё сильнее и пронзительнее меня задевает подземная боль, искренность, доверчивость, способность любить... Теперь возникла ясность, цельность самочувствия. В главном освободилась от варварства и мелочности в себе. Это хорошо и приятно. Мир стал чистенький, и люди, несмотря ни на что, стали лучше, проще. Как долго и трудно я к этому шла, какой кровью всё это оплачено.

Наверно, я обескуражила тебя — «живи попроще». После всех этих сложных рассуждений! Но это действительно так — жить нужно просто и ясно. Знать, что хочешь, — и делать, что хочешь, жить с кем хочешь, хранить верность, если даже не поймут, не оценят. Пока сил хватит. А сил у человека, если он бескорыстно выбрал всё это, — хватит на всю жизнь. Только бы не измельчить всё пустой суетой, мышинной грызней, сиюминутными страстишками. Не проглядеть бы за суетой самый главный ясный огонь: что хочешь от жизни, от себя, от людей. Не бояться любить, не бояться жить, терять насиженные местечки и сладкие куски пирога... Как же трудна и жестока жизнь, но как она великолепно пьяница, когда осознаешь её законы и учишься уважать их. Важно знать человеку на этой дороге: люди и добры, и злы. Добрыми они сами хотят быть, злыми делают обстоятельства.

...Уже не устаю от себя, только от густонаселенности «близких», когда я не люблю всех, а просто живу рядом. Никого не нужно мне, кроме моего сына и Тани Быбы (Быбаевской). Я устала. Мне не дают читать, дышать, свободно думать. Прости. Трудно писать письма, когда нет быстрой ответной реакции... Устала от безмолвия, так что и письмам уже не верю. Лана».

Зачем бороться с собой? Что значит «бороться с собой» и зачем? Как живётся, так и ладно. Обидели – рыдаешь, пожалели – улыбаешься. Дикарева ходила на работу, строчила отчёты, бегала на пляж, строчила длинную юбку спиральную, гордо в ней шла по

городку, ни у кого больше такой не было. Волнистые черные волосы трепал ветер, душа вздрагивала от предчувствий. Ей казалось – жить ей два века, она никуда не торопилась.

Отвечала Лане жарко и сбивчиво, конечно, отвечала, хоть и не сразу, но не слышала её по-настоящему. Валя, выскочившая из загона лошадка, тогда во всех видела только отражение себя, только то, что они могут рассказать о ней самой. Но не чей-то голос о себе, не сдавленную жалобу. Ей казалось, что всех она слышала и понимала. Но – не всех! Лана даже жаловаться не могла, как следует, глотала слова, читая это позорной слабостью. Она за тот комбинезон для сынишки терзала и била по голове, вымогая какие-то признания, она даже не могла просто так подарок принять, не огрызаясь! Вот признайся ей, да признайся, что хочешь купить её привязанность этим подарком.

Господи, какое занудство. Броситься бы к ней, да обнять, да успокоить, что ничего никто не хотел купить. Да, наверно, пережитое сделало Валю мягче, но чаще она была непробиваемая. Это далеко, не перед глазами. Письма пожелтели, разлохматились.

Ведь столько раз их читали... И всегда они, эти письма, противостояли низкой, грубой стороне жизни, направляли мысли вперёд и вверх. Может, поэтому Валя не подчинилась плоскому курортному существованию, а поехала дальше по свету, борясь за право искать новую себя...

Её бы просто пожалеть тогда, а Валька забивала ей голову – «гигант русской мысли» Акс, да любит ли он, да стоит ли с ним связывать жизнь, да как успокоить сестру, как помочь Татарке, да как отрезвить голову Нонке, чтобы она прекратила истерику и пьянство...

Упрямая Лана в одиночку билась с этой жизнью. Кто же победил в этой борьбе?

Странная вещь: у Ланы происходила изматывающая борьба с собой. Это у неё-то, по сути, правильной женщины, а что уж говорить про саму Валю! Никогда она не была правильной, даже в мыслях, даже в устремлениях. У Ланы хотя бы чередовались приступы напряжения и отдыха от самой себя. То она ругала себя за излишний либерализм с окружающими, вцепляясь зубами в свой долг и в свою работу. А то вдруг прощала всем и всё, потому что на неё накатывал приступ непонятной гармонии. В такие минуты она ценила жизнь со всеми её ухабами, не занудствовала, а просто

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

восхищалась. Значит, не была она сухарем, как иногда её воспринимала Валя. А Валя в такие минуты ошеломлялась их внезапному сближению. Ведь что было для неё главным? Для Вали Дикаревой? Бушевание жизни, фонтаны радости – это было главное. Ну, уж когда она заходила в полный тупик, она хотела хотя бы немного одернуть себя, приструнить: дескать, занесло тебя, девочка. У Валюшки не было особых требований к окружающим. Конечно, всё было не так, как она хотела. На работе не происходило никакого просвета, и её все гоняли в хвост и в гриву, а не только директор Зяблик. У неё не получалось заработать какой-то минимальный авторитет. Человек, на которого она богу молилась, не обращал на неё внимания, то есть, он пичкал её умными книжками, как какой-то учитель, и она соглашалась на эту милостыню, ибо другого варианта не было. Отношения с коренной львовянкой Нонной были сплошной обузой. Многочисленные несчастья подружки изматывали, а Нонна из нежного стебелька превращалась в бешеного и беспощадного тирана. Как установить границу, Валюшка не знала, хоть Лана ей и советовала не бросаться на шею всем подряд, а потом не обижаться. Она делала всё с точностью до наоборот: кидалась навстречу очертя голову, потом рыдала от непонимания. Ей всегда казалось, что если человек пережил горе и утрату, то он становился более жалостливым, более чувствительным к другим. Но не Нонночка. Нонночка была абсолютно глухой...

Хуже всего то, что люди, одарявшие Валю своим сочувствием, тоже понимания не встречали. Например, чистюля Ниночка, с которой они в самом начале жили в одной комнате, лучше всех понимала Валины драмы. Ниночка не таскалась по ресторанам и по киношкам. Она либо вышивала на пяльцах, либо читала, либо отмывала до небесного сияния чашки на кухне. И всегда в глаженном халатике, с накрученной на бигуди головкой, с тазиком либо утюгом в руках. И всегда-то она была при деле. В общей комнате, телевизионке, она поставила гладильную доску и, не отрываясь от фильма, рассеянно разглаживала воланы на блузке. Когда Нонна с Валею возвращались с гулянки, стучаясь о дверные косяки, она это видела через раскрытую дверь. В её спокойном взоре не было осуждения, она вся, как ангел дома, хранитель сладкого домашнего духа, не могла злиться на чуждых ей людей, жалела она их. И Валя думала: «Пошлю всех на фиг! И буду, как она: ничего плохого ко мне больше не пристанет».

18. Замуж от тоски

Долганова как угодно можно было уважать, было за что. Человек с принципами! С мировоззрением. С душой. Долганова как угодно можно было презирать! Нелепый трогательный человек, упрямо держащийся за решётку своих представлений, оказался один на поле брани. Это можно понимать как поле боя или поле игры, но самое главное – он был один. Он не мог выпить с рабочими, и поэтому не имел морального права напрягать их своими просьбами. А если бы он выпил с ними и даже остался валяться в лёжку, то тем более не смог бы этого сделать физически. Потому что в его представлении непосредственное общение с человеком и выполнение им какой-то работы были никак не связаны между собой.

С тех пор, как он насильно превратился в директора завода, их душевным беседам в столовой, в библиотеке и в парке пришёл конец. «Вы совсем перестали...» – крикнула она тогда на сборке. Удивительно, он был уверен, что все его душеспасительные беседы по литературе и искусству вызывают в ней протест. А что значит «совсем перестали»? Перестали воспитывать или ходить на свидания? А как он будет ходить на свидания, если он директор? Она хоть понимает пустой своей головой, что он весь на виду, буд-то раздетый? То есть вовсе не нагой, а голый? И всё сказанное им будет работать против него?

Сидя в кабинете, он имел право вызвать и поставить перед собой навтыжку практически любого: начальника канцелярии Сулико Ашотовну, главного бухгалтера Зару, главного экономиста Замятину, главного инженера Команиди. Но он не мог вызвать к себе рядового экономиста Дикареву, потому что у неё уровень компетенции был другой. Но внутренне он понимал, что она этого ждёт.

Проходя мимо Вали по коридору, он приостановился и сказал негромко:

– Синьорита. Мы могли бы пообедать не в обед, а после работы. Ты как?

– Вы ещё спрашиваете? Конечно, да! Но не в заводской.

– Нет, конечно, в кафешке, в центре.

– Может, я подожду не на проходной, а сразу там?

– Договорились.

Валя пришла в кафе в конце дня. Народу никого. Всё прозрачно, как на выставке. Взяла сок с пирожным и приготовилась к долгому ожиданию. Вот он сейчас выйдет из кабинета, к нему подбегут по дороге три-четыре человека на минуту. Он им ответит, подпишет какие-то бумажки. В дверях его буквально вернёт обратно телефон. Пройдёт ещё час. Всё это она живо себе представляла. Ко всему отнеслась с пониманием, одного не хотела понять: вот это кафе сейчас кому нужно: ему или ей? Про неё уже говорят, что у неё шуры-муры с новым директором. Позор.

Долганов не шёл. Зато пришёл человек, которого она меньше всего хотела видеть в данный момент. Он подошёл сзади, нахально обнял за плечи и сказал ей в ухо рокочущим бархатным голосом:

— Что заказать?

Она от него отшатнулась по направлению к столу и опрокинула свой сок.

— Сядь, — сказала она строго Оврагину, — по твоей милости я теперь вся мокрая.

— Это роскошно. Это то, чего я всегда добиваюсь от женщины, но, к сожалению, на это уходит много времени. Ты первая побиваешь все рекорды.

— Ты, Саня, лучше говори, чего хотел, а то я знаю, к чему ведут все твои теории. Что тебе нужно?

— Так прямо? Ну, уж если быть совсем грубым, ты мне нужна как женщина, причём немедленно.

«Началось, — подумала Валя про себя, — в тот момент, когда я сижу тут в ожидании свидания. Наверно, всё сорвалось. Даже если Долганов на подходе увидит нас через стекло, он уже не войдёт».

— Саня, зачем я тебе? У тебя много женщин и без меня...

— Пошли в ресторан. Я заказал столик.

— Ой ты, боже мой! А нельзя ли прямо здесь?

— Валюха, здесь не тот кайф, совсем не тот.

Она обречённо встала с места.

— Хорошо, пошли. Но только я вся мокрая, и переодеваться уже некогда.

— Это детали.

В ресторане их у входа встретил подобострастный официант, естественно, приятель Сани.

Коротышка в красивой черной рубаше с белой бабочкой и в

белых брюках провел их к столику, подал меню, молниеносно поставил воду, вино и бокалы и исчез.

— Дорогая, — сладким голосом сказал Саня, — у нас час приятного времени. Потом придут Курочкин и Кириков, и погудим на славу.

— Ну а зачем ещё дружков-то, Саня? — враждебно спросила Валя, не привыкшая к такому странному обращению. Вообще ни к каким церемониям и закидонам не привыкшая.

— Сейчас поймёшь.

Он щелкнул пальцами, буквально как купец после удачных торгов. Подбежал давешний официант. С огромным букетом роз и с вазой в руке. И опять исчез. Саня, продолжая роль купца, взял цветы со стола и протянул ей же.

— Спасибо, — деревянно сказала Валя, тайком одергивая мокрую скользкую юбку, прилипающую к ногам. — В честь чего это? Что за роскошь?

— Дорогая... — он почему-то обернулся.

Все, кто оказался в ресторане в это время, смотрели на них. Валя тоже оглянулась. Блин, все они как летчики, за которыми гонятся.

— Что, что такое? Говори скорее. Боюсь.

— А тут спешить нельзя. Дело в том, что я... Как бы...

— Ну?

— Делаю тебе предложение. Выходи за меня замуж.

Валя молчала. Она вся горела и пылала, занималась зарёй и куда-то проваливалась. Вся эта сцена была пропитана неявным враньем. Будучи всегда разухабистым, развеселым и расстегнутым, Саня разговаривал чопорно, преувеличенно вежливо. Когда грубый человек сюсюкает и расшаркивается, как, например, с этим букетом, это наводит на опасения.

— Слушай сюда, — он моментально налил в бокалы вина и звякнул один о другой. — Так ты бери бокал-то, бери. Что ты как неживая, в самом деле?

— Саня, ты сам-то в себя приди. Ты, наверно, с Лерой поругался? Наверно, на моём месте должна сидеть она? — всё это было сказано усталым упавшим голосом.

— Мы сейчас о тебе говорим, дорогая. Что ты, собственно, те-ряешь? Официального жениха у тебя нет, слухов вокруг тебя туча.

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Я отношусь к тебе с интересом, ты ко мне — тоже. Роман возможен и даже желателен. Или тебе больше нравится, когда женятся уже после романа?

— Я не знаю, до или после, скорее всего, в процессе. Но ведь ещё ничего нет!

— Давно уже есть! С того самого момента, как я подъехал к тебе на велосипеде. Ты стояла с чемоданом. Надо было тебя сразу хватать и жениться. А то у тебя тут глаза разбежались! «И в грудях всё горит»... — «Тык вынь грудь-то из борща». Валентина. Ты будешь пить это проклятое вино или нет?

Ей стало стыдно. Она залпом выпила бокал и насильно улыбнулась.

— А что? — сказала она. — А действительно! Давай уж закажем что-нибудь поесть и обсудим наши щекотливые дела.

И он повеселел! И вырос из-под земли коротышка в черой рубахе и белой бабочке и заполнил стол всяким роскошеством, начиная от орехового салата «Крепость» и заканчивая копчёными угрями и осетриной в сметане. Так же появились вазы с виноградом, желтыми острыми грушами и туманными персиками в каплях.

— Значит так, Сашенька, я сейчас буду стремительно думать. Ты хочешь, чтобы я ответила сейчас или можно потом?

— Да какое там «потом»? Потом будет суп с котом. От тебя же ничего не требуется такого. Ты знаешь, я не бедный. У нас дом огромный, две моторки, бахчи за городом. Если нужно, мне отдельный дом выстроят. Ты только соглашайся. А я буду вкалывать и молча тебя обожать.

Девица на выданье страшно нервничала. Она отчасти заглушила психоз прекрасной едой и не менее прекрасным питьем. Бутылки были тёмные, этикетки слепые и выцветшие, но с иностранными буквами, вкус содержимого незнакомый и пряный. Однако голова отчетливо продолжала соображать: «Что же это? Замуж? Не люблю, нельзя же. А люблю я некрасивого, старого и женатого. Если сейчас не пойду, моя песенка спета».

— Сашенька, ну какой же ты материальный. Ну, разве я рассчитываю на твои дома и моторные лодки? Я могу надеяться только, что мы договоримся. Но разве мы договоримся?

— Вот глупышка, — Саня Оврагин, казалось, приободрился и стал приходить в своё привычное наглое состояние. — Мы с тобой

святым духом не будем питаться. У нас будет всё! Тебе не нравятся моторки? Так они для рыбалки. Тебе нравятся книжки, пластинки — будут. У меня и теперь этого добра много! Ты скажи, чего тебе надо? Прямо скажи.

— Мне надо человека. Чтобы слышал, понимал. Ты меня слышишь?

— А то нет. Ты что ж думаешь, если я в институтах не учился, так я душу женскую не пойму? Понимаю я всё. И куда ты глазом косишь, и с кем ты в столовую ходишь, и как среди нашего казачья тебе одиноко. Ты меня не люби, Валька. Ты спрячься за меня и живи своей жизнью. Ну, захочешь родить — рад буду. Не захочешь — не попрекну. Иди, говорю, за меня, хватит на ветру стоять у лимана. Хватит в горизонт пустой смотреть...

— Саша, у тебя до меня было женщин... не знаю, сколько человек, ты мне сам говорил. Мне как-то трудно с этим смириться! Ты по жизни такой и всегда будешь такой.

— Не скажи. Я почему такой до сих пор был? Свою не найду никак. А если найду, зачем мне ещё?

— И тебе не обидно, что я как бы без любви?

— Не обидно.

— Скажи, а как ты относишься, например, к заочной учебе, платной? Если я на сессии начну уезжать?

— Фигня-война, Валя. Надо будет — и поедешь. Говорю же: я буду вкалывать, я это умею, а ты знай радуйся жизни.

— Может, не надо всю-то жизнь вкалывать, может, ты тоже поучишься и сделаешь карьеру? Всё сборщик, да сборщик. После института начальником цеха станешь.

Саня помолчал, раздвинул тарелки, положил локти на стол и стал на Валю смотреть. Она тоже молчала, на него смотрела.

— Ну и зачем мне это надо, глупышка? Я что, совсем дурной? Ты понимаешь, что у меня всё есть? Мне больше ничего не надо. Ни-че-го.

— А ты не боишься, Саня, что скоро нам не о чем будет говорить с таким раскладом? Ну, придём мы с работы... — она лихорадочно соображала, как выразить претензию. — И что? Поели — и в койку?

— Отлично! Я готов прямо сейчас.

— А что, мы вообще разговаривать не будем?

— Ну, почему, после койки — можно.

В этот момент к их столику подкатились нарядные, как директора, Курочкин и Кириков и тоже с бабочками.

— Ну, что, робя, можно вас поздравить? — Курочкин, словно масляный блин, лучился и сиял своим розовым лицом и длинными белыми кудрями.

Кириков тоже не сплеховал, пожал руку жениху, поцеловал невесту, не совсем в щёку, правда, но подал цветы, изогнутые и извилистые орхидеи.

— Да вот, девушка совсем заробела. И хочется, и колется, и мама не велит? — Оврагин улыбался, но как-то грустно. Наверно, он уже понял исход дела.

— Ну, поздравляем, — хором забалагурили мальчики, усаживаясь за столик.

Прибежал официант, будто на расстоянии услышал, угадал, что нужен. Он заменил тарелки, принес приборы, бокалы и напитки. Тут уж зашумело настоящее веселье, всякие разговоры кончились, потому что заиграл ансамбль, всё потонуло в звуковой вакханалии. Да и хорошо.

Тут бы самое время убежать! Согласиться не получается, отказать стыдно. Что делать?! Ещё полчаса ей удалось потянуть резину, поскольку её по очереди приглашали танцевать, и она почти себя уговорила.

Но всё ещё сопротивлялась. Она сказала, что выйдет поупудрить носик, через туалет вышла на улицу, готовая убежать к чёрту из этого ресторана. Вдруг её сразила одна простая мысль. Она перебежала дорожку и попала на телефонную переговорную станцию.

— Дайте талон на десять минут, — попросила она жалобно, — в кредит. Отошлите на Лиммаш, в приёмную. Дикарева В.П. Табельный номер такой-то.

Телефонистка особо не возражала, Лиммаш был клиент солидный и не первый год.

Валя даже не думала ни секунды, кому позвонить. Домой звонить — значит отрезать все пути к отступлению. Лане? Для неё это мелочи. Сестре? Да, вот она бы сказала точно, но теперь сестра была в отъезде. Аксу захотелось позвонить. Погордиться, что замуж выходит. Но его надо было вызывать заранее. Разве он может оказаться у себя в общежитии лесотехнической академии? Давно

уж уехал куда-нибудь. Может, лучше Ульяновке, одногруппнице? Почему-то её телефон помнился наизусть. Она всегда относилась к Вальке хорошо.

Соединили быстро. Ульяна, смешное милое существо, курносое, в роговых тяжёлых очках, отозвалась ей сквозь писк и шорох помех.

— Алё-алё! – пискнула Уля. — Да конечно, узнала. Привет, Валюш, что стряслось?

— Да вот замуж позвали, а я в панике.

— Не любишь, что ли?

— Нет.

— Откажи.

— Он хороший, жалко его. Ты про Лану ничего не знаешь?

— Так я её год назад, почитай, и видела, когда книги ей отнесила по твоей просьбе.

— И что там было?

— А ничего. Какая-то драка с её подругой. Дрались так, что страшно было. Я книжки положила, а она огрызнулась на меня, и я побежала. Чет вообще...

— А ты сама как?

— Я нормально. Тоже замуж вышла, вот, гуляем.

— Как, сейчас?!

— Да. Можешь поздравить.

— Поздравляю и обнимаю, Ульянка! Подарок за мной! А?

— Валюш, главное — чтоб он тебя любил. Не ты его, а он тебя.

Слышишь? Не пропадёшь.

Нет, всё же надо пытаться счастья в лесотехнической. Дайте общежитие номер девять, комната десять. Ну, ещё десять минут. Умоляю. Не отвечает? Ах, говорите...

Ответил вахтер, сказал — что вы, сошли с ума, одиннадцать чаов? Но позвал из десятой, и там, надо же, оказались дома.

— Акс, здравствуй.

— Здравствуй, — сонно сказал он. — Чего тебе не спится? Слушалось что?

— Просто позвонила. Всё хорошо?

— Отлично. Меня оставили в академии, сулят карьеру. А что это ты про меня вспомнила?

— Да так. Я причинила тебе много зла. Ты прости, если что. На всякий случай.

— Ага, как говорит твоя сестра, какой-то медведь в лесу сдох.
У тебя язык заплетается.

— Есть причина. Мне сделали предложение.

— А ты?

— Наверно, соглашусь.

— Да глупости. Зачем тебе замуж?

— Как зачем. Помощь, понимание, дети, любовь, наконец.

— Врёшь. Нет там ничего. Если б что было – не спрашивала бы. Ты нарочно позвонила, чтобы уколоть. Иди спать, смешная.

Она посмотрела на переговорную, на деревянные домики с витым ручками, сглотнула. Да, ему всё равно, выходи ты хоть за чёрта...

Пришёл черёд Сани танцевать, и он это сделал своеобразно. Выйдя на середину зала, он обнял партнёршу и замер. Музыканты играли «Облади-облада», публика увлечённо танцевала быстрый танец, а Оврагин с Валею стояли столбом посреди всего этого веселья. Всё это напоминало не помолвку, а прощание... Он обнимал её и целовал, гладил лицо. Но это ж было его дело, как и под какую музыку танцевать.

— Ну, ты надумала?

Она молчала. Танец кончился.

— Наверно, да. Проводи меня.

Они вышли из ресторана как будто на минуту, подышать, не предупредив друзей. Приехали на автобусе в район общежития. Пошли не через пустырь, а берегом лимана. Пока они целовались, прислушивались к прибою, всё, казалось, пришло в равновесие. По инерции он ещё уговаривал её, шепча успокоительные ласковые слова: «Сначала мы... А потом мы... И ещё у нас будет... Знаешь, как здорово...»

Но она-то уже знала, что ничего не будет. Наверно, и он это почувствовал. Убрал руки, искоса посмотрел.

— Вот ты говорил: нечего сидеть и смотреть в пустой горизонт. А ведь когда человек так сидит, то в жизни дописывает то, чего ещё нет. Воображает. Ты Анчарова читал?

— Нет. А кто это? — он даже засмеялся.

— А вот когда узнаешь, тогда и поговорим.

— Как ты можешь, такая тонкая, воспитанная, это говорить? Это ж всё равно, что ударить.

По берегу лимана, затянутому прозрачными сумерками, обдуваемому слабым ветром, отголосками музыки от дома отдыха, по направлению к сидящим на берегу людям шёл человек с очень знакомой сутуловатой фигурой. Гулял он после тяжёлого дня или искал кого-то — было неясно. По мере того, как он приближался, становились различимы белые брюки, борода. В руках что-то вроде свернутого в трубку журнала.

Но он продолжал идти, приближался медленным шагом. Вроде бы он давно шёл, издалека, упрямо, устало, но ничто его не могло остановить. Саня посмотрел на эту картину, посмотрел, как она, открыв рот, вглядывается в силуэт... Потом встал и пошёл прочь.

— Я ждала вас, ждала. Не верите?

— Не надо притворяться виноватой. Не требуется, сударыня, ломать комедию.

— Я не ломаю! Я там знаете, сколько сидела! Всё так подурачки вышло...

— Оставь это.

— И вы тоже не воображайте. Садитесь на ящик, поболтаем...

— Да, я ведь спугнул твоего пьяного кавалера! У тебя на ящике приём по личным вопросам?

— Ну и что, спугнули? Пусть идет. Мы с ним уже всё обсудили. И вовсе он не пьян. Он... Он пьян от печали, а не от вина.

— Да уж вижу, бесценная сеньорита, что разогналась ты с горки на полную мощность. Ты думаешь, тебе всё можно, так?

— Да, мне всё можно, я большая девочка.

— Так вот что я тебе скажу. Тебе спать надо идти, потому что ты такая маленькая. Маленькая девочка, меньше моей Лоры.

«Поцелует? Ну, давай же! Ну что ты медлишь? Опять вообразил себя старшим, учителем?» — так думала несчастная Валя, даже не глядя в сторону изгнанного жениха. Обрывки чувства гордости ещё металась в ней. Она уже большая девочка, ей всё можно. В конце концов, ей надоело грустить и выпрашивать милостыню от этого человека...

И они так стояли и смотрели, и ничего не происходило на фоне бархатного вечера и ласкового шелеста воды. Он не двигался, она тоже. Потом взял и обвел вокруг неё воздух ладонями, точно погладил, не касаясь. Но от рук шла слабая теплая вибрация, как от фена.

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Она уткнулась ему в плечо и заплакала. Сколько же немой мольбы было в этом плаче. Она кожей ощущала, спиной и горлом знала, что он не станет, чурается телесного, она пьяна тем более. Да, все сходят с ума на этом пляже, он один против.

Поодаль какая-то веселая компания пела хором под гитару, и этот фон усиливал мотив бесконечной грусти. Стало штампом упоминать в любовных сценах чаек. Да и чайки здешние, толстые обжоры, мало подходили для драмы на лимане. Это были не те чайки, которые летали в старом японском кино: «А над морем, над ласковым морем, со мною ты рядом, со мною...»

А он думал: «Конечно, я знаю, чего она хочет. Я старый, побитый ветрами и неудачами, и я знаю, о чём она мечтает. Ну, пусть мечтает. Воплощение всегда хуже воображения. Они завтра помирятся, ничего».

И быстро пошли в разные страны.

19. «Невыносимо, когда насильно»

Замысел полуавтоматической линии сборки зрел в нескольких технических головах сразу. Просто они думали об этом с разных сторон. Хорошо бы как-то сократить путь собирания узлов основных профильных машин. А самое тяжёлое в этой машине что? Станина. Станинами занимался литейный цех, который вообще был на другой территории. Оттуда станины везли на грузовых машинах, сгружали уже на заводе — это всё потери времени. А устрой литейку на этой же территории — было бы другое дело. Но завод-то рос двадцать лет, всё не предусмотреть. Зяблику в свое время надоело держать огромную автоколонну только по перевозке этих станин, и он распорядился построить в сборочный цех отдельный участок для хранения литья, чтобы несколько автокранов заранее привезли станины. И чтоб сборка брала станины участка по мере надобности. Но сборка ещё была недовольна. А в принципе, литейке пора было переехать на завод.

Основные проблемы всегда скапливались на финальном седьмом сборочном. Отдельные узлы тоже свозились сюда на каргах. Если в четвертом цехе узлов было уже полно, то в шестом готовых узлов вообще не было. Они были более трудоёмкие, чем в четвёртом. На планёрках Долганов не раз говорил, что у него общая схема движения узлов на сборку уже готова, остаётся поумнее связать транспортёры и поскидывать узлы в станину здесь же, в седьмом.

Команиди на это ему говорил, что идея-то хороша, да только цеха находятся относительно поверхности пола на разном уровне. Транспортёр ведь не поставишь на голые железные плиты, скользкие от мазута. Значит, требовалось параллельно с работой на вал быстренько сделать некоторые капитальные работы. А их стоимость в затраты не заложена. Можно бы поработать и авансом, да рискованно. Директору Зяблику эти разговоры страшно не нравились: «Вот мечтатели кремлёвские! Вы что ж, хотите, чтоб вареник сам в сметану хлюपालся — и вам в рот? Хрен вам, а не техническое перевооружение!»

Поэтому идея автоматической линии всё время висела в воздухе и никак не получалось её материализовать. Было несколько попыток в отсутствие директора, но как только он приезжал, приходилось всё замораживать. А начальники четвёртого, пятого и

шестого накалялись до невозможности, слыша про эту линию. То есть требовалось сначала всех уговорить поработать подпольно, а потом ещё свалить на них, если акция не понравится директору.

Команди в это скользкое дело влезать не хотел. У него и так было достаточно мороки с поставщиками комплектующих. О, эти таинственные и невозможные резинотехнические изделия: манжеты, втулки, сальники, шланги! Делать свои не получалось, это надо было отдельный цех строить, а завод РТИ находился в пятистах километрах. И как ты их ни расстреливай телефонными звонками, всё равно они не смогут поставить тебе комплектацию точно на объём плана, но, как правило, в два или три раза больше. И ты им за этот объём заплатишь!

Но Долганов по натуре своей был ближе всех к подпольщикам. Он догадывался, что гроза со стороны директора гораздо меньшее зло, чем беганье по огромной территории и собирание узлов по старинке.

А директор любил по старинке! Он одному шею намылит, со вторым водяры выпьет, третьего на рыбалку увезёт, четвёртому квартиру посулит... Ну, или его жене. Порядочный человек мог бы сказать: «Извините, а на чём же работает завод? Как крутится вся эта махина?» Но все знали, на чём он работает. Это слово вслух не произносилось, а факт был налицо. Попавшие в льготную очередь уже оформили документы на квартиры. Но тут случился переворот: генератор энной энергии оказался под следствием, а его заместитель отвечать за чужое наслаждение не захотел. Подружки, зашифрованные под казачку в красном топе и женщину в синем халате, почти потеряли все свои шансы. А давались эти шансы нелегко.

И теперь, когда Долганов пришёл к власти, начальники цехов хребтиной почуяли, что им придётся эту поганую автоматическую линию строить. Самые разворотливые уже сбегали в конструкторский отдел, где чаще всего оказывался Долганов, и получили предварительные чертежи установки транспортёров. Официального приказа они не получали, но старинная казачья смётка подсказывала им, как крутиться, чтобы избежать скандала. Главное — они начали, а там всегда можно отбояриться серьёзной или левой причиной. Пятый цех сразу же снял напольные железные пластины, врылся в землю и залил фундамент.

Долганов пробежал рысью с обходом, появился в пятом цехе и встал как вкопанный. А когда же это они успели? А фундамент-то хоть армированный? Не поплывет? Подскочившему начальнику пятого цеха он тут же высказал благодарность, да такую, что начальник этот покраснел, как раскалённый железный брус. «Вы просто молодец. Будете консультировать остальных».

Надо же! Даже про узлы-то ничего не спросил. Зачем и пришёл.

Однако те узлы, которые сборщики свезли на карах сами, немало выровняли положение. И сборщики, которые не хотели выходить на сплошняк, добровольно отмахали две смены.

Это был весёлый ад. Водкой на этот раз не баловались, но кружки с чифирем в кондейках томились. Те, кто мог стоять сухую, — стояли. Кто не мог — стояли с кружками. Странная вещь! Только деньги могли заставить людей работать не по-человечески. Раньше так и получалось. Им привозили водку и наличные, приходилось отрабатывать.

А в этот раз им и денег-то не обещали. Самым страшным дураком чувствовал себя Саня Оврагин. Чего ради пошёл он корёжиться? Он же не Павка Корчагин. Глупо всё это. Но в чадном жару, в лязганье, в бешеном визге дрелей он, страшно сказать — почувствовал себя человеком свободной воли. Хочу — работаю, устану — уйду. Устал жутко. А вот, не уйду..

Ещё была одна заноза, цех деревообделочный, или в просторечии — тарный, стоящий далеко на отшибе. Ну, не будешь же строить железку, то есть железную дорогу от тарного до сборки. Обычно подгоняли кран, он зацеплял несколько комплектов тары и вёз на сборку. А тут ЧП. Зашаяли, задымились опилки, вовремя не вывезенные в топку. Угол цеха занялся тлеть. Пока потушили, треть площадей пришла в негодность. Женщина, начальник тарного, чуть не провалилась сквозь землю на планёрке. А Долганов ругать её не стал. Взял да и посоветовал ей две бригады пока разместить на участке станин, туда же и материал подвезти. Пока одна бригада ремонтировала тарный, две другие бились над упаковкой. Страйм начальникам это не понравилось. Что он разные производства в кучу валит? Давайте ещё столовку на сборке поставим...

Когда Валя пришла на завод после совхоза, она уже не отправляла ежедневную сводку с машинами. И Долганов на сборку зря не молтался. Он сразу же на планёрке спросил начальника седьмого цеха:

— Ну что, много у вас не хватает до плана?

Начальник цеха рыжий югослав Матуркевич, потёр лоб и сказал:

— Понимаете, мы вроде бы ночью вышли на сто. Задел, правда, выбрали, но вытянули, по трём позициям на месяц вышли.

Все даже замолчали. Было же ясно, что план провален. А неужели не провален?

Команиди, находившийся на больничном по поводу аритмии и предынсультного состояния, тем не менее сидел на планёрке как огурец: бледный, выглаженный, в нестерпимо белой рубашке с галстуком. Почему он пришёл? Его-то, технаря, проблемы отгрузки вала не так занимали, как и.о. директора. Но он уже заметил утром всю эту возню с автоматической линией. Ему было интересно. Этот человек мыслил вперёд, на много лет вперёд. Ему хотелось посмотреть, как пойдёт линия на стыках. Но сегодня он этого ещё не мог увидеть. Однако как человек земной, он известию о плане не мог не радоваться. Да и сам Долганов с его тайной ненавистью к главному инженеру, к его донжуанскому имиджу почему-то надеялся найти в Команиди соратника. Может, они, наконец, начали понимать, что дело не в человеческих амбициях, а в чем-то большем? Может, противоположное притягивается?

Валя, сидя в своём отделе, лихорадочно пересчитывала накладные четвёртого цеха. Она ещё ничего не знала про сплошняк в седьмом цехе. Да и Замятина, которая прибежала на планёрку ни жива ни мертва, тоже ничего этого не знала. Бывшая начальница Чирко тоже пересчитывала накладные, только другого цеха. На всякий случай надо было знать, что же там по деталям в остатке. Даже сектор материалов и калькуляций занимался аналогичной рутинной. Когда после планёрки Зинаида Зиновьевна процокала по коридору и возникла в отделе, все обратили внимание на её застенчивую улыбку.

— Товарищи, а не пора ли нам поставить чайник? Давайте попросим Валю сбегать за пирожными!

Валя широко раскрыла глаза:

— А как отчёт? А первая форма как? А накладные вот?

— Валя у нас сегодня очень любознательная. А я скажу так: имеем право пить чай. План, кажется, вытянули.

— Ура! — шёпотом сказали все. — Имеем право.

Даже Чирко, сидевшая все дни молча, подняла голову, брови, ресницы, руки:

— Шо ж такое они там сделали в седьмом?

— Ни шо! — воскликнула весело Валя. — Ни шо, а сплошняк.

Как будто уж вы не знаете.

— Не надо, Валя, так громко об этом кричать. Слетай лучше за пирожными в столовую. Накладные — мы хором навалимся — сейчас доделаем.

Младший экономист побежала в столовую, купила, что велено, и устремилась обратно.

Ей навстречу Лера, аккуратная, в синем халатике, заплаканная:

— Валь, это правда?

— Что именно, дочка?

— Ну, ты знаешь. Ресторан, например.

— Была ли я в ресторане? Была, а что? Кто донёс?

— Неважно. Он в самом деле тебе предлагал ... или это так?

Догадки, что ли?

— Допустим, предлагал.

— А ты?

— А тебе-то что?

— А то. Ты разве не знала, что мы...

— Нет, не знала. Ну да, знала. А почему я должна что-то знать?

Да, мне сделали предложение, но я не обязана тебе подробности выкладывать!

— Да подробности-то я знаю, легко догадаться. Мне бы в целом.

Лера вдруг заплакала. Она быстренько ладонью смахнула слезы со щёк и тихо добавила:

— Ты у нас, Валя, яркая. Тем более — инженерша. Тем более на тебя некоторые смотрят. Ты, конечно, имеешь право. А я как-нибудь уж...

Валя, держа на отлёте пакет с пирожными, обхватила Леру за шею и зашептала:

— Да, Лерочка, да, всё было, только не было ничего. Не договорились мы. А ты очень хорошая. И вы помиритесь.

— И вы пошли на лиман потом, и он, конечно, потребовал...

Он же такой, ну.

Лера молча всхлипывала ей в плечо.

— Глупенькая, дурашка кудрявенькая моя. Не могла дожидаться вечера. Ты хотела в отдел идти, сцену устраивать?

— Ага. Но я не умею сцену. Я и так чуть не удавилась.

— Перестань, всё прошло.

Она хотела ещё добавить, что длинный и тяжёлый разговор ни к чему не привел. Нельзя ничего делать насильно, а ведь и Саня всё это делал насильно, наперекор своему чувству, и сама Валя, она тоже хотела сделать себе насильно, любя другого человека. Потому ничего и не вышло!

Они ещё раз порывисто обнялись. Не потому, что есть на свете пресловутая девичья солидарность! А просто, когда всё запутанное проясняется, то как-то легче дышать. И младший экономист рванула на своё рабочее место.

***

Письма на юг.

«Дорогая моя девочка, каждое твоё письмо для меня — и отрада, и ужас, каждое твоё письмо беру в руки с краской стыда на лице и мгновенной теснотой в душе. Вот такое тяжёлое для меня время — первый год жизни моего сынишки. Меня мучают люди, обстоятельства, собственная глупость. Вот сейчас, кажется, пошла работа, и найти время для писем можно. Но на работе месячный испытательный срок со строжайшей внутренней и внешней дисциплиной. А тут ещё необходимость лечь в больницу по женским делам, и как раз это в первый месяц работы вряд ли кому понравится. А без работы никак нельзя оставаться. Маленька сживёт со свету, а в её руках маленькая ахиллесова пяточка — Марк. Напряжение, переносимое уже только на третьем дыхании. Ты на меня не сердись, голубчик. Ну, ещё месяц-полтора, если меня не выставят, у меня точно будет больше времени для общения, для писем, для философских раздумий.

Господи, дай мне немножко покоя! Хоть капельку. Хоть ровно настолько, чтобы чуть-чуть отдохнуть. Ты подожди меня ещё немножко, пожалуйста, если ещё любишь меня, не сердись. Я, правда, не отговариваюсь, не пудрю мозги, я почти загнанная лошадь, которой осталось лишь покоряться обстоятельствам. Мучиться совестью, что не отвечаю на такие письма, на такие твои письма. Последние действительно раскованные, доверчивые и открытые.

Какое заманчивое предложение приехать в южный городок! Смогу ли я? Смогу ли я когда-нибудь действительно просто отдохнуть? Приезжай пока ты ко мне. Как я по-новому встретила бы тебя новую. Душевно по-новому. А подружка Нонка твоя пусть алкоголика своего бросает. Безнадёжно это и глупо. Мужик должен быть фундаментом, каркасом, хозяином, мудрым, добрым и строгим. Таких, конечно, сейчас нет, и время не для них. Прошло и пронесло. А остальные, нынешние – не стоит с ними и связываться. Правда, если очень хочется – не остановишь, но безнадёжно.

Ты писала о Гельмане. Ну что Гельман? Его взрыв социализма изнутри? Лично я с ним знакома. Дважды пила в Москве с ним, с этим евреем талантливым, носом по ветру. Не взрыв это у него, а взбалтывание перед употреблением. Ничего у него не получится – ни для правых, ни для левых. Только правда взрывчата, только она полезна. Не надо хитрить. От этого всем трудно и вредно. А он же именно хитрит, хотя подчас свято верит в пользу своего творчества, хотя на полном серьёзе уверен, что его посадят, тем более после того, как в Париже назвали диссидентом. Холодный он человек внутри, стареющий козёл. Свежие помидоры у него дома – это самое прекрасное воспоминание об этом человеке».

Лана очень резкая и насмешливая. В разговорах с ней и в письмах Валя всегда чувствовала свою отсталость. Чувствовала, но никак не могла преодолеть разрыв во взглядах, в мыслях, в образовании, и в силе характера. Лана что сказала, то и сделала. Всегда. А Валя, что бы ни говорила, никогда не могла выдержать характер. Стоило её пальцем поманить – и я уже всё, готова... Сообщение о Гельмане огорошило тогда. И показало мелкость Гельмана и его почитателей. В смысле, наивность.

После Гельмана она уже не рисковала рассказывать о просмотренных фильмах, прочитанных книжках, боялась быть поднятой насмех.

Вот ведь, милый очкарик Уля пошла к Лане по Валиной просьбе, как всегда, отнести какие-то книги. В полуоткрытую дверь прихожей она увидела, как метались тени по стене, услышала какой-то грохот. Постучала, подняв плечики к ушам. Без реакции. Ещё постучала, дрожа от страха, она же очень деликатная эта Уля, и обязательная опять же. Ну, раз её никто не слушал и на стуки не

отвечал, Уля просочилась в прихожую указанной квартиры. И прямо на неё полетело растопыренное тело, что заставило Улю откинуться и захлопнуть дверь своею же спиной. Так она застала сцену отвратительной драки Ланы с какой-то ещё женщиной.

Они дрались жёстко, с выламываньем рук, с киданьем друг друга об стены. «Чет вы вообще, – наверно, сказала Уля. – Не ожидала от вас. Вот Валентина велела передать». И поставила на пол сетку с книгами (какими, уж теперь не вспомнить). Они, конечно, стали столбами, потом Лана нервно надела на плечи сползший лянлялый халат, шмыгнула носом и сказала: «А плевать, что вы ждали, а что нет. Вон!» – и, видимо, указала на закрытую дверь, которую Улька не могла сама открыть. Они с той второй вылетели, как из пушки. А в это время в комнате напротив сидел и спокойно игрался маленький мальчик. Видимо, Марк?

Ее застали в позоре, а она хоть бы что. Интересно, из-за чего дрались.

***

Письма на юг.

«Дорогая, когда Надежда принесла чудо красоты – комбинезончик для Марка, у меня не было слов. Славный, мягкий, хорошенький. Самому Марку он очень понравился, он не выпускал его из рук. И даже, не сопротивляясь, дал примерить. Он в нём похож на самого красивого в мире чукчонка, надеюсь, ты это чудо увидишь когда-нибудь сама на фотке. Прости за откровенность, принять такой подарок – это мне дорого стоит. Трудная работа принимать подарки. Если дарит человек, которому ты не до конца доверяешь, не знаешь точно, что за это не придётся расплачиваться разочарованием, то это испытание. Дорогая, я отношусь к тебе, как и ко всем близким, бескорыстно, душевно. Я бы хотела по праву старшего, более опытного, и много испытавшего человека помочь тебе понять себя. Понять этот «безумный мир», рассказать обо всём просто и честно, не умничая и не стремясь к превосходству. Я могла бы рассказать о той части пути, который уже сама прошла и который тебе только ещё предстоит. Мне очень дорого твоё доверие, твоё обращение ко мне. И я, по мере сил, если возможно, буду тебе старшим товарищем. И может, когда-нибудь при условии полной откровенности,

полного бескорыстия, взаимного доверия, мы станем настоящими друзьями.

Я бы, конечно, никому не рекомендовала стремиться ко мне в близкие: человек я слишком жёсткий и суровый к близким. С Надеждой мы действительно друзья и, как люди совершенно свободные, почти пятнадцать лет прожили мирно, а сейчас в состоянии самой ожесточённой взаимно-беспощадной войны. И эта война — несмотря на нашу взаимную любовь, на сознание, что мы созданы друг для друга и друг друга понимаем. Поэтому в качестве старшего мне как-то удобнее, спокойнее. Выбирай сама. С моей стороны — всё бескорыстно. И не сердись на то, что я скажу. Я буду тебе товарищем и без всяких подарков, но прости, мы не так близки, поэтому у меня нет полного доверия. Я уже не так простодушна, как раньше. Сама я пока в безденежье. До сих пор в студенческом существовании, а в отношении подарков груба, неловка, невежлива. На основе взаимного дарения для меня отношения невозможны. Будь добра, соверши требующую абсолютной честности и огромного мужества такую операцию над собой: подумай, действительно ли в стремлении дарить присутствует одно лишь бескорыстное чувство помочь, доставить удовольствие или далеко не бескорыстное чувство своей щедростью поразить, добиться одностороннего преимущества.

Меня устроит любой вариант: признаешь, что была бескорытна и своим участием ничего от меня не требуешь. Признаешь, что переоценила свои возможности, и признаешь, что была не до конца откровенна в этом подарке, во всех своих подарках — это будет не только прекрасно, но и мужественно.

Я принимаю тебя любой. Это высшая мудрость, оказывается, судить людей по их же мере.

С дальними это ещё получается, а вот с близкими — трудно.

Вот ты говоришь, что душевно потратилась, а все уснули. Дело, к сожалению или к счастью, в том, что никто ни в чём не виноват, никогда. Это с одного раза трудно понять. Каждый живёт по своим законам, каждый хочет жить хорошо, никто вроде бы не хочет ссориться и скучать. Но люди ссорятся, скучают и обижают друг друга, когда стеснена их свобода, когда они не могут делать то, что хочется, когда что-то мешает. Стремясь

избавиться от помехи, перекрывают доступ этому чему-то. Допустим, это и был недоступный уровень твоих интересов, а может, они вообще далеки от всего этого, и всё, с тобой связанное, было им чужое, стесняющее, ненужное. Ещё один из самых низких уровней протеста. Но ты должна была понять, попробовать, а не обрушивать бурный поток своей мысли на их ограниченные тёмные души. Это всё трудно понять, с кем имеешь дело. Я сама до сих пор грешна и, видимо, буду этим грешить всегда.

Всегда знала и любила вывод Овода: люди хорошо к тебе относятся только тогда, когда ты в них не нуждаешься. Но, как говорится, то, что можно познать, нельзя просто узнать. Трудно познать себя, но ещё труднее это делать одновременно с познанием других, определить место близких людей в системе близких отношений. Нельзя требовать от других того, что они не могут. Это неразумно. Все предательства, размолвки, ссоры происходят прежде всего потому, что мы не сумели определить человеку, с которым вступили во взаимоотношения, его настоящего места, установить уровень требований. И значит, в первую голову виноваты не они, а мы сами. Либо жёстко и сурово выбери в товарищи людей способных тебя выдержать, а если ошибся — не обижайся. И не обижая, порви с ними. Либо суди их по их законам. Люби, старайся узнать лучше, будь снисходительной и великодушной, если равноправные отношения не получаются. Иначе мы будем спотыкаться на каждом шагу, злиться без права на это, считать всех неразумными и чёрствыми. А ведь и мягкие, и бесчувственные могут любить, быть самоотверженными с теми, кто им нужен. Это трудное искусство, сочетать свои требования с чужими. Но для разумного сосуществования осваивать их необходимо. Чтобы не плакать так, милая девочка. Надо только помнить, что каждый должен жить хорошо, что мы не имеем права презирать других людей. Ненавидеть, стараться устранить кого-то со своей дороги — зачем? Уйти самому — пожалуйста. Но презирать — это мелко.

Ради бога, не восприми это как нравоучение, просто я сама это выстрадала совсем недавно. И поскольку тебя тоже интересуют эти проблемы, я охотно с тобой поделилась, может, пригодится.

Будь добра, расскажи подробнее о твоей подруге: факты, вплоть до биографических, а потом уже эмоции. И ещё, каков

распорядок вашей дружбы, когда вы видите, по чьей инициативе, чем занимаетесь, круг ваших интересов, что соединяет, что разъединяет? Как она выглядит? Может, смогу что посоветовать, чтобы тебе не приходилось столько плакать.

Дорогая моя, позволь поздравить тебя заранее с праздником! И пожелать тебе ясности и простоты. Большое спасибо тётчке Валечке от Маркваськи за комбинезон. Привет непредсказуемой подружке Нонне. Дай вам бог радости и поменьше сложностей. Что вы всё ругаетесь? Сама я тоже сложный человек, но предостерегаю: не надо тратить жизненные силы на ерунду. Целую, Лана. Прошу не очень ждать быстрых писем».

Поразительным человеком оказалась Лана. Она была в тяжелой ситуации в моральном и материальном смысле. Поэтому естественная реакция со стороны окружающих — помощь. Но помощь её оскорбляла. Валентина внутренне ахнула, обнаружив сильное сходство с чертами Цветаевой. В дани виноват дающий, он должен прощения просить, а не тот, кто просит. Комбинезон она купила без всяких задних мыслей. Просто это была вещь, нужная для сынишки Ланы. Нравоучения подруги по поводу этого невинного подарка так обескуражили Валю, что она заплакала. Порыв же был хороший, но оценки полностью всё извратили, и тут уж никак нельзя было сказать, что Лана простодушна. Назвать Лану заудой Валя даже мысленно не могла...

Валя тогда как раз посмотрела «Премию» и строчила письмо под впечатлением! Ей это казалось так смело, так убедительно, она просто пузыри пускала от гордости за страну.. Откуда ей было знать, что это просто социальный заказ...

«А он, оказывается, холодный человек!»

И дальше самый тяжелый... самый стыдный вопрос, до багрового румянца, это вопрос бесконечных ссор с Нонкой. И со всеми другими: кто был глупее или умнее, с кем не совпадал уровень. Что она могла ответить о режиме дружбы? Что она живет с этой Нонкой в одной комнате, и это одно уже — тайфун и смерть фашистским оккупантам. Нонка, которая тратила на тряпки, сладости и косметику больше, чем зарабатывала, была в долгах и жила за счёт других. Но поскольку она была ранена любовью в одно место, ей многое прощали.

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Валюшка велась на её закидоны, тащилась с ней в ресторан, а потом кричала, что тупеет. Так не водись, не водись с тупыми. Не бросай последние копейки на вино. И с теми музыкантами тоже. Хорошо, когда они были редкими внезапными гостями. Но они же превращали их комнатку в питейное заведение. Им же всё равно, где пить, лишь бы было где приземлиться, разлить, гитары расчехлить... И на всю-то ночь.

Ей было стыдно описывать всё это Лане. Ведь тогда бы стало ясно: Валя такая же, как они. Какое она имела право их судить? Да ещё выступать? И нечего тут...

20. Тревога.

Экономика в купальниках, Ася в фате

Редкая сцена разыгрывалась перед новым заводским общежитием. В этот момент на свежеразбитом газоне перед террасой были высажены кустики можжевельника, тигровых лилий и бархатцев. До этого момента заранее посеянная газонная трава уже взошла иголочками, невероятно украсив неприглядную серую землю.

Постоянный шум моря смешивался с музыкой из репродуктора, пел Рафаэль.

Девочки из общежития, все в купальниках, недалеко от веранды поливали новоявленный газон. Это было обычное дело: в Лиманске купались в море весь сентябрь, почти до октября. Шланг, змеей тянувшийся из двери, плескал воду на дорожку. Валя схватила шланг и направила на Зинаиду. То есть с одной стороны это была улица, с другой — пляж.

— Валя, сейчас же перестань!

— Так она высыхает сразу же!

— Валя, ну ты потише. Смотри-ка вон там, не Долганов?

— Он! Гуляет с дочерью Лорой, которую он купал под музыку Генделя. Видите, какие косы? Он вообще музыку ей крутил, когда она ещё была в животе матери. А вон и младшенькая. Гуляет с детьми, надо же.

— Валя, при чем тут Гендель? Ты всё валишь в одну кучу. Я тут недавно с ним сцепилась... Тяжелый он человек, максималист. А что дочка у него, делает успехи в музыке?

— Ещё какие! Она лауреат такого-то конкурса, и ей уже предложили работать в музыкальной школе, в которой она сама и учится. Это караул: она с первых тактов узнает любое произведение.

— Значит, правильно, что купал под Генделя. А младшая?

— Младшая у него в народном хоре. А максималист это как?

По-хорошему это или по-плохому?

— По-всякому, — Зина задумалась. — Везде у него крайности...

Тихо! Что-то говорят по радио.

— Ни фига хорошего. Обзор прессы. Урожай Кубани. А мне, наоборот, нравится он. Есть в нем какая-то благородная обреченность, как в дяде Ване у Чехова...

— Ты любишь не того, кого надо.

— А кто у нас любит того, кого надо? Может, вы? Директора-уголовника? Или Тонечка из цеха ТНП? Вы знаете, от кого у неё ребёнок? Говорят, от Команиди...

— Валя, замолчи! Давай сменим тему? Скажи лучше, чем же кончилась эта история с вашей медсестрой?

— Это с Асей? — Валя мечтательно поворошила волосы. — Там не всё так просто. Тоня из её комнаты мне шепнула, что вроде бы даже заявление в милицию она забрала. Доктор из скорой выдал ей результаты обследования, с которыми можно было посадить кого угодно. Но Ася на это не пошла. А почему? Ведь вначале она была в сильном гневе и готовности мстить, а потом вдруг круто изменилась...

— Её как женщину можно понять. Ославят на всю округу, попробуй отряхнись, — Зинаида Зиновьевна сдержанно вздохнула, думая о своём.

— Да, Зиночка же! Да кто же теперь на это смотрит. Ходят же слухи, что у Тоньки ребёнок вовсе не от моряка, а от нашего же, заводского... ну, ладно, ладно, молчу. И ты посмотри, какой повышенный теперь к ней интерес: коляску ей купили, продукты несут и всячески берут под крыло. По коридору ходят интересные мужчины.

— Брось, пожалуйста, — Зину даже передёрнуло. — Под крыло они возьмут! Это на содержание, а не замуж.

— У нашей Зиночки понятия восемнадцатого века! А нашей Тонечке лишь бы ребёнка поднять, остальное — детали.

— Фу, Валя.

— Зиночка, я согласна, сменим тему. Я тут на минувших выходных обнаружила одно хитрое местечко, где можно добыть импортную косметику. Сказать?

— Конечно, сказать. Или я не женщина? Помада вышла вся, тушь, тени — тоже нужны. Лучше французские. Это где же?

— А вот лавчонка с посудой, всякие дуршлагаи алюминиевые да тёрки. В самом уголке внутри рынка, напротив ещё восточные люди с люстрами стоят. И вот как пройдёшь эти люстры — сразу в углу. Но не в самом же магазине.

— Ага, — Зиночка сообразила сразу.

Ей, как и всем, приходилось прочёсывать весь этот рынок, так называемый «толкан». Взять на толкане — значит взять дорогое,

но не обязательно хорошее. В магазине легко было купить рабочий или байковый халат, слежавшуюся школьную форму и картонные чёрные пальто женско-мужского назначения. А вот за красивым ходили на толкан, туда же — за косметикой.

— Кстати, наша Ася подозрительно часто стала мотаться в те края.

— Ну и правильно. Пусть девчонка на себя тратится, отвлекается от грустных мыслей.

И вдруг обе они замерли.

Голос из репродуктора: «...Выбраны лимиты бензина до конца квартала. Обеспечение металлом неравномерно по профилям, многие спецификации держат сборочные цеха на голодном пайке... Деревообработка усилила противопожарные меры, но один несчастный случай свел к минимуму все усилия. Неоднократно нарушалась в текущем квартале и техника безопасности. Стало известно, рабочий выпил ацетон вместо спирта. И то, и другое немисливо на рабочем месте. Положение крайне тяжелое. Наш источник сообщает, что коллектив, измотанный постоянной штурмовщиной, целыми бригадами отказывается от сверхурочных смен. Завод «Лиммаш» — градообразующее предприятие, и для всего нашего района — основной источник прибыли. Однако в этом месяце не ожидается прибыли ни по основной номенклатуре, ни по товарам народного потребления... Администрация и партийный комитет района серьезно обеспокоены сложившимся положением... Временно исполняющий обязанности директора товарищ Долганов не мог принять решительных мер по оздоровлению обстановки. Комиссия главка констатировала, что итоги полугодия являются результатом негативных искривлений во всей системе управления производством...»

— Такого по радио никогда не передают, — уронила Зина. — Нам мерещится! Это приговор. Или заговор. Или завод закроют, или...

Валя встревоженно перебила:

— А как же Андриан Ильич? Что будет с ним? Смотрите, стрелочника нашли!..

Послышался шум подъезжающих машин и звуки сирен. Дверцы захлопали как хлопушки новогодние. От дороги к общежитию пошла весёлая толпа. Впереди всех — медсестра Ася в пышном свадебном платье со шлейфом от плеч. Фаты на ней не было, но

высокая причёска была украшена мелкими белыми цветами. Под руку её вёл не кто иной, как Игорь Кириков в ослепительно белом костюме. Весь его привычный облик грубого чувака на полусогнутых ногах был распрямлен этим костюмом так, что Кирика стало не узнать. Его вечно лохматая грива преобразилась в аккуратную «канадку», даже его рыжая борода выгодно облагорожена.

Ася не просто выступала красавицей, она всегда ею была, в ней появилась упрямая гордость. Она шла не одна. Черты лица могут быть симпатичными, но самое главное — в ней изменилось её внутреннее состояние.

— Мы славимся тем, что умеем гулять до упаду, — восклицал Саня Оврагин. — Мы славимся сплошняками в цеха-ах и на пляжах! (с ударением на окончание). Оврагин славится тем, что открывает шампанское быстрее всех.

— Ребята, не стойте столбами! — призывала Ася, распахивая руки в широких рукавах. — Вы же рады за нас? Тогда наливайте! Всем. Всем шампанского! Кирик! Не стой, разливай!

— Разве я мог мечтать, чтобы эта богиня мне приказывала? Богиня, приказывай! — Кириков с весёлым смехом разливал шампанское в бокалы и по сторонам.

— Приказываю всем пить и танцевать. Потом едем в столовую, там столы заказаны. Да, Кирик?

— Не знаю, зачем мне пить, я и так пьяный. Разве я мог мечтать? И вот надо же, сбилось!

— Да знаем мы, о чём ты мечтал, пока гонял на директорской машине на пляж. Что сам будешь квартиры давать, ага?

— Александр! Что я слышу? Может, сегодня мы не будем обсуждать производственные вопросы? Ты знаешь хоть, сколько клиньев в моем шифоновом платье?

— Ну не больше, чем у меня моторок!

— Валь! Мы же платье вместе шили! Скажи, что тут два солнцеклеша. Моторки у него две. А я одна.

— У меня у дяди ещё одна!

— Замолчи, кулак закубанский. Так, я требую как свидетель...

— Ты как свидетель уже всё сказала, а теперь я как твоя подружка... Будучи твоим же свидетелем...

— Нет, нормально! — закричал Кирик. — Вы — наши свидетели, а мы — ваши. Это же как классно! Я думал, так не бывает.

— Но так приказала королева...

Вокруг неё закипела толпа пляшущей молодежи с бутылками и фужерами, которые доставались тут же из коробки. При слове «королева» пацаны дурашливо пали ниц, изображая послушных придворных.

Оцепеневшие Зина и Валя не сразу сообразили, что при этом праздничном буйстве они оказались в купальниках и что надо немедленно на себя что-то набросить. Из общежития на звуки ещё выскочило несколько человек, которые слились с танцующими.

А Валя стояла неподвижно. Она никак не могла понять, что перед нею две свадьбы сразу. Одна — Аси, а вторая — Леры. Значит, они помирились с Саней. И возможно, то был фарс, разыгранный для Вали на один вечер: весь этот ресторан, все эти поцелуи на взморье. И никакого смущения. Будто этого и не было. Праздник вызывал в ней молчаливый протест.

Отказала? Молодец, получи ответную! А что она хотела? Чтобы тут люди пеплом головы посыпали? Ишь, ишь она.

— Валя, Валя, иди к нам, сейчас поедem праздновать! — Лера сделала вид или вправду только что узрела Валентину.

— Ребята, но я же не в форме! Может, вы уж езжайте. А я потом?

Но рядом уже оказался смеющийся Саня Оврагин. Он протягивал Вале полный фужер пузырьков:

— А вот ты сейчас выпьешь с нами и сразу будешь в форме.

Она залпом выпила шампанское и вспомнила про Зиночку, но ей уже наливали с двух сторон.

— Вы, дамы, на себя что-нибудь набросьте, а мы вас тут подождем. Да ладно, так и поедem. Это стильно. Королеву послушаться вы не можете.

А никто и не подумал перечить. В несколько минут Зина с Валею переоделись и помчались на легковушке навстречу свадебному безумию. По дороге они заскочили на лиман, добавив в него шампанской пены, к памятнику павшим и в порт, где им весело помахали с борта отходящего парходика. И наконец — банкет в стеклянном кафе «Прибрежное».

Перед дверьми столовой гостей ожидал сюрприз: небольшой казачий хор, исполнявший свадебный плач. «А кто ж у нас ранёшенько на дворе? Щекотала ласточка на зоре. Ой, на зоре, на зоре, Плакала девчоночка на море...»

Молодёжь захихикала, а вот Зиночка шикнула, дескать, молчите — традиция. А было вправду смешно. Чужие люди, закатив глаза, провожали невест на страшную подневольную жизнь, а в это время оплаканные невесты, не скрываясь, хохотали и вообще не очень были похожи на рабынь. А может, это был нервный хохот. До них стало наконец-то доходить, во что они ввязались. «Гуляй, гуляй, батенька здарова, Ой здарова-здарова, Сыми меня сы камушка белова, Ой, бялова-белова, У батюшки жалости нямнога, Ой нямного-нямнога, Не снял мне с камушка белова, Ой бялова-белава». Ну, там ещё долго, аналогично про жестокую матушку, которая тоже не сняла с камушка... Что это за камешек был, откуда взрослая дивчина слезть не сумела, осталось для гостей тайной. Но милый оказался не такой поганый. Он с камушка снял...

После художественного плача староста хора подал женихам красивые шлепуги.

— А теперь покажите, ребята, настоящий казачий нрав! Покажите вашу власть мужчинскую. А вы, невесты, на колени встаньте.

И услужливо бросил на землю два плетёных коврика. Невесты, хихикая, встали, преклонили завитые головы. По сигналу старосты женихи несильно хлестнули своих избранниц плётками, те, естественно, вскрикнули. Но староста погрозил пальцем: молчите, покорствуйте. Хорошо, что традиции на этом и закончились. Ася подобрала свой пышный подол с двумя подъюбниками, Лера — своё двойное солнце. Две новоявленные покорные жены в полном шоке вошли в банкетный зал. Дальше было как всегда: слово матери, слово отца. В данном случае слово трех матерей и трех отцов, родители Леры слишком далеко жили, за Уралом, и им можно было добраться до южного города только за неделю и при наличии большой суммы денег, которых не было... Была очередь к двум парам молодых с подарками, которые сильно перепутали, только уж разбираться никто не стал. В общем, было «горько!» А ещё было понятно, что так — правильно. И справедливо.

***

Письма на юг.

«Дорогая моя, ты описываешь мне нравы и систему отношений, свидетелем которых ты становишься в заводоуправлении, в общезитии. Ни одного человека в твоём окружении, который не жил бы

животной примитивной жизнью, я не смогла обнаружить, ну разве за одним исключением. Люди добывают хлеб насущный в каких-то немислимых муках, унижаются и лебезят друг перед другом, будто бы работа и получаемые за неё деньги не являются аксиомой. Поднапрягся, заработал, потратил, устал, изнемог, рухнул, точно куда-то провалился — и снова вперёд... Гигантский молох, пожирающий человеческие жизни, превращающий человеческое существование в отворотительную мясорубку, обезоруживает, обессиливает. Это потому, что люди не видят цели. Ради цели трудиться не так тяжело.

Я рада, что ты хотя бы начала читать Швейцера. Человек, библиотекой которого ты воспользовалась, наверняка не глуп и, по всей видимости, даёт твоему чтению некий вектор. Отчего ты, будучи здесь, ещё до конца учебы не подавала виду, что тебе в этом смысле нужен советчик? Жизнь Швейцера — это пример жизни альтруистической, высочайшей, исключительнейшей, не измеренной денежными единицами. Когда Швейцер уезжал в Африку, его все отговаривали. Но то, что кажется безумием простому обывателю, нередко составляет смысл жизни настоящей личности. А личность слишком часто не вписывается в общепринятые представления. Когда ты прочтёшь, мы ещё вернёмся к этому.

Ты просила написать тебе хоть немного о моей работе. Боюсь, мои размышления над книгами Платонова и Фицджеральда покажутся тебе невыносимо скучными. Ты живёшь внешней жизнью. Я существую внутри себя. Конечно, заботы о малыше, попытки прожить с ним вместе на невероятные копейки, стремление найти себе место, встраиваясь в преподавание любимых мною наук — необходимы. Но это только дань внешней жизни. Ибо я стремлюсь прожить её так, чтобы как можно больше времени осталось на настоящую жизнь, внутреннюю — жизнь мысли, сердца, проникновение в умы и души величайших людей мира. Поверь, внутренняя жизнь как будто протекает незримо, но она и есть квинтэссенция всего ценного, что есть в людях.

Один из важнейших ресурсов, позволяющих осмыслить жизнь народа на переломном этапе — изучение господствующей идеологии, цели движения данной страны. В Америке такой идеологией была модификация американской мечты в эпоху экономического процветания. В России был взят курс на реализацию утопической коммунистической идеи. Впрочем, утопична она и до сих пор. Для

обеих стран существовал целый сонм национальных иллюзий, которые вели и спланивали простых людей, но затем они неизбежно разбивались о суровую реальность. Достаточно ярко эти национальные иллюзии написаны Фицджеральдом и Платоновым. На первый взгляд, эти писатели очень далеки друг от друга, даже не сопоставимы по мировоззрению, мировосприятию, кругозору. К осмыслению своего времени они шли прямо противоположными путями, но к одному художественному результату. Оба оказались в среде избранных: Фицджеральд по воле романа «По ту сторону рая». Платонов – выходец из бедняков, ставший инженером. Выразители их взглядов – герои с артистическим даром Ричард Дайвер и Саши Дванов. Загадка в том, что каждый из них несёт и переживает крушение своей мечты-иллюзии, у каждого это сопряжено не только с романтическим пафосом, но также с болью и горечью. У Платонова это крушение связано с омертвением души, гибелью, у Фицджеральда смерть Гэтсби наступает не от внутренних, а от внешних причин. Да и как иначе? Мифологии требовали жертвоприношений! Воодушевленные герои «Котлована» обессилены, они физически тают. В «Ювенильном море» Надежда расплатилась любовью и смертью ребёнка за колхозные стройматериалы. Герои Фицджеральда, как правило, красивы и развиты, но их сопровождает такая душевная пустота, что сама мечта о рае обесмысливается.

Несовпадение национальных идеалов и личных надежд приводит не только к разочарованию в носителях идеи, но и к разоблачению самой идеи. У Фицджеральда – Вавилон, город-вертеп, осознание близкой расплаты. У Платонова также есть приближение мрачной развязки и гибель Саши. У Фицджеральда Гэтсби также погибает, преданный средой. В том и в другом случае жертвами становятся самые лучшие.

Подумай над этим. Мне кажется, напрашиваются явные аналогии с тем, как нам приходится жить теперь.

Не жертвуем, не теряем? Значит, нет того, во имя чего... А если добьёмся, потеряв – значит плата была адекватной. Говори это себе, когда наступит время потерь».

Увы! Для бедной маленькой Вали, с её поверхностным беспорядочным чтением и полным непониманием окружающей сре-

ды, Платонов всегда был воплощением чего-то советского, общественного, масштабного, как демонстрация. А Фицджеральд – это полный индивидуализм, богема, ночь нежна и так далее. Найти между ними что-то общее ей бы даже и в голову не пришло. Но, читая это письмо, она вдруг поняла, что у этих двух людей, вернее, у их героев, возможны общие идеалы. Как это могло быть, непонятно, но её безусловная вера в ум и авторитет Ланы заставляла возвращаться к этому снова и снова. Это письмо среди других было самым затрёпанным, и оно, в конечном счёте, стало ключом к пониманию некоторых событий.

Всё, что произошло дальше, надолго сжигало её душу. И компания Дайвера и Дванова могла бы вполне продолжиться Долгановым. Потому что это был человек с идеалами, а за это пришлось платить. Валя читала про «Гегелевскую концепцию трагической вины», которая обрушивается на всех преобразователей. Но он же ничего не хотел преобразовывать, только не врать – себе, стране, окружающим людям. И за то, что он бы не такой, как все, его наказали.

21. Срывание масок

Любимое место на лимане, куда ходила Валентина погрузить, отделяла от остального пляжа старая акация. Рядом – длинный ящик, полувросший в мелкий ракушечник. Можно было уютно посидеть, посмотреть на воду, послушать её плеск и шепот. Правда, пляж был не личный, и приходилось его иногда уступать развязным ночным прохожим, зато днем тут было вовсе спокойно...

С жаркого и тесного банкета Валя ускользнула не одна, а с Чурой-чеканщиком. Чура, ударение на «а» — обычный мужичок, рослый, чуть сутулый, косматые негритянские волосы в косичке, чёрная футболка-газетка, невообразимо широкие холщовые штаны прошлого цвета. Он даже на свадьбу не оделся нарядно. Он случайно попал за столик с Валею и всё молчал, только повторял: «От дивчина, так дивчина». Светлые глаза его на загорелом лице резко выделялись. А ещё выделялись тонкие морщинки: когда не гримасничал, они разглаживались и становились незагорелыми. Так худое лицо ещё больше походило на чеканку. Работал он в доме отдыха рабочим, а в свободное время чеканил из жести загадочные картинки, в основном на любовную тему, за что и прозвали его чеканщиком. Да не только Валею, но и всех уносило по одному, по два с того банкета, ведь еда и питьё быстро надоедали, хотелось общения, а в таком дыму и громе это было невозможно. Чура продержался недолго на стихах и разговорах. Потом спел тягучую степную песню, щелкая пальцами. Потом сказал сквозь зубы: «Завалил бы тебя, ох, завалил бы». Но Валя отмахнулась и потребовала тягучих песен ещё.

Чура взял да и запел на подозрительно знакомый мотив казачью «Косил сено старичок, да косил сено старичок, Косил сено старичок, да хрен повесил на сучок...» Голос его был хриплый, но приятный. Пел он её, похлопывая себя по коленям. Дослушав до конца, девушка засмеялась всей этой шутилой похабности, но не обиделась. И, видя, что Чура опять пошёл в атаку, оттолкнула его.

— Чура, не порти мне удовольствие, не лезь под юбку. Ты мне понравился, а если ты начнешь меня валить, как ты выражается, мы поругаемся и всё. Ничего больше не будет.

— Да не собираюсь я тебя портить, что за дура девка. Только поглажу.

— Нет, не надо. Просто ужас, какие в этих местах парни кобелистые.

— Так это ж хорошо, — развёл руками Чура.

Увы, чистосердечно было его удивление...

— А ты адатная больно.

— А это что значит? Ругня какая-нибудь? Сколько раз уже слышала.

— Да нет. По-нашему упрямая. Пошли провожу, раз ласки не схотела. Или просто нравится сидеть?

— А ты благородный, — обрадовалась Валя, будучи уже очень под газом.

— Кобель не анчутка, — отрезал Чура. — Ласкается чутко.

И начал её всё-таки целовать. И так, и этак поворачивал, и волосы врзлет, и шею, и вырез, и руки. Так приятно. Тут бы и сомле-ла хмельная. Но заскрипел ракушечник и — ой, так стыдно! — её окликнули.

— Валентина Петровна! Вы ли это?

— Гуляй, байдак... — пробормотал Чура. — Шас я его шугану.

— Нет! Уйди, уйди, пожалуйста, Чура. Это не то, что кажется, это знакомый по работе...

— Чё как испугалась-то? Больно надо... Иди, балакай, только я подожду.

Долганов подошёл очень-очень медленно.

— Добрый вечер, Валентина. Вернее, почти ночь. Ты же вроде на свадьбе гулять ушла?

— Я ушла... Да, я гуляю, сильно. И ещё пойду. А вы не хотите? — она заговорила быстро и заискивающе. Ей, кажется, было стыдно. А почему? Ей всё можно, она большая девочка. Нечего дрейфить.

— Нет, я не люблю пир во время чумы.

Опять он её проверяет. Читала ли классику или вовсе неучёная... Но в переносном смысле это означает всё, что угодно!

— А-а-а, понимаю. Чума — это если возвращение кое-кого из кутузки?

Долганов пощелкал журналом по ладони. Напрасно пошёл он в эту сторону!

— Моя бесценная, чума — это погибель, понимаешь? Это когда люди потеряли всякое понятие о том, что есть что. На чёрное

говорят белое, на белое — чёрное. Спутанное сознание. Всё равно если бы Швейцер вылечил своих туземцев, а они бы взяли да его и убили. Но нравственность-то есть! Даже если погибают её носители... А у некоторых давно нет уже никакой нравственности...

Валя зацокала языком.

— Это вы обо мне? Естественно, я плохая девочка. А кто мне показывал голых в альбоме? Когда мы с той же Нонкой к вам пришли?

— Это альбом мифологических трактовок. Лучшие графики мира. Обнаженная натура. Не порнография в «Плэйбое». Но о том, чем различаются голые и обнажённые, мы говорили уже. И я никак не ожидал, что ты ещё упрекать меня будешь за показ живописи.

— Ой, ну ладно! Какая там разница: голые, обнажённые — один хрен.

— Вот как ты заговорила? Может, уже и Кеннет Кларк — старый развратник?

— Мне сейчас не до умных мыслей, Андриан Ильич. Честно хотите? Народ вас не поддерживает.

— Почему это тебя так волнует? Хотя я и был бы растоптан этим народом. Да кто такой этот твой народ? Не тот ли самый, что за квартиры ложился пластом и расстегивал директору брюки? Такой народ пусть борется дальше, за что хочет.

Валя картинно уши зажала, заоглядывалась по сторонам.

— Тихо вы! Других способов получить квартиру на заводе нету.

— А ты меня со своим батькой атаманом не равняй.

Долганов отвернулся к воде. По воде летали точки мелких светлых отблесков, будто там, внизу, кто-то играл с огнём.

— Значит все, кто не успел, потерпят без квартиры. Но Валентина, ты просто пьяна и ведешь себя, как на базаре.

Вот так он всегда: начнет на вы, сеньориотра, а потом быстро разозлится и теряет марку. И начинает воспитывать. Она хотела тут же уйти, но что-то её держало. Она чуть не закричала от борьбы с собой:

— Ну, Андриан же Ильич! Громко говорю, потому что жарко, вышла из шума проветриться... Но что-то я не досказала... А, да! Народ вас не поддерживает. Это, конечно, грустно. А я поддерживаю. Понимаете? Я хотела вам сказать, но мы теперь не обедаем за

одним столиком. То есть ваше положение не позволяет вам со мной разговаривать.

Долганов почти сквозь зубы сказал:

— Какой же толк от твоей поддержки?

— А что бы вы знали, что вы... Не один на белом свете.

— А хоть бы и один! — он как-то криво усмехнулся закрытым ртом. — Что мне твой народ... Я не занимаюсь популизмом, от мнения масс не завишу. Слава богу, есть личный взгляд на вещи... На заводе творится чёрт-те что. Хотел что-то исправить, а меня на бюро сегодня так прочистили... Дали всестороннюю оценку вредителю. Так стоит ли?

— Вот же уроды, — заговорила она, тут же повышая голос. — Вам надо ехать отсюда! Прямо к моему отцу, он вас поймет. Такой же, как вы! У нас сегодня свадьба, так? Свадьба сильная. У меня платье специальное, каймовый креп-фай.

— У кого свадьба, а у кого и похороны.

— Нет, я имею в виду не закулисную борьбу вокруг директорского кресла. А просто свадьбу Аськи и Лерочки. У нас большое гулянье. Но на этой свадьбе я лишняя. Меня никто не приглашает, не обнимает, ни то, ни сё...

— Ну, почему же? — собеседник её скривился, развел руками, как в реверансе. — Ты каждый раз обнимаешься здесь с разными типами. Этого добра тут много.

— А потому что! Чура-чеканщик, наверно, считает, что я ваша девушка. Видите, сразу убежал. Или спрятался! А так они же вредные, казачки местные. Мог наподдать...

— Что за чушь?

Он сразу устал и, махнув рукой, с размаху сел на ящик.

— Я женат и у меня две дочери. Скорее, ты девушка Команиди.

Валя накалилась.

— Да нет, вы не поняли. У Команиди тоже жена, дочь и ещё женщина, у которой от него сын. Кстати, похож. Это другое.

— Что значит другое? Нашла время морочить мне голову. Я же седой. Терплю крах по всем статьям. Не хватало мне ещё встать в этот хоровод вокруг тебя.

— Я не морочу. Что вы, совсем?! Я же просто... чую вас. Вы... необыкновенный.

— Что за ужас ты говоришь! С чего ты это взяла? Старый, заезженный...

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Валя набрала воздуха и понеслась с горки в пропасть.

— Мне тоже нравится быть на стороне проигравших. Всегда мне нравились старые, некрасивые, умные мужчины, с усталыми глазами. Вы в этой бородке похожи на разночинца, который пошёл в народ. На революционера, которого завтра казнят.

— Легкомысленная вертихвостка! Что ты несёшь, Валентина?!..

Но она не обиделась на вертихвостку и говорила с напором, точно боялась, что её оборвут. И как будто не слышала его даже.

— И вот!.. Я думала, что я приду сюда, а вас здесь нет. Вот бы не было его, думала я. Но вы оказались тут. Вы просто гуляли, ничего такого. Вам наплевать, с кем я тут хожу, сижу, обнимаюсь...

— И всё время с разными... Да, часто я тут бываю. И гуляя здесь годами, когда тебя ещё сюда не принесло. И почему я должен изменять своим привычкам? Однажды зимой лёг на лёд и не хотел вставать. Мечтал одеждой примерзнуть и не открывать больше глаза на эту никчемную жизнь. Меня отрезвил блеск в чёрной полынье. Я увидел в этом блеске чёрные глаза Лоры. И встал.

— Что ж такое было с вами, что вы не хотели вставать?!.. Видно, шарахнуло сильно... Да, и вот пришлось сказать вам. И не ждать ответа, потому что его нет.

— Конечно, нет. Ты хочешь, чтоб я притворился Пьером Безуховым? Ну, «если бы я был не я, а самый лучший, умнейший»... И так далее...

22. Месть среды, или Наказание кулешом

Поездка на остров Зелёный логично заменила второй день свадьбы. В самом начале Валиной заводской жизни, когда бригада Оврагина приходила записываться на приём ещё к прежнему директору, приглашение на остров Зелёный прозвучало, как официальное признание приезжей Вали и принятие её в близкий круг Оврагина. Но ни в тот первый раз, ни во все остальные выехать не получалось: то её отправили на помидоры в совхоз, то она поехала в командировку по РТИ, то заболела... А в этот раз всё счастливо сходилась.

Снизу, с семейного этажа, прибежала Лера и, поискав что-то в шкафу, быстро проговорила:

— Валь, ты много не набирай с собой, ты же там всё время будешь на пляже, возьми только два купальника и кофту тёплую.

— Пляжный комплект: купальник и кофта тёплая — это что такое, Лерочка? Брюк не нужно?

— Да ну, как хочешь! В кофте не по пляжу будешь ходить, это ночью, если холодно, перед сном напялишь. Там очень холодно в палатке ночью. И трикошки возьми, конечно, — Лера давно принесла все вещи на нижний этаж, но постоянно прибегала под предлогом чего-то забытого.

— Так что ты ищешь всё-таки?

— От комаров, у меня тут много было в шкафу: и роликовый, и карандашный.

— У меня роликовый.

— Давай, я побежала, спускайся. Нонку-то будешь будить?

— Не знаю, Лер, если быстро получится, а то она сейчас заведёт эту волюнку: в душ, закрутиться, накраситься. Ждать её не хочется.

— Ну, давай, смотри по обстановке, а то пошли со мной, — Леру смысла воздушная волна.

Валя, нахмутив лоб, отыскала свои купальники и потеряла за ногу безмятежно спящую Нонну.

— Нонка, вставай! На остров поедешь? Чего молчишь? Ты уже не спишь, наверное.

Нонна молчала, но кто бы поверил, что она спит! Валя всё, что хотела, положила в сумку и рванула вниз. Потом ведь будет ныть, что её не предупредили, а её предупреждали вчера.

На автобусной остановке — немыслимая рань и ни одного человека. За несколько минут набралось уж восемь человек, в том числе, конечно, Саня Оврагин, Ася с Кириком, Курочкин с братом, Ниночка прямо в бигудях. Только автобус подошёл — вся компания ринулась в две дверки. «Все вошли?» — пыталась сосчитать всех Лера. А из автобуса они высыпали уже вместе с Нонкой. «Ой, откуда ты, соня-просоня?» — «А я замаскировалась».

На остров выехали из порта, потому что там, на стоянке, были две Саниных моторки. А почему он не на лимане их оставил? Да потому что у порта ждала их вторая половина компании. Парни запаслись не только средствами от комаров: три канистры вина, две канистры пива, ящик копчёной колбасы, круглая голова сыра, в двух бидончиках маринованное мясо, коробка с крупой и вермишелью. Отдельная двадцатилитровая канистра с колодезной водой — на вес золота. Мчаться на моторке ранним утром навстречу выходным на острове Зелёном — это восторг и пьянящее предчувствие. Холодные брызги летели в разгорячённое лицо, Валя жмурилась и фыркала, её разбирали смех, необъяснимый с точки зрения вчерашнего дня. Она боялась только одного: вдруг моторка перевернётся. Вся эта скачка напоминала езду на деревенской таратайке по выбоинам грунтовой дороги. А Валя плавала плохо. Она уже убедилась, что вода здешняя солонее пресных рек её родины, но всё-таки было страшно. Саня говорил, что с одной стороны острова очень мелко, а с другой — очень глубоко. То есть будет и пляж, и лягушатник.

Интересно, кто-нибудь догадался взять палатку, или все будут спать под одеялами прямо на улице? Что-то уж больно много спиртного. Свадьба свадьбой, но вино надоело накануне. Надо же, и Чура пришёл. Она посмотрела на него вопросительно, а он в ответ только подмигнул. Нет, он никому не скажет. Только он один видел её с Долгановым на берегу, но он никому не скажет. Хотя... Кто знает это хитрое казачье. Вдруг, пользуясь знанием тайны, начнёт ещё приставать, не дай бог. Опасно держалась и Лера. Может, у неё не прошла обида, касаемо недавнего Саниного предложения? Какое-то две недели прошли, нет, месяц, наверное, а как всё устарело. Центр вселенной — не Саня Оврагин, центр вселенной, наверное, продолжал мирно спать дома, а как хорошо, если бы он оказался в соседней моторке. Нет, надо привыкать жить в другой вселенной.

На остров они приехали часа через два, это оказалось довольно далеко, зато никаких жарких толп людей на пляже, полная тишина и только плеск воды. Суматоха на острове кипела недолго: поставили палатки, разожгли костёр, Оврагин достал тяжеленные якоря, укрепил лодки и всё. Курочкин и Кирик нанизывали шашлыки. Лера угостила всех пивком. И купаться можно было до одурения.

Палатки были разбиты неподалёку от рощицы, где был мелкий берег, а Валя отошла чуть подальше, ей не хотелось на людях крика, хохота, шума, который поднимался столбом с этого берега в слепое бесцветное небо, снова хотелось одиночества.

Там оказалось местечко с камнем, за которым начиналась глубина, вот этот камень весь шершавый, как пемза, изъеденный водой и стал Вале дружком на весь сумасшедший уик-энд. Она приходила в компанию, перекидывалась парой слов и уходила обратно к камню. С этого камня можно было не только в воду прыгнуть, можно было прыгнуть сразу на несколько лет назад, ещё во времена учёбы в институте. Вспоминался вечер в редакции газеты, рядом с ней сидел огромный человек с рыжей бородой в пиджаке и косоворотке. Как потом оказалось, местный критик. Он бормотал себе под нос, что наступили дурные времена, и вот теперь, когда мир убедился в абсолютном первенстве русской литературы, какие-то умники сидят и разбирают гнилых западных писателей. Там была ещё женщина, худенькая в полосатом трикотажном платье, с узким личиком, узкими глазками. Она запальчиво говорила про Фолкнера, про взаимодействие культур, но Валя тогда ничего не поняла. Она вернулась с вечера с чугунной головой, развернула смятый без обложек журнал. Это оказался отрывок из романа Фолкнера «Деревушка». Роман ей не нравился, он был скучный, в нём отсутствовала любовь, в нём не было головокружительного сюжета, каких-то сверхгероев или супергероинь, но Валя не остановилась, пока не прочитала трилогию: «Деревушка», «Город», «Особняк». Женщину в полосатом звали Ланой. Долго и мучительно Валя разыскивала её адрес и однажды без спросу приехала к ней. Она вспоминала этот эпизод снова и снова. Дома никого не было, Валя стояла в подъезде часа два, потом появилась Лана и не смогла открыть дверь: забыла ключи или потеряла. Они пошли гулять меж домов, меж кривых старых деревьев по чахлому окраинному парку и говорили, говорили. Вале казалось загадочным всё: и жёсткость

её фраз, её неестественно прямая спина, её полемический запал, и как она шурилась, и держала дистанцию. Солдат, а не женщина. Но она была такая интересная. Их была целая компания: Лана, Ри, Еленка. Они любили говорить о себе в прошедшем времени, они после института вместе работали в Узбекистане и вместе оттуда вернулись, они были бедные и задиристые. На любой встрече они неизбежно вспоминали Узбекистан: там произошло что-то судьбоносное. А потом ставили пластинку и подпевали ей: «Жил-был я, стоит ли об этом...».

***

Письма на юг.

«Валя, дорогая, спасибо за письма, правда, спасибо. Это не только вежливая формула. Мне дорог каждый человек или та лучшая часть его, которая не заостенела в мёртвом стандарте эгоизма, самодовольства, или наоборот безнадежно завихрилась в трусливо-бездумном потоке общительности, прожигания жизни, всё равно как, с кем, всё равно с чем. В тебе есть мятежность, беспокойство чисто человеческая некомфортабельность (к комфорту в человеке стремится животная, а не лучшая его, духовная часть).

В своем письме ты как-то хорошо поставила меня на место, теперь не рискую использовать назидательный тон... Так вот, мне представляется, что всё лучшее и худшее в тебе – в непостижимой для меня очень запутанной форме. Как ни у кого из знакомых мне людей. Действительно, у каждого человека лучшее и худшее перепутано, как говорили древние – наши недостатки – продолжение наших достоинств. Более того, у каждого человека внутри, глубже или ближе к поверхности, существует полный набор из самых лучших черт, связанных социальной природой человека, и худших, вызванных его недоверчивой диковатой животностью. И только в движении, осмысленном и целенаправленном, в лучшую или худшую сторону, эти черты оказываются востребованными. И человек тогда получается характерно выраженным – нормальным или наоборот, злодеем, хапугой, мещанином. Как ты, наверно, успела заметить, люди преимущественно живут бездумно и бессмысленно, и черты характера в них киснут, бродят, случайно проявляются, случайно исчезают... Жизнь современного человека тяжела, кто только не стремится облегчить её, но

безуспешно, а также обезличить, лишить личной ответственности, без которой личность невозможна. Я ещё в шестнадцать твердо знала, что без цели, без дела мне жизнь не нужна.

Ты упрекнула меня за то, что я всегда была занята. Я испытываю обычно неловкость, когда недодаю людям, во мне нуждающимся, но резко и прямо говорю упрекающим меня в недостатке времени для разговоров – что я всегда буду занята, пока живу, и буду жить, пока занята.

Для меня давно, несмотря на тесные отношения со многими людьми, нетерпимы бездельники. И, прежде всего тем, что они аморфны, расплывчаты, непонятны, не знаешь, что от них ждать. И неясно, где главное в них, где второстепенное. Смогут ли они нанести удар из-за угла или не смогут. А на такой почве взаимоотношения невозможны. Ни одна дружба и любовь не выдержали бы испытания такой неопределенностью.

Меня подкупают в тебе стремление к самоознанию, твоя страсть, прямо-таки страсть делать отношения, по-рабочему относиться к ним. Нравится в тебе способность критически, насколько можешь, честно относиться к себе. Но прости, мне не нравится когда ты, разочаровавшись в человеке, в возможности наладить с ним требуемые тобой отношения – отказываешь ему в каких-либо достоинствах, начинаешь относиться к нему зло и необъективно. Каждый человек сложен...нельзя ни к кому, отказавшись от взаимоотношений, относиться непримиримо.

Мне жаль, что ты так относишься к Антюховской (Татарке). Как бы ни тяжела была она сама, дружба с ней, её характер, но я, не нуждаясь в ней материально, высоко ценю в ней человека-борца. Человека, чья жизнь проходит в борьбе за кусок хлеба, за крышу над головой – а это самая трудная борьба, не считая революционной. И борьба за достойное общение, какие бы формы она ни принимала. И чем более грубые и варварские формы она принимает, тем больше я ей сочувствую. Разумеется, я могу ошибаться ней. В том, например, что она не способна на предательство. Если я когда-нибудь столкнусь с обратным, обещаю тебе признаться в этой ошибке.

Боюсь, что ваша дружба с ней обрушилась из-за различных жизненных стартов и различных жизненных позиций, такая дружба была невозможна в принципе, слишком мало общего.

И ещё. Говоря о нас и о Ри, младшей в нашей компании, ты вроде бы отметила, что мы были на равных и что она гордо держалась. Нет, ты неправа. Нет, её подавляло то, что мы её превосходили возрастом и подготовкой, она страдала от этого. И мечтала добиться равенства! Всё это проходило небыстро. Но такие вещи не выпрашивают, их добиваются. У нас с Надеждой тоже были старшие друзья, во многом нас превосходящие. Но это естественно, и у нас не было комплексов. А равенства мы добились.

А ты всё время хочешь получить то, до чего не доросла (Долганов) и пренебрегаешь тем, что тебе дается бескорыстно. Это относится и к тем мужчинам, которые изначально не могут быть с тобой близки. Тебе – либо любовь, максимум, либо ничего. Но как это неверно. Дружба дороже любви, ты ещё оценишь это. Пусть будет в жизни то, что уже есть.

Дорогая, прости, что часто не могу писать. Я хотела ответить тотчас, но сначала Марк заболел, и не было ни минуты. А теперь, когда я пишу, он заглядывает мне в глаза, лежа диване, просительно смеется и уже начинает злиться на мое невниманье. Привет дикарке Нонке. Постарайся ей доказать, что бескорыстные отношения – самые выгодные и результативные. Не надо ничего ни от кого требовать! Отдать всё. Ничего не ждать. А там что выйдет. Нечаянная радость – самая сильная. Икона такая есть, ты знаешь? Целую. Пиши, только позволь не мучаться, когда отвечать не дают обстоятельства. Лана».

Валентина перечитывала письмо Ланы. Другие! Ох уж эти другие! Она столько описывала ей в письмах своих друзей и подружек, что, наверно, Лана уже не представляла Валю отдельным человеком. Так, что-то извилистое и многоногое, как сколопендра. Или как цепочка людей, обхвативших руками друг друга. Почему же Дикарева была такой общительной, почему тратилась так безрассудно на других людей? Да она и сама себя не помнила отдельно, а только через друзей – что кому нужно, какие у кого нелады... Главное её событие всегда было в том, что случилось у них.

Вот и Татарка, соседка по общежитию во время учебы. Валя пыталась её опекать, учить читать – не только буквам, конечно, а в более общем смысле – про что читать. Но её, бедную, это так раздражало, что она, по природе незлобивая и дружелюбная, просто

зверела и посылала училку, посылала... На предательство Татарка и правда была не способна, костями могла лечь. Но она бросила Валю открыто, когда той было плохо, хуже некуда... Вот как раз это Лана назвала страстным строительством отношений, но, увы, курам на смех такое строительство. Оно приводило к душевной боли.

Лана одиночка по натуре. Она встречалась с людьми не потому, что она этого хотела, а потому, что они так хотели. Она шла им на уступки, но вскоре начинала сторониться. А Валя, не понимая, за руки её хватала, на дороге попадалась. И вот если бы она так не тратилась на других, а начала бы строительство с себя, только тогда был бы толк. А то сидела Валюша теперь над этими письмами, головой качала. Какого друга потеряла, какую душу не услышала.

В разгар воспоминаний на фоне зелёных острых волн перед ней закурился шашлык. Это Чура подкрался незаметно и принёс ей шкворчащее угощение. И он без слов знал, где её искать.

— Бросай свои бумажки. Насладись вот этим.

— Спасибо, Чура, это чудо.

— Это ты чудо-юдо, если бы не я, ты бы даже не попробовала. Ушла в ссылку в самый разгар праздника. Адатная девка.

— Спасибо, спасибо, это значит, я тут не одна, у меня рыцари есть. А ты насчёт того, что вчера, — никому?

— А что вчера? Я тебя довёл до общежития, ты рухнула спать, больше ничего не было.

— Конечно, не было. Чего это я, правда.

Чура-чеканщик знал, что, кому и когда нужно сказать. Или лучше вообще ничего, никому, никогда не говорить на всякий случай. Чтобы даже волна не шла.

— Чура.

— А.

— Ты не обиделся вчера? Ну, что я обнимала, целовала, но потом так всё вышло... Некрасиво.

— Нет.

— Почему? Я бы обиделась.

— Хотел приласкать тебя, жалочка. Но не вышло. Я не обижаюсь вообще, пойми. Ни на кого. Отпускаю сразу.

— Да ты великодушный, Чура!

— А то.

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

— Мне тоже надо так делать... Нет, жить надо так, как ты. Всё отпустить.

— А пойдём — винца?

— Не хочется, Чура. Когда пьёшь несколько дней подряд — это называется запой.

— Да брось ты. Ну, ладно, не хочешь — как хочешь. Сиди. Ты стихи пишешь или как?

— Просто думаю, Чура.

— Про что?

— Про то, что хороший ты.

Накупавшись и наевшись шашлыков, компания расплзлась кто куда, большинство — спать. В общем, отдых на Зелёном и был чередованием купания и сна.

Но костёр на Зелёном — это вещь феерическая, неповторимая. К вечеру стало ветрено, огонь отрывался от костра, его языки мелькали, отлетая на полметра и более, искры уносились в небо и становились звёздами, а небо было не чёрное, а какое-то серозелёное, и вообще тьма опускалась на остров местами, сгущаясь только в палатках. Почему-то ей казалось, что, несмотря на свадьбу, Оврагин всё-таки на неё посматривал, и Чура как-то тоже подозрительно посматривал, и вот эти ребята, которые присоединились к ним в порту — она их не знала — но они тоже как-то посматривали. Она думала: сейчас начнётся. И ей не хотелось ничего этого, её центр вселенной был не здесь.

Утром её разбудили очень рано. Кто-то потряс за плечо, это был Курочкин. Он её потряс, поманил пальцем. Выбравшись на четвереньках из палатки, она сразу закоченела, несмотря на все свои кофты и штаны.

— Пошли, поддержишь сеть.

— А другие что?

— И другие.

— Так в воду, что ли?

— А ты рыбу на песке думаешь ловить?

Она завернула штанины и полезла, а Курочкин полез на глупину, а ещё дальше полез Чура. И у неё мелькнула задняя мысль, что этот не бросит.

— А что Оврагины-то, короли, что ли?

— Новобрачные они, трогать нельзя.

Они шли вокруг острова по каким-то неизвестным кривым, ловили какое-то невидимое течение, вырывающее из рук тяжелую цепь.

В полумраке рассвета вода колыхалась тёмно-голубая, с серебришкой, поверху подернутая паром, а вдалеке из неё уже наполовину показался розоватый солнечный диск, он вставал как прислонённая к стене декорация... Было смутно, но ярко, каждый предмет выходил из тьмы как тот диск, постепенно.

— На руку-то намотай конец, — буркнул Курочкин. — Всё уронишь.

Она послушалась, а Курочкин махнул Чура «поворачивать», и они стали сходитьсь. Бродя у берега целый час, Валя почему-то не замёрзла. Упираясь ногами в ракушечник, она чувствовала, что её уволакивает, толкает, но она сопротивлялась.

— Мальчики, — крикнула она. — Долго ещё?

— Да скоро уже, ты рот не разевай, конец держи. Ты, Чура, плывёшь или стоишь?

— Да иду уже, иду!

Они вытащили сеть на берег. Ставили её на ночь, а утром постарались ещё пройти максимальное расстояние перед тем, как свернуть. Казалось, что это совершенно бессмысленная возня, но в результате на песке оказался ворох мокрых чёрных верёвок, который шевелился на глазах. Три больших рыбыны и мелочь.

— А вот эта толстая, какая?

— А это, Валюха, настоящий деликатес.

— Неужели красная рыба?

— Вот, — улыбнулся Чура, — сразу видно, ты не рыбак, а рыбоед.

Не, девочка, это судак. Стало меньше его, но попадает. И пиленгасы. Чистить умеешь?

— Конечно, умею. А вон те, головастые — кто? У, страшные.

— Бычки, девочка, бычки азовские. Самый смак в ухе.

Пока они возились с сеткой, настало утро, на берегу ноги поскальзывались на выброшенных морем бычках. Откуда их занесло? Дохлые?

Но Курочкин и Чура быстренько собирали бычков в большой целлофан и засыпали солью, чтоб не стухли. Потом их провялят и будет что надо. Оказывается, иногда бычки от недостатка воздуха и жары сами выкидываются на пляж, надо хватать.

Чура выдал ей узкий кривой нож и показал, как и что, а Курочкин быстро раскопегарил костёр. Оказывается, уху надо было варить из мелкой рыбы, а крупную завернули в фольгу, чтобы испечь на углях. Пока она чистила, Курочкин поскреб молодой картошки. Пока варилась уха, Валя плавала и качалась в безлюдных волнах.

Когда она лежала тихо, даже слышно было, как в ноги щекочет мелочь и как упругая вода болтыхает её ровно в качалке.

У них было волшебное слово — «выручай». К концу второго дня, когда не осталось ни уха, ни колбасы, ни сыра, ни вина, пришлось варить суп. Валя, продежурившая не раз у костра, хотела смыться, но ей не дали.

— Валюха, выручай, — прошептал ей в ухо Саня и запустил руку туда, куда не положено. Она откинула руку.

— Ты меня что, опять хочешь поставить на камбуз? Но ничего же нет, из чего варить.

— Валюха, ты женщина или труба на бане? Вари из ничего, выручай.

Он принёс ей короб с пригоршней вермишели, пару банок консервов. Но ещё там была какая-то пшёнка и несколько картофелин — не густо. Оврагин перепрыгался, солнце показывало, что уже день к концу, а обеда ещё не было. Валя размышляла над тем, как ей выкрутиться.

— Воды-то дашь?

Но вокруг уже никого не было. Из прямоходящих оказалась только Ниночка.

— Ниночка, выручай, не знаю, из чего варить. Что варить?

Ниночка такие слова понимала быстро, она оглядела позорные, скудные припасы и спросила то же самое: «А воды нет?». Они притащили флягу, побултыхали её — маловато. Пришлось вылить остатки в ведро и заняться наполнением. Ну что, картошку почистили, с крупой связываться не стали, покрошили две луковицы и морковь, в конце загрузили вермишель.

— Ой, Валька, больно густо, надо чем-то разбавить.

— Да нечем разбавлять, пресная вода кончилась. Пойти посмотри, может, вино осталось.

— Нету вина. Ну, посмотрю.

Ниночка притащила почти пустую флягу из-под сухого. Вылили, ужас. Вареву в ведре забулькала живее, соли добавили, каких-

то пряностей в пакетике и полпачки забытого в углу коробки маргарина. Нет, нормально. А потом они узнали, в некоторые супа нарочно доливают вина...

— Нинка, может, несъедобно будет.

— Давай, консервами сдобрим, где открывашка?

Нинка сбегала, и ребята открыли ей банки. Не успели положить, как к костру потянулись оголодавшие разбойники. Они хищно поглядывали в сторону едва заметных бульканий в ведре, костёр уже прогорал, но пахло очень привлекательно. Пришла Лера и высыпала в ведро целую пригоршню привядшего укропа. Поскольку половника не оказалось, всю кашу до этого и всю уху разливали кружкой, но как только народ расселся, Вале пришлось разливать тем же способом. Просили добавки. И ещё много осталось в ведре. Оврагин сказал, что с Валькой можно пойти в разведку, ну и Нинку для разнообразия прихватить. Оказавшись в болоте, в горах, на лимане, в лесу, эти девицы наверняка сварганили бы вот такой же сложный кулеш из ничего, из остатков, из неликвидов, годных на выброс, в целом ведь у них получилось довольно классно.

***

Письма на юг.

Дорогая, как иногда тяжело читать твои письма. Я сама на раздумчивые многоточия до сих пор не способна. Но всё же продолжаю героически попытки сдерживаться, обуздывать себя, замедлять движения, когда хочется нестись, сломя голову... Всё равно чувствую, знаю, не могу не понять: ты вся из восклицательных и вопросительных знаков. Вот за это и бита, хотя этим же и жива.

Мне бы приехать к тебе, поболтать спокойно, услышать тебя. Увидеть эту нелепую, такую обычную и такую вечную Нонку, которой никто и ничто не поможет. И только набитые шишки вкупе с неумолимым временем сдвинут её с мёртвой точки, эту вечную девочку.

Легко и просто понимаю тебя, варварское твоё желание помочь, изменить, улучшить. Как понятна эта чисто человеческая боль – сидеть на берегу и видеть, как тонет, корчится близкое создание. На моих глазах уже столько утонуло, несмотря на все отчаянные и тоже варварские – даже не варварские, ведь без на-

силлия над чужой душой, – попытки спастись и спасти... Столько их было, что на этом безадресном берегу я уже испытываю чуть ли не кладбищенский покой.

Человек обречён на одиночество. От одиночества могут спасти только сторонники, единомышленники. Только в борьбе – а это для меня без пафоса, простое и будничное слово – можно обрести подлинных друзей, которые не только поймут, не только будут всегда рядом ощутимы, но и не предадут, не оставят... Человек, отказавшийся от борьбы хотя бы за себя и прежде всего за себя, никогда и другому помочь не сможет. И никогда не будет тебе другом – просто баба, в её вековечном, животном, древнем страхе потерять мужика. Не имею в виду конкретно кого-то из твоих подруг, но пойми, такой бабе большие не за что цепляться, если она отказалась от борьбы за себя, свою гордость, потеряла чувство реальности во взаимоотношениях с ним, в общении со всеми остальными.

Может, ты думаешь, я не человек, не женщина и себя ставлю над всем этим? Нет, я вполне могу понять, могу искренне сочувствовать, считать неизбежным и оправданным этот женский страх оказаться одной на дороге жизни. Но сочувствовать – только до той черты, пока животное не забирает человеческое, и пока баба не перестает оставаться другом – просто так, бескорыстно, вне расчетов на вознаграждение, чувственное или материальное. Другом, не только меня, но и себя уважающим, способным другим любящим помочь.

Я не знаю о твоей подружке почти ничего, но судя по её поведению, в ней сейчас лучшее, человеческое, всё забыто и забыто. И в такой ситуации твоя война за неё безнадежна. Она все твои действия и слова понимает только как жажду верховодить, и природное упрямство её тратится не на сохранение себя, а на сопротивление тебе.

Тебе, как и всем сейчас, слово «борьба» скорее всего кажется слишком «далеким» и «высоким». Но ты мне близка, понятна и приятна ни чем иным как способностью к борьбе. И как бы ты сама это слово ни расценивала, оно уже долгое время остается главным и органически, естественно неизбежным в твоей жизни. И значит, у тебя есть шанс преодолеть бабью отключённость от жизни, от её действительных, реальных ценностей. Значит,

у тебя есть шанс стать надежным соратником, другом, хотя это очень трудно. Нужна мудрость, умение собраться, сила, мужество, нужно спокойствие, уверенность в себе и трезвое, свое представление о жизни. Нужно истребить варвара в себе, выработать терпимость к ближним, к их способу жить, даже если ты другая, и тебе это не подходит.

Это всё трудно. Мне кажется, что я не добьюсь этого до конца своей жизни, хотя я знаю, что это нужно. Но у меня же есть шанс. И у тебя есть этот шанс. Я бы на твоём месте не стала его терять.

Мучься, страдай, плачь, ненавидь, только не смирайся, не предпочитай мучить других.

Старайся не мстить другим за непонимание, отсутствие помощи, слепоту и равнодушие. Ты можешь надеяться только на себя, что помощь извне возможна только случайная, сюрпризом.

Как при чужеродности остаться терпимой? А надо. Терпимость нужна для того, чтобы постараться понять другого, его ценность и действительное место среди людей вообще и для тебя в частности. Вот и всё.

В глобальном смысле ты никогда никому и ничем не можешь. Каждому придется пройти свой путь до конца, путь, предопределенный его характером и судьбой. Разве что частное, мелкое, в краткий отрезок времени. Помочь можно только добротой, снисхождением, уважением, основанном на внутренней свободе, зелёной улицей даже для их заблуждений.

Тебя волнует, как помочь остановившимся, как «лечить» от тупости? Но для этого нужна мудрость, общая и внутренняя культура, большие знания. Ибо знаменитая «Клятва Гиппократата» умоляет «не навреди». Если есть желание помочь, так помоги, прежде всего, самой себе, себя воспитай, удержишься на ногах, не мчишь, «закусив удила, не трать понапрасну время.

Знаешь, я пишу сейчас не столько для тебя, сколько для себя. Тоже «не волшебник, а только учусь». Но это всё необходимо человеку, на которого можно надеяться. Которого можно любить. Прошу: если веришь в возможность полностью довериться мне, пусть не теперь, позже – то будь проще со мной. Ничего не накручивай, не выдумывай, пиши, как есть. Даже не выбирай выражений, не старайся «подправить» реальность. Мне дороже и ближе по-

человечески вся эта кухня твоих сумятиц, войн, страданий, глупостей, – не бойся, они неизбежны – а также благородных заблуждений, поисков и утрат.

Чего точно не прощу, и тебе в том числе – низости, кривды, корыстно-хищнического отношения к людям. Их использования, звериной злобы в их адрес, стремления оскорбить и унижить... Даже если есть за что, даже если – виновны... Думаю, этот список ты легко продолжишь сама, обо всём догадаешься.

А любая душевная борьба, бескорыстное стремление к истине, дружбе, любви – мне позитивны и родственны. Не знаю, кем надо быть, чтобы этого не понять, не принять.

Книги, господи, да не было ещё человека, способного обрести абсолютный покой в их обществе. Они дают знание, но не тогда, когда душа в смятении. Ты мне такие «монашеские» представления не клей... Даже хуже, чем монашеские – одно их общение с Богом куда дороже стоило – но зато он был им истинным, живым, настоящим другом. Какие книги, что ты.

На улице скоро весна, весна принесет надежду на тепло, свободу, раскованность. Правда, гнёт уже надежды на встречу с самым лучшим другом, любимым. Но не страшно. Это даже прекрасно – знать, что это невозможно, но всё же не терять ощущения полноты сущего, высокого строя внутренней жизни. Я не имею морального права желать тебе того же. Но могу пожелать душевных сил и любви исходящей. Лана».

Суждено ли... Как знать, суждено ли тебе встретить главного человека в жизни. Почему Лана думала, что ей не суждено? Может, печальный опыт общения с отцом Марка настроил её так? Никогда Лана не была закомплексованной, она отчетливо понимала свою самооценку. Но горечь, горечь всё покрыла и пропитала.

Но при этом она Валюшу ещё и на оптимизм, на радость настраивала. Сама сидела, горем давилась, а всё же вырабатывала концентрат радости и надежды.

Нет, она должна как-то узнать, что её тревоги не оправдались. Дикарева не попала в рабство формального брака, наоборот...

Тем временем на острове Зеленом все сели играть в карты, и кто проигрывал, тот должен был съесть миску кулеша. Валя-то в карты не играла и этого ничего не слышала, она сидела с книж-

кой и письмами на своём камне, а потом Чура крикнул, что пора собираться обратно, и она пришла. И она это увидела, что такой хороший кулеш, который спас их от голода на острове, вдруг превратился в наказание.

— Оврагин, ты чего здесь устроил? Я тебя выручила? Выручила.

— Валюх, надо всё собирать и мыть. Ты не следишь за хозяйством, девчонки пошли укладывать скарб, а ты сидишь, читаешь, а кто будет мыть всё это?

— Я тебя выручила, Саня, и ты меня выручи. Ну, что непонятно?

— Пусть компания выручает. Доедайте, козлы. Я не допущу, чтобы потраченные деньги пошли в помойку.

Она потеряла дар речи. Да, он потратился, да, он имел право всех утыкать. Но когда никто не хотел и не умел выйти из положения, она это сделала, а теперь она стала посмешищем. Всех уже тошнило от этого кулеша. Тогда она подошла и всё, что осталось, вылила в море. А потом набрала полные горсти ракушечника, почистила ведро и поставила рядом с Саней. Все смотрели во все глаза, если бы эта сцена разыгралась с участием Леры, это было бы понятно. Лера — жена, и её будут бесконечно проверять на прочность. Но Валька была таким же гостем острова, как и все. Может, он решил взять реванш за тот неудачный ресторан, когда делал ей предложение? Поставив ведро, она постояла, посмотрела вдаль, порисовала пальцем ноги узорчики на песке.

— А знаешь, лихой казак, что я тебе скажу? Всё-таки правильно, что я тогда ответила «нет». Да, ты устроил всем праздник, спасибо тебе. Но не дай бог, чтобы каждый праздник кончался таким обломом. Не разочаровывай меня больше. Ведь они твои друзья — и тебе их не жалко? Лично я не собираюсь с тобой ругаться, хотя могла бы. Но не буду.

На обратной дороге ехали молча. Разлетались брызги от моторок. Разлетались в пыль иллюзии.

23. Предыстория гордости

Марк Антонович вовсе не собирался провести свою жизнь в мелком районном центре, пусть даже и на берегу Азовского моря. Видел он это море сто раз, приезжая к бабушке на каникулы. Учился он сначала в Ростове, потом мама, работавшая в административной структуре столицы, устроила его в МГИМО. Потеряв два года, Марк, однако, никогда не был ни в отличниках, ни в хвостистах. Поскольку карманные деньги его зависели от степени удачности сессии, он соображал, что при тройках и получит соответственно. Мама его внешне была безэмоциональной женщиной. Однако это не значило, что всё у неё в жизни было гладко. В детстве Марк внимательно разглядывал своего отца, который был намного старше мамы. И он быстренько сообразил, что его с мамой фамилия – это одно, а фамилия папы – совсем-совсем другое. Сказками о детях в капусте его никогда не пичкали. И он чётко понимал, что живёт с отчимом. Пятнадцатилетие Марк отметил в лагере отдыха на Рижском взморье. Отдых у мальчика уже тогда был элитарный. А вернувшись домой, сумрачный подросток с шевелюрой чёрных волос и густым загаром спросил мать прямо в прихожей:

– Мама, я надеюсь, ты не будешь мне врать?

Мама посмотрела на него:

– Что имеешь в виду?

– Тайну моего происхождения. Я вот жду, жду, что ты мне скажешь, а ждала ты, когда я вырасту, и вот! Вырос! День рождения в лагере прошёл очень хорошо, мы всем отрядом ели роскошный пирог, потом жгли огромный костёр на берегу. А самый лучший подарок – знаешь какой?

– Какой?

– Первый поцелуй девушки.

– У неё первый поцелуй или у тебя?

– У меня.

– Ба, действительно большой мальчик. А тайны никакой нет. Мне бы только не хотелось эту тайну обсуждать при папе. Он всё знает, но зачем действовать ему на нервы.

– Мам, давай без околичностей.

– Давай хотя бы чаем тебя напою, я специально сегодня отпросилась со службы.

– Ага, вот и околичности.

– Нет, снимай рюкзак, умывайся и иди на кухню.

Напоение чаем представляло собой обширный обед с салатом из чернослива, солянкой, рёбрышками в томате, ну, и сладкое в виде суфле. Всё это было «к чаю». Марк просто «умирал» от мамы, пытавшейся его отвлечь. Но поиграть он и сам любил. После суфле он её взял за руки, сделал лицо на фоне знамени и выдал тираду:

– Сынок, ты, наверное, догадываешься, почему я этого не сказала раньше. – Естественно, понимаю: чтобы не травмировать нежную психику ребёнка. – Как сам ты понимаешь, я не признаю никаких романов без любви. Это было сильное чувство. – Согласен, такой «твёрдый искровец», как ты, очертя голову в омут не кинется. – В те далёкие времена наши люди не могли просто так ездить за рубеж, а я могла. – Ну, мам, это уже совсем близко, теплее, теплее, горячо. – Я была по горячей путевке во Франции... – Или в Италии, мам? – Я была по горячей путевке в Италии...

– Да врешь ты всё! – не выдержала мама. – Ты прекрасно знаешь, что в капстраны не пускали тогда. Я ездила в страны социалистического содружества.

– Ага, значит, это была Чехословакия или, того хуже, какая-нибудь Югославия. Ну, какая разница. Короче, при вашей группе был гид, великолепно рассказывал, шутил, был фейерверком, всё такое. Мам, он был югослав?

– Он был грек. Подрабатывал на экскурсиях, чтобы закончить университет.

– Это его фамилия?

– Да. Он добился бумаги для меня. Но жить вместе не смогли.

– Ну и болтушка же ты у меня. Видишь, я примерно так всё себе и представлял. Научили тебя в твоей системе держать язык за зубами. Я в полном восторге. Отцу-то как сказала?

– Он сам всё понял. Хотя в тот момент мы ещё не были официально женаты.

– Вот так, встретились два болтуна. То-то я смотрю, у вас во всём согласие, вы похожи, как две капли воды. Вы просто не могли не пожениться. Мам, а как с отчеством? Папа у нас Павел!

– Ты хочешь знать имя отца? Антоний Агафон Команиди.

– Мам, всё хорошо, не волнуйся, ребёнок всё знает, ребёнок не в претензии, что папа грек, кстати, об этом я узнал от своей девуш-

ки. Она такой знаток этнических групп. Спасибо за чай, пошёл я. Не грусти.

Вот так вот, почти не пришлось ему ничего рассказывать. Он был очень досужий и обычно лез поперёк батьки в пекло. Единственное, что портило ему жизнь, – это небольшой рост, но он взял себя в руки, преодолел и это. Вот этот поцелуй в день его пятнадцатилетия на долгие годы зарядил его насмешливым достоинством и уверенностью в себе. Опереточным соблазнителем он не был, но и одиночеством не страдал ни в институте, ни после него.

Ехать дипломатическим представителем в мелкую африканскую страну мог либо сын номенклатуры, либо сын миллионера. У Марка не было ни того, ни другого. Его родители были просто чистые, белые воротнички, не отягощённые ни связями, ни деньгами. Когда на распределении Марку и ещё одному парню предложили поработать с дипломатической миссией здесь, чтобы потом иметь шанс на Турцию, у Марка выиграло сердце. Ага, он сам всего добьётся. И тут разыгралась такая мизансцена. Вот этот самый парень – его однокурсник – тяжеловесный, горячий белорусский парень, встречался с девушкой, железной отличницей, своей землячкой. И вот эта землячка накануне распределения, кажется, Алеся её звали, пришла к Марку в общежитие и встала перед ним на колени. Марк хотел всё в шутку обернуть, но Алеся продолжала стоять на коленях, кусая губы, и молчала. Целый час стояла, Марк был выдержанный человек. Он был в курсе их романа. И он мог делать с ней всё, что угодно: мог воспользоваться, мог поднять, обнять и к сердцу прижать, мог пинком выгнать в коридор. Но он, конечно, её уговаривал сначала, а потом просто погладил по голове и сказал: «Ну, хорошо». И вот эти чёртовы белорусы взяли распределение в миссию с прицелом на Турцию, а Марк получил свободное распределение и поехал к бабушке на каникулы. По тем временам это считалось редким везением, а для Марка это был худший поворот событий. Родители его не ругали, они никогда не осуждали человека за благородные поступки.

В Лиманске Марк, придя на завод, не сразу стал начальником. Сначала в отдел главного технолога, прошёл всю технологическую нитку, включая цеховые службы, и дошёл до главного инженера. Смешно, но директор взял его, не знакомясь, почти с улицы и сразу позвал, было, в главные инженеры. Но это было слишком.

Но через отдел технолога было для самого молодого Марка полезней. Вообще-то он рассчитывал на экономическую службу, но там штат был забит, а директор Зяблик только рукой махнул: «Фиг ли тебе с бабами сражаться? Производство узнаешь, так и иди по этой линии, только с партией не играйся. У нас главный должен быть политически выдержан». И Марк не стал спорить. Это уже детали.

Однажды, провожая мать на поезд, он увидел в вокзальном скверике красивую женщину в маскарадной одежде. Так в его детстве выглядели женщины, выраженные в народные костюмы таджичек, узбечек: атласное шёлковое платье, две чёрные косищи, тюрбетейка и ещё шаровары. Это был полный отпад. Женщина одной рукой держала нечто похожее на подушку или узел с бельём, а другой рукой прижимала к себе маленькую девочку. Девочка плакала, но женщина как-то закаменела и даже ничего не отвечала ей. Марк не был сентиментальным человеком и прошёл бы мимо прямо к своей машине, но, включая зажигание, он краем глаза уловил, что к женщине подошли трое восточных людей и попытались её с собой увести. Марк брезгливо сморщился, так как держался всегда подальше от криминала. Женщина в маскарадном шёлковом платье давай кричать. Марк взял из-под сиденья гаечный ключ и вышел из машины. Бесшумно появившись около лавочки с женщиной, он негромко произнёс:

– Вот оно, только отошёл, она уж с кавалерами. Дорогая, давай помиримся?

Восточные люди опупели:

– Иди отсюда! Это не твоя женщина! Это наша женщина!

– Братья мои, хотел выгнать негодную, но на первый раз прощу. Не ради неё прощу, а ради дочери. Иди сюда, доченька. Пойдѐшь к папе?

Доченька, совершенно ошалевшая и опухшая от слѐз, не знала, что делать. Лет пять-шесть ей было. Где тут понять, что игра, а что взаправду. Женщина слегка подтолкнула её, и «дочка» подошла к Марку, уткнувшись ему в ноги.

– Братья мои, простите нас. Все разборки должны быть дома – не на улице. Дорогая, прости, зря накричал на тебя. Узелок давай.

И быстро, пока восточные люди не очнулись от его вранья, потащил девочку за руку к машине, прихватив и узел. Маскарадная женщина посеменила за ним. В машине он спросил:

– Давно на вокзале?

– Двое суток.

– Ребёнок голодный?

– Да.

– Сейчас ко мне на ночлег, а там посмотрим. Документы какие-нибудь есть?

– Только паспорт, диплом и свидетельство о рождении. Мы уехали внезапно.

Он не стал ничего спрашивать больше, привёз их в бабушкин красный кирпичный дом, отвёл в душ, молча выдал тарелку спагетти с сыром и разложил диван в гостиной. На душе у него было легко. Если бы, уезжая с вокзала, он увидел, как её тащат прочь, он не смог бы спать.

Он мог сделать из неё прислугу, мог выгнать, чтобы скиталась дальше эта несчастная, убежавшая от бешеного мужа-рабовладельца. Она бы потом бродяжничала либо попала бы к другим восточным людям. С такой острой, яркой, невыносимой красотой трудно было бы долго оставаться незамеченной. А что было бы с её дочерью – лучше даже не размышлять. Марк сделал иначе. Он сделал её своей женой. И когда она пришла на завод младшим бухгалтером в тарный деревообделочный цех, её никто не называл Зарой, а все — Зарой Самвеловной. Дочку Зары звали Исабель. Она сдружилась с девочками Долгановыми.

Валя никогда не думала, что осетинская женщина может быть такой. Осетинская женщина — это согбенная фигура, длинное покрывало, чёрная одежда и сама женщина, безгласная, безымянная, вечно что-то делающая у очага. Зара Самвеловна, несмотря на неоднократные побои бывшего супруга, сумела остаться человеком с тихим, но глубоким достоинством. По заводу она в шароварах не ходила, косы забирала в строгий узел. Единственная примета, оставшаяся от национальной одежды, — это маленькие осетинские шапочки. Часто они были под цвет платья. Это были игрушечные головные уборы, часто атласные, с затейливыми узорчатыми вышивками гладью, усыпанные бисером либо серебряными плашками. Синий, красный или белый атлас хорошо держал форму и почти всегда был отделан плотной печатной тесьмой либо люрексом. Была у неё особенная шапочка из того же зелёного цветастого хлопка, что и платье, и эта зелёная шапочка была вся усеяна мелкими пу-

говицами. Почему-то осетинские шапочки Зары очень притягивали взгляд. Когда она склонялась над папками, шапочка не сваливалась на стол, приколотая к волосам невидимками. Зара не только умудрилась окончить бухгалтерские курсы до своего замужества, но и шить научилась. Все эти шапочки она изготавливала сама.

Дочка не поддерживала её страсть к осетинским шапочкам. К Марку дочка претензий не имела. По сравнению с её гневным папой Марк был очень тихим родственником. Боясь обидеть приёмную дочь, он с готовностью откликнулся на все её мелкие просьбы, на которые мама почему-либо не реагировала, вернее, она реагировала, но отказывала, а Марк, получивший жену в таком явочном порядке, ещё долго не мог к ней подойти как к жене. Это отдельная история.

***

Марк Антонович с его излишним благородством, напичканный знаниями и дипломатическими хитростями, мог бы стать неплохим руководителем большого завода. Но он не хотел быть руководителем. Не хотел ходить на цыпочках перед администрацией района, не хотел с ними выпивать, обнимать их толстых жён, ездить с ними на шашлыки. Марка Антоновича воротило от партийных конференций, собраний и демонстраций. Однако он с лёгкостью давал интервью местной газете, рисуя перспективы развития полиграфической отрасли. И однажды даже пошутил: «Чем быстрее придёт технический прогресс, тем быстрее закроется завод. Мы сейчас тратим огромные материальные ресурсы ради вчерашнего дня отрасли. Вскоре этих мастодонтов в деревянной упаковке не будет». — «Как это не будет, Марк Антонович, «Лиммаш» что, перепрофилируют? Градообразующее предприятие?» — «Поскольку у нас «Партия — наш рулевой», то она что-нибудь и здесь придумает». В райкоме эту фразу запомнили, но мало кто тогда мог знать, что Марк Команиди оказался прозорлив. Партия выкрутилась, хотя и ненадолго.

История с той самой комиссией из главка могла бы не иметь никакого продолжения, если бы всё шло, как шло обычно. Недовольства по поводу директора было много. Подозрения могли пасть на Ираиду Чирко, как на не сработавшуюся с директором, либо на Долганова, вечного оппозиционера всякой власти. Однако

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

контакты Команиди с комиссией тоже могли быть, только об этом не знал никто. Команиди на заводе не было, он официально находился тогда на больничном, но за ним же никто не следил. И машина у него всегда была под рукой. Когда партком обязал Долганова исполнять обязанности директора, Марк снова оказался в стороне. Это был серый кардинал, и если кого-то свергали или выдвигали, то за этим вполне мог стоять каприз главного инженера, человека публичного, но всегда игравшего двойную роль.

24. Увидимся через годы

Письма на юг.

«Золото моё, терпеливица моя дорогая! Как мне теперь уютно с твоим великодушием! По-хорошему уютно, не по-свински. У меня такая быстрая жизнь, что трудно остановиться. Иногда я бешено радуюсь двадцатиминутной прогулке, наконец-то выпало время погулять, осмыслить всё, удалиться от этой грешной земли, от быта и забот, почти непосильной ответственности за моего мальчика, от глупости и мелкоты «близлежащих» людей. И если бы ты устала, если бы тебе тоже было тяжело, могла бы порваться ещё одна трогательная, но очень тонкая ниточка душевного общения. Мы все, по крайней мере, мне так кажется, непростительно беспечны и непростительно глупы: легко разбрасываемся дорогими людьми. Иногда так легко расстаёмся, мы, кретины, даже тогда себе не даём шанса хотя бы честно попрощаться. Я вот недавно подумала, что и мужество — тоже одно из самых необходимых черт характера, не только для того чтобы спать на гвоздях, но и просто в быту, по дисциплине общения. Сколько самопреодоления, воли, самоотказа требуется для того, чтобы не обидеть, ничего не забыть, не ранить невниманием! У меня этого мужества явно не достаёт. Остро чувствую его дефицит. У меня есть большая контролирующая меня совесть, вдобавок к способности любить. А ты молодчина! У тебя, как мне кажется, такой дисциплины куда больше, но я буду стараться и продолжать стараться дальше. Пока у меня сейчас всё нормально. Насколько может быть вообще нормально у меня. Я работаю сейчас в управлении кинофикации (кино смотрю очень часто, это тоже работа). И пока мне это очень нравится, деятельность наконец-то гуманитарная, даже есть светская жизнь, без которой я жить не могу. А сейчас, когда дела, одни сплошные заботы и ответственность, особенно в рабочее время, противоречия это не создаёт. Малыш мой сидит с мамёнкой — заложником. Это тяжело. Я уже понемногу выздоравливаю от каторги последних лет. Начинаю мудреть, всё больше утверждаться в мысли, что отношения с другими людьми — это прежде всего отношения с самим собой. И потому всё простенько: избавься от собственной глупости (а её у каждого

своя собственная навозная куча), от зависимостей всякого рода и ещё от тысячи таких же ненужных мелочей. Но бог с этими всеми проблемами! Я ужасно рада, что ты приедешь. Даже не раздумывай. Только приезжай ближе к середине или к концу месяца. В начале, видимо, буду в Москве. Целую, дорогая. Приезжай. Лана».

В те времена вновь принятых на работу никогда не отпускали отдыхать раньше, чем через одиннадцать месяцев. И, хотя этот срок был бесконечно далек, Валя заранее рисовала себе картины своего первого отпуска. Как она поедет, например, домой, чтобы помириться с родителями. Родители, они ведь ничего же не понимают, они всегда настаивают, чтобы ребёнок оставался дома после учебы и зря не мотался по стране. Но ребёнок, как всегда, проявляет дикое упрямство, едет в далекие неустроенные места, где его проблемы растут в геометрической прогрессии. Родители ей сразу говорили: «Оставайся. Мы найдем тебе хорошую работу здесь. У нас хорошие знакомства на гардинно-тюлевой фабрике, где ты со временем займешь высокий пост. И жилфонд у них богатый, и профком у них могучий, будешь в Болгарию ездить каждый год. И у наших друзей-докторов сын развелся, очень приличный человек, самое главное — непьющий. И машина у него маленькая, но иномарка, и лодка моторная, и штаны синие с дырками, как у всех молодых, и библиотека своя, собранная отдельно от мамы и папы. Если бы ты совета у нас спросила, мы бы тебе рассказали, какая у тебя тут начнется новая жизнь. И не надо с ума сходить, психовать, что всё расписано на много лет вперед. Главное — работать, и всё приложится: и уважение людей придет, и личное счастье».

Но Валя не хотела этого счастья, расписанного на много лет вперед. Все её одноклассники как раз разъехались по стране, чтобы самим добиваться. А она, значит, как личинка какая, будет царить на гардинно-тюлевой фабрике? И в чем тут её личная заслуга?

Вот такой вот конфликт кандалами на ней висел, и, хотя именно папа с его знакомствами помог ей устроиться в Лиманске, дальше она надеялась сама себя проявить, как это смогли сделать много лет назад её родители. Какие люди! Неужели она так ничего и не сможет?

Но хотелось ей хотя бы проездом попасть и в город юности. Повидать родню, друзей, если рак на горе свиснет, может даже Акса, очкастую Ульянку и, возможно, Лану. Конечно, она ей зара-

ГАЛИНА ЩЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

нее стала писать и спрашивать: можно ли, возможно ли. И Лана ей ответила полным согласием, хотя это ничего не означало. Тесное пространство Ланы, её призрачное примирение с окружающими висело на волоске, в хорошем настроении у неё была гармония, в плохом она всех прогоняла.

Если бы Валюшка притащилась к Лане домой и увидела её гневное чужое лицо — каково бы ей было пятиться назад по лестнице, стучаясь о перила коробкой с тортом?

25. Слово не воробей

Возле общежития царила необычная суета. Из всех распахнутых окон доносились вскрики магнитофонов, восклицания, звуки спешки, роняемой посуды. О, эти звуки приближающейся демонстрации. Духовой оркестр ещё только настраивался где-то вдали. Рассыпались ударные, вдруг труба вскрикивала лебедем... И всё мелкое и отдельное покрывалось усталыми вздохами трубы. После паузы, как яблоки из кузова, рассыпалась барабанная дробь. На веранде общежития девчата растягивали длинную ленту красной ткани, размешивали белую краску, собираясь писать плакат.

– Девочки! Ничего же не изменилось. Вы замужние дамы теперь, а торчите кверху задом так же, как и раньше. Ася, ты уже вымазалась краской, посмотри-ка.

Ася завертелась, заглядывая себе за спину.

– Да, Ася, не на ногах, на тапках.

– Не пугай меня, Валя, с тапками ничего не сделается, да и краска-то водная.

В это время Лера уже разметила всё мелком и старательно выводила первую букву «М».

– Лера, кошмар, – остановила её Ася. – Ты буквы-то сосчитала? Влезет?

– Подумаешь, грамотная, – Лера недовольно двинула плечиком. – Не влезет, значит, меньше ерунды напишем.

– Но, но! Полегче! Радуйся, что тебя никто не слышит. За такие разговоры нас никто не похвалит, сейчас прибежит комендантша, узнаешь, она тебе всё про ерунду объяснит.

– Девочки, нашли, о чём спорить, у нас с утра этот плакат уже должен болтаться на балконе. Какая разница, что там будет написано, лишь бы что-нибудь было написано.

– Нам ещё на бигуди надо успеть накрутиться. Давай, Валька, мы тебя отпускаем, ты накрутишься и обратно.

Валя убежала, роняя тапки. Ася и Лера принялись за работу.

– Лера, а ты чувствуешь, что у тебя жизнь другая? – мечтательно спросила Ася. – Вот ты ходила с облаком на голове, а сейчас у тебя такой скромный узелок и походка будто другая.

– Ася, не говори ерунды, ничего не изменилось, только с холостяцкого этажа переехали на семейный. Ну, ты же знаешь, Овра-

гин такой хозяйчик, он не хочет жить в общежитии. Он хочет достроить дом и съехать отсюда...

– Так он его ещё не достроил, это когда ещё будет.

– Так у него же родители тоже в собственном доме живут. Там такой особнячище: два этажа, подвал!

– Ну, попробуй! Может, смиришься со свекровушкой.

– Да она-то хорошая тётенька, да у меня-то характер. Боюсь, что Саня будет меня пасти при помощи своей матушки, а как поругаюсь – сразу по шее.

– Да, это уж очень проблемно как-то. А ты знаешь, – Ася на минуту задумалась, вглядываясь в белые расплывчатые буквы на плакате. – Мне, наоборот, кажется, что я маленькой стала. У Кирика, видимо, совесть или что там, он всё время пытается мне угодить, в глаза заглядывает, приносит из кухни попить. До смешного: я стала одеваться на работу, а он спрашивает, что я ищу-то. Я говорю: лифчик куда-то сунула. Оглянуться не успела – он мне тащит всю связку из шкафа. Я как начала смеяться. Говорю, Кирик, а что будет в холодное время года, ты будешь мне все пальто сразу приносить? Он говорит: да, и сапоги, говорит, и шапки, и каждый год всё новое буду покупать. Забаловал меня...

Хлопнула дверь, выскочила Валя вся в накрученных бигуди и туго затянутой газовой косынке.

– Давайте, девчонки, я напишу, а вы подчепуритесь. Я там воду вам горячую оставила в умывальнике, лак мой берите. Бегом!

Валя оглянулась и улыбнулась им вслед. Поскакали, как козочки, никакой солидности у замужних этих. Да им можно вообще теперь и не краситься, и не завиваться, они главное дело сделали.

Валя, морща лоб, вертела головою, разглядывая разметку плаката, потом стала чертить буквы мелком и, наконец, закрывать всё это дело краской. Какая странная обстановка царит теперь на заводе – настоящее безвременье. Автоматическую линию забросили, Долганов куда-то исчез, Команиди вышел из больницы и вроде как стал исполняющим обязанности. Валя раз зашла в конструкторский отдел, разыскивая Долганова, но его там не было, не было его и на экспериментальном участке. А как только она открывала рот и пыталась спросить, где он, народ переглядывался и ухмылялся. Планёрки прекратились начисто. Валя тихо приходила на работу, пересчитывала какие-то пыльные калькуляции. Подходила

к сектору материалов, немного помогала считать книги. Время от времени она вопросительно смотрела на Замятину, которую утвердили начальницей отдела. Замятина даже не признавалась, что они подруги. Однажды Валя что-то пролепетала по поводу наряда Замятиной. Та не откликнулась. А когда Валя сказала, что это очень, ну очень питюльно, Замятина подняла усталые глаза и проронила: «Вы что-то хотели?». Валя сгорела.

И вот теперь, когда младший состав женской общаги выгнали писать плакат, Замятина совершенно спокойно сидела в шезлонге на своём четвёртом этаже и вела себя не как девушка, а как босс. Интересно, чем такая перемена продиктована. А коли такая перемена, так у неё ведь тоже не спросишь, где Долганов. Прибежали девчонки, и Валя, выдав им кисти, велела: «Пишите с того конца». Они удивились так!

– Валь, а ты как думаешь, всё-таки мы изменились или нет?

Валя посмотрела на них, прищурилась и произнесла, вздохнув:

– Поглупели вы сильно, как я посмотрю, без конца тормозите. А вообще... Люди уже несколько веков не меняются, Долганов сказал.

– Много он понимает, – фыркнула Ася.

– Да уж понимает побольше нас с тобой, – и Валя глянула на подругу с насмешкой.

– Долганов, может, и не меняется. Только ему это не на пользу. От него все шарахаются. Ты не водись с ним, Валька. Будешь такая же... придурочная, – Лера вдруг решила поучить Валю жить. В целом она была очень добродушная девчонка, но сейчас даже не обратила внимания на свои слова. Она же была в курсе Валиной симпатии к Долганову. Что это вдруг она так задаваться начала?

– С ним никто не разговаривает. И что? Я тоже? Как он жить должен?

– Наплевать ему на всех-то, – может, Лера что-то знала?

– Почему ты так решила? – вспыхнула Валя.

– Да потому, что пока он у власти был, на заводе был кошмар. Премий не было. Пайков не было. Квартиры перестали давать. За эти два месяца знаешь, сколько от нас народу ушло? Сотни. Полный развал.

– Он хотел, чтобы все поняли... Что надо честно работать. И жить. Он хотел, чтобы...

– Хотел, хотел... Он должен был думать, чего люди хотят, а не чего он хочет.

– Лера!!! Нельзя думать только о кошельке!

– А о чем ещё? Уж конечно, ты пошла, поулыбалась перед Команиди, так с тебя не сняли премию... Доча директорская, ишь.

– Лера! Ты в курсе моих премий? С чего бы? А я думала, мы подруги. И вообще, почему это «был»? Насколько я знаю, он директором не был, так ведь и Команиди не директор, тоже и.о.

– Знаете, девочки... – Валя остановилась, не замечая, что с её кисти натекла уже лужица краски на пол. Она почему-то задрожала мелкой дрожью, суставы её противно заныли. – Я ценю человека по его поступкам. Всё, что он пытался сделать – прекратить враньё в отчётах, построить автоматическую линию сборки, передвинуть участок станин поближе к сборочному цеху, навести порядок на участке упаковки... Жилищное строительство возобновить. Всё же это было не для себя, это была работа на будущее. Ну почему такая неприязнь-то у вас? И потом всё-таки этот человек на две головы выше нашего обычного заводского быдла. И с иностранных языков переводит, и книги читает умные, и я его библиотекой пользуюсь, и дочки у него такие разумницы – явно из них вырастет что-то выдающееся. Всё-таки это непонятый человек. А насчёт премии, знаете, это же вопрос одного дня. А вот если бы завод перестал планы корректировать, тогда бы и премии были настоящие...

– Ну, хватит, Валька, ты не на партсобрании, ты что, себя генеральным секретарём вообразила? Стоит тут, понимаете ли, ставит для солдат...

– Да брось её, Лер, она, видно, влюбилась, как кошка. Вот несёт тут всякую чушь. Ты, Лерочка, кажется, ничего не потеряла как жена Оврагина. А ты, Валя, не задирайся. Лично я сочувствую Долганову. Ему и так тяжело.

Валя обернулась:

– Правда? Слава богу. Поймите вы. Народ за последнее время озверел. Но не весь.

– Обратите внимание на Кирика. Почему он ушёл из заводоуправления в транспортный? А? Почему? – Ася подняла кисточку вверх. – А потому что надоели махинации. Он согласен на дальние рейсы и командировки, только бы не ездить на ликёрку, на лиман...

Вы знаете, кто начал делать освещение в микрорайоне? Транспортники. И вообще, если бы вы знали...

– Ася, что знали? Что?! – они крикнули сразу хором.

– Ну что тогда... Напали-то на меня...

– Ну?! Кто, ты знаешь – кто?

– Кирик.

Образовалась немая сцена. Вдруг внезапно они узнали правду об Аськином замужестве и по-иному оценили всё поведение Игоря Кирикова с самого того случая до нынешнего дня, и острое сочувствие обожгло их с немыслимой прежде силой. И стояли они втроём, обнявшись, гладили Асю по плечам, по голове, и она казалась им самой лучшей, самой красивой, самой горькой невестой на свете.

Ася несколько раз вздохнула глубоко:

– У меня, конечно, были подозрения, но всё-таки, когда человек в шоке... не была уверена. А потом он сам признался... Да вы пишете дальше, что вы застыли, как мумии? Рисуйте. Просто я поняла, что пережил человек, что он плакать умеет... И вообще. А с Тонькой чем дело кончилось, ты, Лера, знаешь...

– Ничего я не знаю! Она пацана уже из дома ребенка забрала. Маленький грек! С кудрями в кольцо родился. Мы, конечно, все были уверены, что у неё роман с моряком.

– Который вернётся с севера?

– Моряк, может, и будет её пороть. Если вернётся. Но тут ничего не поделаешь. Не надо куда попало давать.

– Да затихните вы. Нет никакого моряка, выдумка это. Кто его видел-то?

– Какая ты циничная, Лерка! Во-первых, Команиди – это не кто попало, и у него вкус недурён, Тонька – красавица! Тем более, она ведь не из-за квартиры, она по-другому. По причине страсти...

– Валю мёдом не корми, дай за кого-нибудь заступиться, горло под- рать.

– Тебе-то что? – возмутилась Лера. – Тебе тоже предлагали. Отказалась – сиди. А Тонька просто пела в клубе, пела... Пела она, как ты понимаешь, хорошо. А потом вот когда все эти комиссии, она им пела, потом на косе. А там же ясное дело – море, костер, то, сё...

– Здесь на юге невозможно жить нормально... – на веранду вы-

шла манерная Нонна с лаком для ногтей, она размахивала одной рукой, подсушивая маникюр. – Абрикосы сыплются под ноги. Свежее вино канистрами на остановке. Мужчины тучами вокруг. Столько удовольствий для тела, что голова перестает работать... Надо бежать отсюда... Да, Валя?

Валя пожала плечами. Нонка говорила неискренне. Или она просто повторяла Валину фразу, чтобы её подколоть. Это Валя так решила для себя, что не останется здесь навсегда. Никакой личной жизни. Море, да, море – это довод, это мощный фактор, ничего не скажешь. Но как быть с человеческим фактором?..

В это время ясным холодным праздничным утром к общежитию подъехало несколько легковых машин, среди них директорская «Волга». Несколько пиджаков закурили папироски, стоя у машин плотной группой. Захлопала дверь подъезда, откуда выходил народ, а им навстречу вбежал на веранду... Пётр Иванович Зяблик собственной персоной, в дорогом костюме, с бутылкой в руках.

– Так! Что здесь? Опять мировой бардак? – Зяблик казался радостным и возбуждённым. Кричал он всегда и на всех, но в последнее время, когда он исчез, люди поотвыкли от его бешеных разбойничьих налётов. – Плакат не готов, а вместо него на балконе третьего этажа висят Валькины трусы. Опять ты мне весь вид микрорайона испортила?

– Почему опять я, Петр Иваныч? Я тут смирно писала плакат, готовилась к демонстрации...

– Потому что всё ты! И всё твои шашни кое с кем! Причина мирового бардака – всегда баба! Придется твоему отцу доложить о твоём поведении! Такое тут без меня устроили! Корректировки им не нужны. Ишь ты! Дурдом какой. Иди, проверь балкон сейчас же!

Валя бросила кисть и метнулась бежать, роняя шлёпанцы.

Это была немая сцена. Пиджаки стояли вдали, не подходили. Они знали, что надо ждать, пока не позовут. С народом Зяблик справлялся всегда сам. Интересно, откуда он такой шикарный? Видимо, из камеры предварительного заключения.

– С возвращением, Пётр Иваныч, – проговорила Ася, одновременно и робея, и в то же время с нескрываемым озорством.

– А тебя со свадьбой. Совет да любовь. Утащила у меня лучшего водителя.

– Так ему расти надо. Он хочет в автотранспортный поступить и дожимать до начальника цеха.

– Тогда нормально. Если карьера в башке – наш человек. Если ничего не хочет – значит, снулая рыба. У тебя сколько метров?

– Не надо нам жилья, Петр Иванович. У нас есть дом его родителей.

– А ты, мокрехвостка? Как сумела самого Оврагина окрутить? – повернулся он к Лере.

Он всегда помнил всех маленьких людей по именам, он окликал их издали либо хлопал по плечу, либо по заднему месту, кого как. Он не мог хлопать только одного человека – Марка. А его жену он не хлопал по той просто причине, что мог схлопотать. Связываться с Марком было опасно.

– Ещё вопрос, кто кого окрутил, – Ася приобняла Леру, делая таким образом поклон в сторону Оврагина.

– Ладно, мне некогда. Через два часа демонстрация, я ещё не всё объехал, и на завод ещё нужно смотаться.

– А что, комиссия какая опять намечается? – Ася не боялась болтать с начальством, а Нонка с Лерой больше помалкивали.

– Этих оглоедов к нам как на мёд тянет, – Зяблик открутил крышечку, отхлебнул. – Наделали вы делов. Ну, ничего, мы им покажем кузькину мать в белом сарафанчике.

– А что с Долгановым будет? – Ася знала, что, будь Валя здесь, она даже не осмелилась бы рта открыть на эту тему.

– А ничего, посидим, раздавим по коньячку и кранты. Будем дальше жить душа в душу. Где ещё я возьму такого генерального конструктора, рожу, что ли? Это Тонька у вас специалистка... – он махнул рукой, скрываясь в подъезде, намекнув таким образом, что он в курс всего....

И на ходу добавил:

– Чтоб сегодня все были в кабаке, угощаю...

Гуляли в гостиничном ресторане. Там была особенность: вдоль всего фасада – огромный, роскошный, открытый балкон. И когда гулянье, набирая обороты, выплёскивалось за пределы банкетных залов, народ, шумя, выбегал на воздух. При этом в шумный праздник вовлекались все проходящие мимо зеваки, знакомые и незнакомые, компании отдыхающих. Совсем недавно Зяблик был под стражей, на заводе – проверка за проверкой, комиссия за комиссией.

сией... Всё это ввергало в ужас. Казалось, ещё немного – и гром грянет, и цыган перекрестится, и таким, как Зяблик, незачем будет жить. Начнётся другая жизнь, простая, понятная, спокойная. Но вот Зяблик вышел из-под стражи, и вид у него был – победителя. И таким образом, получалось – его система жизни победила. И ни у кого не возникало вопросов, на какие деньги он закатывал пир, и надо ли как-то за это расплачиваться.

Наоборот, даже те, кто ненавидел его, мечтали попасть на этот пир. А таких было мало! Большинство готовы были ему в ноги падать, чтобы только всё продолжалось, как и раньше, только бы не нужно было думать самим ни о чём, не морочить голову. Зяблик – это значит тупо делать то, что тебе Зяблик скажет. Производственная модель лихо работала и в ресторане. Когда он говорил, что приглашает всех, он при этом не знал, сколько человек придёт, поэтому он снял два зала сразу. И те, кого он считал приближёнными, рассаживались в первом зале, а все остальные – во втором.

Замятина, естественно, не могла тут не оказаться. Хотя ей, казалось бы, претила вся эта душная, грязная, хмельная атмосфера. Зина Зиновьевна в глухом зелёном платье и с крупным янтарём на шейке устроилась рядом с Зарой Команиди, недалеко от директорского столика. А Зара в своём узорчатом синем атласе и с неизменной осетинской, расшитой бисером тюбетейкой на угольных волосах, точно персонаж восточной сказки, – она смотрелась в современном кабаке особенно экзотично. Марк Антонович весь в ослепительно белом, сохраняющий благородную больничную бледность на смуглом лице, двинулся к директорскому столику. Там уже восседала бывшая начальница планового отдела Ираида Самсоновна, колышущаяся гора в крепдешине с турецким орнаментом. Рядом, естественно, её супруг – начальник литейного. За особым столиком разместилась Сулико Ашотовна, референт директора и начальник канцелярии, облаченная в нежный льняной трикотаж и украшения из черни. Прочие столики занимали начальники цехов и инженерный состав самого ценимого Зябликом подразделения – экспериментального цеха.

Вале Дикаревой пришлось плестись на банкет одной, её подруги общежитские были сюда не вхожи, и она, помявшись, несмело подошла к Сулико. Та царственным жестом позволила. Здесь не было только одного человека – Долганова. Хотя по положению

мог бы. Должен был. Наверняка его известили, позвали. Но это были уж очень пересекающиеся параллельные...

И сначала, конечно, были тосты за удачное окончание «его командировки», за то, что у завода ещё есть возможность выбраться из экономического провала. И настолько классно было, настолько торжественно, громко шло это странное чествование, что Валя даже забыла, что перед ними красуется и кокетничает настоящий заключенный. Да и бог с ним! Вылез он оттуда, и вылез, его дела. Главное, что он и сам вышел, и их выведет, и не надо им теперь дрожать: перепрофилируют, закроют... При нём ничего такого не будет. Они, наверно, радовались и ему, и друг другу, и воцарился мощный дух корпоратива, где каждый да чем-нибудь послужил ему, Петру Ивановичу Зяблику. И, однако же, молодец мужик. Всем показал кузькину мать в белом сарафанчике. Кого он там подкупил, или кто там его вытащил, собутыльник бывший или дама, которой повезло быть с ним какое-то время, или все они вместе. Главное – он здесь.

И только он мог царить и заказывать здесь музыку. После официальных первых номеров всего того, что крутят по радио – после этой пены и очередного тоста красный Зяблик в элегантном костюме вышел к эстраде и махнул: «Мою».

И шарахнули музыканты именно её, потому что они знали, знали, что нужно играть. Песню о казачьей воле, громкую, удалую, упоительную, как марш. А этими казачьими песнями Валя была уже ранена, но только тут поняла, что они выражают всю суть этого человека. «Напою коня водой Из родного Дона, Сяду верхи, как учил некогда отец. Пронеси меня, гнедой, Рысью вдоль затона, Подминая на скаку мяту и чабрец». Как же это было прекрасно, лихо, бешено! Потому что это была песня победителя. Весь зал хлопал в такт. Казалось, длинная песня проиграла за две минуты, но тут Зяблик снова вышел и, запрыгнув на эстраду, сам запел в микрофон: «Воля, шашка, добрый конь – В этом суть казачья, Нить, что связывает нас крепко сквозь года. Так ведётся испокон И никак иначе, И другому не бывать, братцы, никогда». Ну, апофеоз, да и только. Передышка на тосты, на обильную закуску. А потом «Андалузская ночь», это уже было ожидаемо. По коже мурашки пошли. Но откуда скрипки? В ансамбле же не было скрипок! Наверно, синтезатор.

Солистка, та, что на клавишах, имела глубочайший грудной голос, и когда она вступала – с ней в дуэт вплетался Боб. Кто бы подумал, что заштатный ансамблик из какого заводского клуба покажет такой класс. Нет, нет, реветь тут было никак нельзя. Все улыбались. Потому что казачьи песни, они хоть на свадьбе, хоть у костра, хоть в ресторане – вечные. И всегда будет от них дух захватывать.

«А наутро проснусь, и я снова одна, и хожу я по саду тоскую. Вспоминаю то место, где были вчера, и украдкою землю целую». Здорово...

Валя, плюнув на приличия, подошла к столику Чирко и спросила: «Ираида Самсоновна, а какой такой Монтей в первом куплете, а?» Супруги Чирко переглянулись, захохотали. «Плупенькая, то не Монтей, то мантилья падала, чуешь? Накидка женская с кружевами», – пояснил муж Чирко. И Валя кивнула облегченно. Мантилья, ну, конечно! Всё просто.... И они чокнулись, а как же.

Потом общий гром речей стал затихать, и компания раскололась на стайки, тройки, двойки. Публика разливалась бешеными водоворотами по залу и выкатывала на балюстраду. Почему-то ветер, как никогда, крутил кусты перед рестораном, обычно тихий ветер стал тревожным. А всем нравилось, разгоряченным от вина и оттого, что обстановка как-то разрядилась. О Долганове никто не вспоминал, как о болезни дурной, по умолчанию никто не хотел ему зла, но и рядом видеть его не хотели.

Валя запомнила этот ветер, кусты как костры, раскачивающиеся фонари, веселое разливание вина из бутылок прямо на балюстраде, на улице. Как хорошо! Да что там ещё будет завтра! Сейчас хорошо, и ладно.

Команиди хочет с ней танцевать? Прекрасно. Директор хочет танцевать? Да нормально. Это ещё ни о чем не говорит. В конце концов, она большая девочка и делает всё, что хочет.

В дополнение к общему ликованию она не сразу заметила, что на эстраде весь вечер играли её приятели – музыканты Тоха, Боб и Колян. А какая чудесная клавишница у них!.. Это что ж такое: каштановая, миниатюрная, просто птичка колибри. Ах да, это ведь жена Тохи, как можно забыть. Тоха – очень душевный человек. В прошлый раз рассказывал ей, как он плакал от «Иоланты». Да, в нём что-то есть... Какая-то слабая сладкая печаль, прощение ко

всем ото всех. Мягкость и добрый прищур. Правда, говорят, что в клубе, где он ведет уроки гитарной игры, есть комнатка на чердаке. Туда бегают старшеклассницы тайком, и вовсе не ради гитары. Она сама была свидетелем.

Когда она стояла на улице, дышала ветром с моря, Тоха сам подошёл к ней и предложил идти домой. «Моя ушла, – сообщил он, намекая на клавишницу. – У нас пока перерыв, мы с Коляном отведем тебя. Ты уж совсем тёпленькая, детка, где твои чёртовы кавалеры?»

О ней заботились, её опекали. Даже теперь, когда она никому была не нужна. Вон, Зиночка села в такси вместе с Зябликом. Что, скромница, не получится устоять сегодня? Он победитель, а ты в его руках. Ничего, всё шло к тому. Зиночке тоже надоело висеть между небом и землёй.

Марк Антоныч повез домой Зару, но не на своей машине, тоже на такси. Уже никто никогда не узнает, когда и как он уговорит свою неприступную женщину сдаться. Грубо говоря, помог, спас – она ему жизнью обязана... Так мог бы и не спрашивать. Но не разбойник же он, хотелось загореться и захмелеть, поддаться влечению, а не так, как на рынке. Тут всё зависело от неё, а она замкнулась. Ей уже по горло было этого добра. И для неё в этой области уже ничего хорошего не было. А Марку ничего, ничего не оставалось. Он только однажды сорвался, не выдержал, не дал одной певунье дожидаться своего морячка. Теперь будет второй маленький грек в Лиманске... Все они скоро уедут отсюда, когда завод полетит в тартарары, а он туда полетит. Пир во время чумы никогда никого не спасал. Спокойной ночи, спокойной жизни больше не будет...

Но вот побрели по ночным улочкам и Валушка с музыкантами. Они ей рассказывали, как ездили играть на свадьбу в станице, и сколько там было дармовой еды и дармового питья...

Там ведь еда на тарелках слоями: первая смена поест, идёт плясать, а в это время вторая смена за стол и новый слой закусок наваливает! Так что там уж непонятно, сколько слоев и свою курицу не найти. Они-то забавлялись, потому что им отдельно корзинку котлет и бутылку самогона. А гости как? Там, конечно и пропало много, и котлеты выкидывали... Но всё это было слишком знакомо Вале, знакомо, неинтересно. Она сама прошла через горнило кубанской свадьбы, а это же веками одно и то же.

Как невестины цапки и приданое через всю станицу несли, настил на огород сделали, чтоб пьяные гости не стоптали гряды... И как специальные бараки спальные делали, а про туалеты забыли... А Валя, она примолкла, только смеялась иногда. Боб ничего, а Тоха уже конкретно обнимал её, дескать, ты совсем уж пьяна, детка, поэтому я обещал, я и дотащу. Ты вообще бедная, детка, ну подумай, с кем ты, за кого ты? Горло ты подрать любишь, а толку? Вот налопалась на чужом пиру, мы хоть бабок огребем, а ты что? Так и останешься ни с чем? Бедняжка... Куда ты смотрела? Где твой друг и защитник? Пропадать тебе, детка...

Бедная Валя в длинном платье, она шла ножками, шатаясь... Шла, шла, а потом вдруг раз – и встала как перед дулом.

– А что? Что такое? – забалагурили музыканты. – Тебе плохо?

– Нет, – медленно сказала она. – Но мне сейчас будет, будет плохо. Уй-дите.

– Не уйдем, – уперлись они, прислоняя её к витой ограде. – Тошни здесь. Тем более общага рядом.

– Уйдите, – стонала она, мотая головой.

Навстречу торопливо шёл Долганов с какими-то узлами и чемоданами. Правда, не по тротуару, а по дороге, но разницы большой не было.

– Ой, мама, – сказала Валя хрипло.

И ребята отпустили её локти, следя, чтоб не свалилась.

И он встал, опустив свои узлы на асфальт. Старый растянутый кофтен, тренировочные штаны. Он был без рубахи, в заваленном чёрном джемпере на голое тело. Весь какой-то заросший, не стрижен и не брит. Лицо блестело от пота, глаза блуждали. Боже, на кого он похож! На себя точно был не похож.

А она в своем каймовом сиреневом платье в пол, с накинутым шарфом, как дура, в такой ветер. Да ещё с двумя пьяными музыкантами под ручку. Полный мрак. Фонари скрипели и качались, куски света летали по улице, изредка взывающей от вспышек ночных такси. Наконец, он бросил завязывать какую-то веревку на узле, выпрямился... Что называется, с разбегу – вдрызг. Шёл себе в полной пасторали, «Фонари» Татляновские насвистывал – «И не дают они людям сбиться с пути, ночные спутники мои, фонари...». А тут – стоп. Здравствуй, чужая милая... До самых последних дней...

Они смотрели друг на друга так остолбенело, так отчаянно, что было ясно: никто не может помешать, отнять эти жалкие минуты.

«Что вы наделали? Почему вас не было? Почему вас никогда нет там, где вы должны быть? Там были все! А вас не было. Вы опять всё себе испортили. Он бы вас простил, и всё пошло бы по-старому». – «Что же ты наделала, глупенькая? Ты в ночь идёшь с какими-то кретинами. Ты зачем им позволила трогать тебя?» – «Потому что вы отвернулись. Вы видите, что мы созданы друг для друга. Что только вы понимаете меня, а я только вас. Что вы мне весь мир расскажете, а я всё узнаю. А без вас я ничего не узнаю, и не хочу даже знать. Вас люди подставили. Сделали из вас пешку. А вы самый, самый... Настоящий. Лучшие всегда становятся жертвами». – «Ты подвела меня, ты меня подставила. Моя бесценная сеньорита пьяна в стельку и с чужими пошла спать. Называется, большая девочка, которой всё можно. Ты, наоборот, не должна делать так, как всё это стадо. А ты? Зачем ты, как все?» – «Вот видите, надо было не теряться тогда, на лимане. А теперь уже поздно». – «Да, теперь поздно. Не имею права что-то тебе говорить. Но какая страшная горечь. Ты же мне отравила весь свет, весь воздух. Я буду дышать горечью. А как ты будешь жить, ты, маленькая сеньора в этом скотном дворе. Беги отсюда». – «Я уеду. Уеду. Только как вы останетесь? Я хочу к вам, с вами». – «Нет, не стоит. Тебе пора искать стрекозу и лететь в страну эльфов. Там тебя ждет специальный принц эльфов. А я буду доживать здесь и не огорчать Надюшу и моих девочек. До тех пор, пока они не вырастут и тоже не улетят». – «А вы слышите – Татлян? Не хочу уходить, не хочу...»

Сколько же прошло времени в этом немом разговоре? Двадцать, тридцать минут? Его руки тряслись, никак не могли собрать все узлы, её плечи тряслись от плача, рот она закрывала руками. Она даже смотреть больше не могла. Ей было стыдно и гневно за себя. За него, за всю эту среду, которая им вырывала руки с корнем, чтобы они не смогли больше обнять друг друга. И вот время, отпущенное судьбой, закончилось.

Она вдруг подбежала и бросилась ему на шею. А он же не смел ответить. И тогда оторопевшие Боб и Тоха, еле опомнившись, подскочили и стали её руки, в самом деле, от него отрывать. «Вдруг! Друг!! – шипели они. – Наша девочка перебрала! Прости, друг, мы отведем её».

ГАЛИНА ШЕКИНА. ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО

Хоть и ночь, а всё-таки увидят, травить начнут! Нельзя, нельзя. Они так её поспешно отдирали, а она не чуяла боли, вцепилась мертвой хваткой. Только потом у неё проступят синяки на руках. Да, время кончилась. Они сгорбились, как от порки, да и побрели в разные стороны света.

26. Он её не узнал. Он её не знал

— Всё опять, всё опять сначала... — Валя повторяла эти слова снова и снова, как в забытьи, как будто хотела внушить своё ощущение другим, свою оторопь и свой страх. Хотя она понимала, что все вокруг это знают.

Лера решила было всё перевести в шутку:

— Ты про что? Про трусы?

Но речь была о другом, и замять остолбенение не удавалось. Валя упрямо держала драматическую ноту.

— Я всё сняла с балкона, в комнате бросила. Не мое. Я про другое, девчонки. Здесь история вспять пошла, понимаете. Опять комиссии, опять премии, вранье, траханье, квартиры... Победный марш Зяблика по разоренному заводу..

Немножко это было лукавством, потому что многие, в том числе и Валя, заметили неявные подземные изменения заводской жизни, но внешне было всё так плохо, так плохо... А ждать-то не хотелось.

— Занудила... — тряхнула кудрями Лера. — Всё же опять хорошо будет. Премии пойдут. На моторках будем по лиману гонять...

— Лера! Подожди! Какие моторки? Человек хотел не для себя! Понимаешь? — Валя смотрела на неё почти умоляюще.

— Да признайся, что спала с ним! — эта фраза вырвалась у Леры как-то зло, хотя сама Лера не была такой. Получилось от растерянности.

Ася покачала головой, уж кто-кто, а она-то понимала, что причина не бабская.

— Лера, прикуси язык. Здесь нельзя с такими мерками...

Это Вале нужно было прикусить язык. Зачем биться лбом о стену, доказывать чуждым своё сокровенное? А милая Лерочка была чуждой, может, потому, что между ними стоял Саня Оврагин.

— Нет, Лерка! Хотела бы, да не смогла. Ни с кем я тут не спала, понимаешь? Он женатый и очень верный человек. Вообще я не об этом... Он не просто отказался врать, он не хотел, чтобы другие тоже врали. Он, как мой батя, понимаешь? Это же ненормальные люди... У них болезнь честности, но это, на мой взгляд, вообще-то норма. Но теперь такая жизнь, что все нормы рухнули и хорошее кажется идиотством. А если он последний такой честный здесь? Его, конечно, могут высечь публично и отучить от правды. Это ж

легко сделать... Но тогда некому будет заступаться, потому что все остальные уже осволочились...

Ася и Лера вдруг, не сговариваясь, протянули руки к Валентине и, обняв, стали гладить по плечам. Это была такая тирада плача, в которой и скорбь, и утешение одновременно.

— Нормальные, Валя... Это ты ненормальная, любишь, кого не надо...

Но Валя не отвечала им и тоже обнимала их, как свой последний оплот тепла и надежды.

Что же он чувствует теперь, когда все над ним насмеваются? А я знаю. Я чувствую то же самое. Но не только... Порыв пропал даром. Люди не меняются.

Они переводят стихи на сало. С этим ничего не поделаешь. Господи! Почему так?..

В это время, подчиняясь каким-то странным энергетическим потокам, на горизонте показался Долганов. Андриан Ильич на этот раз был нарядно одет: какой-то незнакомый красивый костюм, видимо, дорогой, в клетку с тёмной рубахой в тон и галстуком. Но что-то в его виде было тревожно: то ли лохматые волосы, то ли впопыхах одетый наизнанку плащ. В руках его были увесистая сетка с книгами и чемодан, под мышкой виднелась чертёжная туба. Он повертел головой, ища глазами кого-то или что-то, но не нашёл ничего подходящего.

— Скажите, девушки, Дикарева Валентина здесь живет? Это же общежитие?

— Здесь живет! Вот она! — и они подтолкнули заплаканную Валентину вперёд.

Странно, но Долганов будто бы не видел её. Он смотрел прямо перед собой широко раскрытыми глазами, но взгляд его блуждал как бы по поверхности. Неужели интеллигентный до мозга костей Андриан Ильич был так публично и так непоправимо пьян? Таким его никто никогда не видел.

— Скажите, девушки, подружке вашей... Позовите её, короче говоря, хотелось попрощаться...

— Вот она! Да вот же она!

— Шутницы. Ну, хорошо. Передайте ей, что Долганов уехал, — он ещё раз взвесил на руке тяжёлую сетку и поставил прямо перед ними на землю.

— Куда?! Куда уехал? Зачем? — Нет, спиртным тут и не пахло. Человек был в шоковом состоянии, как после приступа боли или серьёзного душевного потрясения. Он действовал механически, ища тем временем ответ на вопрос внутри себя или вокруг, но не было ответа.

— В никуда. В новую экосистему. Туда, где другие ценности. Передайте ей эти книги, она у меня просила почитать. Чтение иногда спасает, а иногда наоборот. Читать не модно, но благородно. Ведь есть грех нечтения, слышали? Это не я придумал, это Бродский. Короче говоря, уехал.

Андриан Ильич повернулся и пошёл к остановке, взяв точное направление и продолжая беседовать сам с собой. Для убедительности он размахивал освободившейся рукой, а ветер хлопал его вывернутым наизнанку плащом. Получалось, что плащ этот летел за ним, вцепившись в плечи, как зверь. Это отпечаталось у всех, как древний наскальный рисунки.

Девушки долго стояли в ошеломлении. Потом всё-таки вспомнили про этот красный плакат с белыми буквами «Мир. Труд. Май». Валя отбежала в сторону, чтобы посмотреть издали, как получилось.

— С ума сошли! Девчонки! У нас же Октябрьские праздники, а не майские! Как же это мы просмотрели-то? Писали все хором, и вот тебе раз. Нас расстреляют!

— Без разницы. На каждую демонстрацию одно и то же пишем, — Ася дурашливо махнула рукой. — Вот видишь, никто даже не заметил.

— А кто слово «секс» написал? Это, что ли, Валька прикольнолась? За такие шутки знаешь, что бывает?

— Это бракованный плакат. Видишь, криво.

Но Ася была по-прежнему невозмутима:

— Отстань от неё. Неучтённый фактор.

Валентина стояла столбом. Выговорившись, она была как выкипевший чайник.

— Все приставали: расстегни пуговицу, дай... Дай то, дай это... Дай вообще. А он единственный ничего не требовал. Просил Швейцера прочитать. Паустовского прочитать. Угрожал даже. А я ничего не хотела, я смеялась... А за серьги я так ему долг и не вернула... Мне всё хотелось доказательства, что я для него что-то значу. Но я

доказательства получила, а дальше что? Человека-то нет! Куда он теперь? Зачем он теперь? Кому он теперь? Где эта экосистема? В дурдоме разве...

Девчонки ошарашенно заметались, не зная, то ли плакат снимать, то ли Валентину расстроенную утешать. Вон как шарашнуло её.

— Сейчас же перестань! А то как начнешь реветь, так на три часа. Знаем мы тебя! На вот, выпей быстро. Раз — и всё. И будем праздновать как люди. Столько дел! Мы хотели на рынок ехать, фотографироваться...

— Я — фотографироваться. Зачем? Меня тут все сфотографировали, кто надо, кто не надо. Секса я никакого не писала. Кто-то прикольнулся. Но если я начну демонстрировать тут независимость, будет только хуже. А я раз — и всё...

Она молча взяла протянутые полстакана прозрачной и выпила.

Духовой оркестр играл где-то в парке всё громче, потому что «Утро красит нежным светом стены древние Кремля», потому что «И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди», потому что «Близится эра светлых годов». Наконец, духовая музыка стала оглушительной, и громкоговоритель, едва пробиваясь сквозь ветер, стал читать списки награждённых в социалистическом соревновании. Ура, товарищи, ура.

27. Пора мыть окна

Праздничные гулянки в общежитии гремели дня три. Те, кто имел возможность, уехали за город. А кто не имел такой возможности, развлекались сами, как умели. Валя всегда была заводилой и первая бежала в магазин за «сухарями». Так как именно сухие болгарские вина сопровождали их жаркое веселье. Она первая неслась на кухню и гремела сковородками, потому что вполне научилась делать курицу в вине и не допускала, чтобы эта курица сгорела. Она всё больше времени проводила с Ниночкой, высказав Нонке свое непреклонное «фи».

Короче, данные праздники проходили без её участия. Наскоро поев вчерашней картошки или каши, она уходила на лиман, не интересуясь никакой компанией. Вроде бы ожидали своей очереди интересные книжки Долганова, оставленные им ей на память, но она не торопилась их читать. Чаще всего захватывала с собой на пляж альбом с рисунками или просто тетрадку для отрывочных мыслей. Набросив длинную юбку, пончо и шарф, искала коврик-сидушку. Пончо годилось и для того, чтобы набрасывать на плечи вместо платка и чтобы расстилать на песок. Орала чайки, её окружало прозрачное облако, отделявшее её от происходящего, «как через стекло». Музыка, шумы и водный плеск доносились как бы издали. Вообще вся жизнь как-то не то чтобы потускнела, но отдалась.

Где блуждали её мысли? «Где-то вдаль умирает закат... И фонари ярче горят». Она всё думала, чем кончился тот вечер после ресторана. Друзья притащили её в общагу, но сразу ли ушли? А вдруг они воспользовались её состоянием? Или один? Ведь Тоха как-то проявил к ней нездоровый интерес, а тут она полностью была в его руках... Нет, конечно, он не мог этого сделать, не мог. Он же плакал над слепой Иолантой...

А ещё она думала, как она себя ненавидит. На подушке утром она обнаружила следы рвоты. Кровь от стыда зашумела в ушах, как она это увидела. Понеслась стирать постельное... Но как постирать совесть?

И что самое интересное, такое вот её поведение никого не удивляло. Никто не подходил, не выступал, не задавал глупых вопросов. Девчонки сами всё закупили, всё приготовили, сами её по-

звали, а когда она отмахнулась, нисколько не обиделись на это. Отложили жаркое в кастрюльку в холодильник, завернули в две газеты и положили туда же один «сухарь». Уходя, Валюшка слышала включенные на всю мощь колонки: «Синий-синий иней лёг на провода...» и знаменитую «Венеру». И она даже не думала, как она вернётся, какой бардак она там обнаружит, она просто уносила из шалмана свое израненное «я», чтобы его вдалеке побаюкать. Она не думала про Долганова, она читала письма Ланы, а также методички своей преподавательницы Натальи Константиновны из заочного университета искусств. Ещё она на листочке писала всякие цифры, что-то подсчитывала. Редкие прохожие могли видеть на берегу какую-то особу в мексиканском пончо, которая сидела на ветру и что-то читала. Из дому её, что ли, выгнали?

А ещё она могла бы захватить с собой свою старенькую гитару, чтобы посидеть и просто поперебирать струны бездумно, но душа её не пела, не взвивалась куда-то к небесам, а просто сидела у ног и молчала. Надо было найти какой-то режим существования, чтобы никому не мешать и чтобы ей никто не мешал. «Что же мы имеем? — думала она. — Чего мы, собственно, достигли за пять лет института и за время самостоятельной работы в Лиманске? Ну, допустим, поработала я экономистом, научилась корректировать планы в цехах и по номенклатуре, могу рассчитать оптовые цены на нашу продукцию с русской и импортной комплектацией. Ну и что? Что от этого изменится? Меня, младшего экономиста, наш отдел и Зиночка, начальница моя, может спокойно использовать как арифмометр или как маленькую вычислительную машинку. Но начальником я сама никогда не стану, вообще этот мир железок и бумажек не для меня. Скучно мне, граждане, жизнь на это тратить. Надо честно сказать, что кусок хлеба я зарабатываю, но не более того. Большое советское машиностроение вполне без меня обойдется. Я, как брат Ленина, могу сказать только одно: «Мы пойдем другим путем». Но каким?»

Светло-туманное, с жемчужинкой небо, трепетало шёлковым шатром и молчало. Ответа не давали, чуть подрагивая точками, и молочные воды лимана, и притихшие кустарники с серебристо-серой острой листвой, и волнами переливающиеся рыжие гривы травы, и стремящиеся, ползущие в гору извилистые тропки. Может, знали про это асфальтовые ленты шоссе? Но тоже не говорили.

Валя вернулась домой в вечерней полутьме. Поднимаясь по дороге от лимана к общежитию, она видела толпы разгоряченных людей, идущих ей навстречу. Это были парни и девчонки, среди которых шла она сама. Вон она, с гитарой наперевес, что-то выкрикивает, и остальные ей подпевают. И она прошла мимо, не останавливаясь. Говорят, самое главное в человеке происходит только тогда, когда он перестает что-то делать, бегать, прыгать, суетиться, шуметь. Всё это его отвлекает.

В общежитии всё было как всегда: «Гром победы раздавайся!» Музыка, грохот и хохот. В комнату можно было пробраться с трудом. В фойе и коридорах танцевал и бесился пьяный веселый народ. К ней подскочил какой-то парень, вроде бы Курочкин, и стал с ней насильно танцевать. Она не сопротивлялась, держа одной рукой пляжную сумку, а другой — его за плечо. Он её давай целовать, обнимать и всё такое. Через несколько минут ей надоело окончательно. «Отстань!» — сказала она и, выдернув руку, выкрутившись из его объятий, молча пошла к себе.

Поставив сумку у своей кровати, она молча стала убирать тарелки со стола. На неё никто не обращал внимания, ей никто не мешал и не помогал. Спрятав остатки еды в холодильник, она оставила на окне только недопитые бутылки. Хладнокровно разделась. Легла в постель, презирая танцующих, окружающий шум и свет на всю катушку.

Утро после праздника было не совсем обычным. Проснувшись с большим трудом Нонна ошеломленно воззрилась на Валину кровать. Там сидела Валя в ночной рубаше и играла под гитару песню. Таких песен общежитие давно не слышало. «Вставай, проклятьем заклеимённый...»

— Валька, с тобой всё нормально? — еле дождавшись конца, спросила Нонна.

— Да вроде да, а что такое?

— Да вот, странный текст какой-то поешь. К чему бы? У тебя шо, своих слов уже не хватает?

Валя засмеялась:

— Есть у меня слова, есть. Я вроде поняла, что надо делать.

— Ну, например?

— Надо всем встать. Вымыть окна. И выйти замуж.

— Ничего себе, техпромфинплан! И как быстро? — съехидничала Нонна.

— Да как можно быстрее.

— И ты тоже?

Нонка неодолимо начинала хохотать.

— За кого же ты замуж пойдешь? Ни одного кандидата! Шо у тебя творится в твоей личной жизни?

— Для начала мы закроем богадельню, к нам не будут больше ходить на пьянки местные музыканты. Тогда и найдутся другие.

— Ну, это уж дуля тебе, ты не одна тут живешь! Нас тут трое, между прочим. Лерка хоть и вышла замуж, но на её место Рула пришла, которая сейчас у матери, поэтому ты и нас должна спрашивать.

— Как раз Рула не нуждается в наших пьяных посиделках. И ты за ум возмись. Некому с тобой нянчиться! Ясно?

— Да ты себе ума дай, а потом будешь меня учить. Шо учить ученого?

— Да я просто опомнилась, Нонка. Теперь я буду другой. И жить буду по-другому.

— С чего начнёшь?

— Я начну шить мешки для посылок. Чтобы собрать вещи и уехать домой.

— Так ты ж тут кричала, что каждый сам добиваться должен... А теперь ползёшь в тёплую норку.

— Надо сделать первый шаг. Поступок. Я соберу вещи и уеду домой. Всё остальное потом.

— Нет, не уедешь. Ты тут нужна, понимаешь?

И Валя, глядя Нонку по плечу, вдруг увидела всё случившееся с пронзительной ясностью.

Эпилог. Заканчивая не тем

Правда или не правда? Что важнее в отчёте? Что страшнее знать о себе и о близких людях, о стране своей? Что, если всё это неправда? Вопрос, как говорится, риторический. Люди советской эпохи никогда себе этот вопрос не задавали. По умолчанию правда была, но где-то там, далеко, скрытая от глаз. То, что она не совпадала с действительностью, никого особенно не тревожило. Все привыкли жить, цепляясь за коэффициент поправки на эту самую неправду. Считалось, что эта вредная примесь, вроде минеральных солей в водопроводной воде. Ну, попадает туда всякая грязь, но это как бы не смертельно. Ну, наорит тебе в школе, ну завалишь ты экзамен на сессии – так не обязательно родителям всё выкладывать, можно и потом как-нибудь схимичить, пересдать. Или даже придумать что-нибудь, чтобы не пересдавать. Главное, чтобы тебя не вытурили. Интересно, у тебя было много хвостов? У нашей героини, грешницы, круглой отличницы в школе, в институте хвостов было достаточно... Лютой зимой Валя с глубочайшим изумлением рассматривала рогатую машину с рычагами, устройство которой нужно было рассказывать на экзамене по вычислительной технике. Ну ладно кнопочные машинки, ну ладно арифмометры, но этот агрегат, напоминающий одновременно подставку для пилки дров и старинный ткацкий станок – это было выше её понимания. В голове кружились стихи, и на белой стене проступали наброски углем. Рогатая машина не поддавалась пониманию, а тем временем её однокашники всё это успешно сдавали. Вместо машины можно было напечатать для преподавателя несколько статей, но печатать она не умела. Те, что поумней, печатали за деньги и относили как своё, она честно призналась, что не умеет, машину не рассказала, получила честный неуд и честно призналась в этом родителям. Её честно лишили стипендии, а родители, выславшие ей деньги только за успешно сданные экзамены, рассердились и тоже ничего не прислали. Так что весь следующий семестр она питалась супом из пачки, да и то в долг. Это была стойкая прививка: будешь так принципиальноничать – останешься ни с чем. Цена честности.

Но не хотела она ехать на работу при помощи знакомств отца, поехала куда послали... И чуть не погибла. Спасаясь от напастей, поневоле поехала туда, где работал приятель отца. И что? И получила втройне. Потому что нельзя быть честным отчасти.

Валя верила в правду, история, героем которой стал Долганов – вернее, не героем, а побежденным – стала ещё более сильной прививкой. Да, это были времена, когда веселый жулик ценился выше, чем какой-то правдолюб. И никакой-то народ его не поддерживал, и никому, кроме Вали, он не понравился. Чем не лишний человек нашего времени?

А потом все привыкли настолько, что это стало законом жизни. Ну, подумаешь, отвергли. И Печорина отвергали, и Чацкого, и Платонов был не в чести у общества. Не от большой радости писал он «покаянные» письма Сталину. И мудрая Лана вполне улавливала эти аналогии в существовании маленького завода и огромной страны. Если бы она дожила до наших с тобой времен, она не удивилась бы ничему, в том числе и эпопее со многими, кто теперь в оппозиции. Вот нашёлся тоже герой – мне нечего бояться до такой степени, чтобы бежать за рубеж. Ну не побежал, ну попал в застенки на много лет. А кому от этого больно, кроме его матери, жены и детей? Все, кому удаётся их счастливая жизнь, согласны с заточением небезупречного, честного человека, и каждый для себя находит оправдание этой ситуации.

В те далекие времена, когда Валя кричала, что «во всех формах всё неправильно», люди ещё различали правду и неправду. Ты понимаешь, о чём я? Они могли молчать, зажав ладонью рот, спасая себя, но различали. А мы уже не различаем. Для Вали Дикаревой верность идеалам в лице изгоя Долганова означала верность конкретным людям. Но и того ей судьба не позволила. Вслед за Долгановым и она сама стала лишним человеком, то есть обычным человеком, не борцом. Гегелевская концепция трагической вины подводила черту под всеми её идеалами. Идеалы мешали жить и тогда, и теперь. Кто сидит сейчас в тюрьме? Долганов. Кто правит миром? Зяблик. Потому что идеалы исчезли, а вместо них оправданием всего стали деньги... Почему мы сегодня и вспоминаем эту историю.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Начиная издалека	3
1. Проходная в другую жизнь	7
2. К нам едет ревизор.....	14
3. Мрачное прошлое в бабочках (Дикаревский дневник)	38
4. Беседы за стаканчиком сока	70
5. Драма на лимане	83
6. Расстегнуть пуговицу – производственная необходимость	96
7. Ликбез по искусству и опрокинутый чайник	103
8. Крах коренной львовянки	113
9. Приют музыкантов. Черная моль и Андалузия	119
10. Комбинация вместо флага	126
11. Веселое пенье гудка	135
12. Ликбез по искусству: о наготe	141
13. Ночные слухи: Зяблику конец. Гуляние в помидорах	147
14. Приём по личным вопросам	155
15. Геометрия красоты в книжке и в жизни	160
16. Конец изгнания. Мир перевернулся	164
17. Имидж и изнанка экзотичного грека	171
18. Замуж от тоски	177
19. «Невыносимо, когда насильно»	187
20. Тревога. Экономика в купальниках, Ася в фате	198
21. Срывание масок	208
22. Месть среды, или Наказание кулешом	213
23. Предыстория гордости	228
24. Увидимся через годы	235
25. Слово не воробей	238
26. Он её не узнал. Он её не знал	252
27. Пора мыть окна	256
Эпилог. Заканчивая не тем	260

Галина Щекина
ТЕБЕ ВСЕ МОЖНО
Роман

Верстка и дизайн Р.О. Соболева
Репродукции на обложке М.Л. Анчаров, правообладатель
Корректор Л.А. Молчанова

Издательство «Авторская книга»
Москва, ул. Большая Никитская, д. 50/5, кабинет 21
Тел.: (495) 646-17-25
Федеральный номер: 8-800-555-14-25
E-mail: zakaz@izdat.ru
www.izdat.ru

ISBN 978-5-91945-404-5

9 785919 454045

Галина Шекина родилась в 1952 году в Воронеже, живет в Вологде с 1979 года. Член Союза российских писателей с 1996 года. Автор стихов, повестей и рассказов, изданных в книгах местных издательств, – три книги о Басе для детей (Вологда, «Легия», 2012-2013). Также автор книг «Ор» (Москва, «ЭРА», 2008 и «Букстрим», 2012), «Графоманка» (Москва, «Окси-Пресс», 2008), «Горящая рукопись» (Москва, «Окси-Пресс», 2010), «Астрофиллит» (Москва, «Вест-Консалтинг», 2011). Финалист «Русского Букера» (2008). Дипломант III премии «Народный писатель» на «Прозе.Ру» (2012). «Тебе все можно» – роман-ретро об испытании любовью и ложью.

АВТОРСКАЯ КНИГА